РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЫ

URGENT PROBLEMS OF EUROPE

Научный журнал
2016 – № 1

РОССИЯ – ЗАПАД: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ КРИЗИСА

RUSSIA – THE WEST: POLITICAL AND ECONOMIC DIMENSIONS OF THE CRISIS

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2016

УДК 327.8
ББК 66.2
А 43

ИНИОН РАН
Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем

Отдел Западной Европы и Америки
Редакционная коллегия:

Т.Г. Пархалина – гл. ред., канд. ист. наук, зам. директора ИНИОН РАН, руководитель Центра науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем, *Ю.А. Борко* – д-р экон. наук, гл. науч. сотр. Института Европы РАН, почетный президент Ассоциации европейских исследований, *М.В. Братерский* – д-р полит. наук, проф. Высшей школы экономики, зав. сектором ИНИОН РАН, *Н.Ю. Лапина* – д-р полит. наук, гл. науч. сотр. ИНИОН РАН, *Л.С. Лыкошина* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. ИНИОН РАН, *Е.А. Нарочницкая* – канд. ист. наук, ведущ. науч. сотр. ИНИОН РАН, *И.С. Новоженова* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИНИОН РАН, *О.Н. Новикова* – зам. гл. ред., канд. ист. наук, зав. Отд. Западной Европы и Америки, *Т.С. Кондратьева* – ст. науч. сотр. ИНИОН РАН, ответственный секретарь редакции.

Editorial Board:

T.G. Parkhalina – Editor-in-Chief, Ph.D. in history, deputy director of INION RAS, director of the Center of scientific information studies on global and regional issues, director of the Centre of European security studies, INION RAS, *Y.A. Borko* – Sc.D. in economics, principal researcher, IE RAS, honorary president of the Association of European studies, *M.V. Bratersky* – Sc.D. in political sciences, professor at the Higher school of economics, head of sector, INION RAS, *N.Y. Lapina* – Sc.D. in political sciences, principal researcher, INION RAS, *L.S. Lykoshina* – Sc.D. in history, principal researcher, INION RAS, *E.A. Narochnitskaya* – Ph.D in history, leading researcher, INION RAS, *O.N. Novikova* – Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in history, head of the department of Western Europe and America, INION RAS, *I.S. Novozhenova* – Ph.D in history, senior researcher, INION RAS, *T.S. Kondratyeva* – senior researcher, INION RAS, executive secretary.

Редактор-составитель выпуска – *М.В. Братерский*

А 43 **Актуальные проблемы Европы = Urgent problems of Europe**: Науч. журнал / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Зап. Европы и Америки; Ред. кол.: Пархалина Т.Г. (гл. ред.) и др. – М., 2016. – **№ 1: Россия – Запад: Политические и экономические измерения кризиса = Russia – the West: Political and economic dimensions of the crisis** / Ред.-сост. вып. М.В. Братерский. – 189 с.

Анализируются сдвиги в мировой политике и экономике, вызванные кризисом в отношениях России и Запада и подготовленные мировой экономической рецессией. Рассматривается новая конфигурация отношений между основными игроками мировой политики. Исследуются проблемы конкуренции и гегемонии в мировой и региональной экономиках.

Для научных сотрудников, специалистов в сфере государственного управления, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Analyzes the shifts in world politics and the economy caused by the crisis in relations between Russia and the West, and intensified by the world economic recession. Discusses a new configuration of relations between the main actors in world politics. Explores the problems of competition and hegemony in the world and regional economies.

For researches, state governance professionals, university professors, postgraduates and students.

УДК 327.8
ББК 66.2

ISSN 0235-5620

© ИНИОН РАН, 2016

Содержание

Сведения об авторах
About the authors ……..…..5
Введение
Introduction …….…...…..8
Т.В. Бордачев, Д.П. Новиков
T.V. Bordachev, D.P. Novikov
Украинский кризис и американо-европейские отношения: Структурные последствия и наметившиеся тенденции
The Ukrainian crisis and American-European relations: The structural consequences and trends 11
А.С. Скриба
A.S. Skriba
Факторы балансирования Беларуси и Украины между Россией и ЕС в 1991–2014 гг.
Among two blocks: The factors of balancing by Belarus and Ukraine between Russia and the European Union in 1991–2014 …….36
С.В. Михневич
S.V. Mikhnevich
«Эффект колеи» и проблема трансформации внешнеполитической ориентации России
«Dependence path» and the problem of the Russian external policy transformation ……..……..58
М.В. Братерский
M.V. Bratersky
Новая многополярность: Торговля и финансы в XXI веке
New multipolarity: Trade and finance in the 21 st century ……..…85

Е.А. Канаев, Р.И. Файншмидт
E.A. Kanaev, R.I. Fainshmidt
Многостороннее сотрудничество в АТР на фоне глобальных тенденций
Multilateral cooperation in the Asia-Pacific region in the conditions of global trends ……..100
А.С. Королев
A.S. Korolev
Углубление японо-китайских противоречий на современном этапе
The intensification of Sino-Japanese contradictions at the present stage ……122
Л.М. Григорьев, А.А. Лобанова
L.M. Grigoriyev, A.A. Lobanova
Изменения в разделении труда в АТР в контексте новой социально- экономической модели Китая
The changes in the division of labor in the Asia-Pacific region considering the new socio-economic model of China ……137
И.А. Сафронова
I.A. Safronova
Новый экономический порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Китайская версия
New economic order in the Asia-Pacific region: Chinese version ……..…167
К сведению авторов ……194

Сведения об авторах

Бордачев Тимофей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (tbordachev@hse.ru)

Bordachev T.V. – candidate of sciences (Ph.D in political sciences), associate professor of the Faculty of world economy and international affairs, director of the Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Америки Отдела Западной Европы и Америки ИНИОН РАН. (bratersky@gmail.com)

Bratersky M.V. – doctor of Sciences (Sc.D. in political sciences), professor of the Faculty of world economy and international affairs, leading researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics, leading researcher, head of sector, INION, Russian Academy of sciences.

Григорьев Леонид Маркович – кандидат экономических наук, заведующий Департаментом мировой экономики, профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ,

главный научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. (lgrigoriev@hse.ru)

Grigoryev L.M. – candidate of sciences (Ph.D in economic sciences), professor and head of School of world economy, Faculty of world economy and international affairs, principal researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics, chief advisor, Analytical Centre under the Government of the Russian Federation.

Канаев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, заведующий сектором Азиатско-Тихоокеанского региона Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (e.a.kanaev@gmail.com)

Kanaev E.A. – doctor of sciences (Sc.D. in history), professor of the Faculty of world economy and international affairs, head of Asia-Pacific division, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Королев Александр Сергеевич – магистрант Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (askorolev@hse.ru)

Korolev A.S. – master's student, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics, junior researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Лобанова Анна Андреевна – магистрант Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. (annalobanova
@inbox.ru)

Lobanova A.A. – master's student, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

Михневич Сергей Владимирович – аспирант Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. (sxzex@yandex.ru)

Mikhnevich S.V. – postgraduate student, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

Новиков Дмитрий Павлович – аспирант Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (dp.novikov@hse.ru)

Novikov D.P. – postgraduate student, Faculty of world economy and international affairs, junior researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Сафронова Ирина Алексеевна – магистр международных отношений, аспирант ФМЭиМП, НИУ ВШЭ. (isafronova@hse.ru)

Safronova I.A. – master of international relations, postgraduate student, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics, junior researcher, INION, Russian Academy of sciences.

Скриба Андрей Сергеевич – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (askriba@hse.ru)

Skriba A.S. – candidate of sciences (Ph.D in political sciences), researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Файншмидт Роман Иосифович – студент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. (fbromau@gmail.com)

Fainshmidt R.I. – student, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

Введение

В последние 10–15 лет мировая политическая и экономическая системы постепенно отходят от присущих им прежде однополярности, комплексного доминирования коллективного Запада при лидерстве США, но контуры нового мира пока размыты, его архитектура и институты только формируются. Процесс крайне противоречив и развивается вдоль многочисленных линий геополитических, экономических, культурных и идеологических разломов. С одной стороны, прежняя, во многом либеральная система организации мировой экономики и политики, несомненно, обеспечила прогресс во многих областях: количество людей, живущих в условиях крайней нищеты впервые в истории в этом году опустится ниже 10% от населения планеты, по данным ООН, реализованы большинство пунктов амбициозной программы развития «Цели тысячелетия».С другой стороны, результатом глобализации финансов становятся все более частые валютно-финансовые кризисы, потрясающие мировую экономику, глобальное замедление экономического роста, усиливающаяся неравномерность развития разных регионов мира.

Возможности предыдущей модели мироустройства оказываются исчерпанными. Ее бывшие лидеры потеряли свое абсолютное превосходство в политической, экономической и военной сферах. На мировую сцену вышла группа стран – представителей не-Запада (БРИКС, МИНТ), которые требуют

предоставить им равное право в решении проблем мировой политики и экономики. Запад более неспособен единолично формулировать мировую повестку, на примерах Афганистана, Ливии и Ирака он показал пределы своей военной мощи и более не может без сопротивления других участников продвигать выгодные для себя решения в мировой торговле, валютной сфере, финансах, вопросах защиты интеллектуальной собственности.

Несовершенство мировой политической и экономической систем, действовавших в 1990-х годах, проявилось в цепочке политических и экономических кризисов, расшатавших существовавшую модель. В их ряду – югославский кризис 1999 г.; серия разрушительных войн, проигранных Западом в Афганистане, Ираке, Ливии и приведшая к дестабилизации Большого Ближнего Востока; попытки суннитских режимов Персидского залива установить теократическую гегемонию в регионе поверх национальных границ; формирование БРИКС, выражающего валютно-экономические интересы крупных незападных экономик; мировой валютно-финансовый кризис 2007–2008 гг. и последовавшие за ним смягчения кредитно-денежной политики ФРС США; кризис долгов в еврозоне и финансовые решения, принятые ЕС; столкновение двух моделей интеграции на Украине, повлекшее за собой политический кризис в отношениях России и Запада; война санкций, ускорившая переформатирование товарных и кредитных рынков.

Почти ставшая единой мировая торговая система распадается на блоки, только что достигнуто соглашение о создании ТТП (Транстихоокеанского партнерства), исключающего из числа своих участников такие мировые экономики, как Китай и Россия. В противовес подобным инициативам энергично идет строительство Евразийского экономического союза, который может стать важным шагом к формированию Большой Евразии – еще одного гигантского торгово-экономического блока с участием таких стран, как Китай, Индия, Иран. Продвигается процесс формирования Трансатлантического интеграционного блока.

Все более неустойчивой становится мировая валютная система. Растущие экономики, ставшие богатыми и влиятельными, перестают соглашаться с правилами регулирования валютного обмена, созданными Соединенными Штатами и проводимыми в

жизнь организациями, которые, по мнению многих, находятся под их контролем. Как альтернатива, хотя еще не противовес, создаются иные региональные и глобальные валютные и финансовые институты, которые также отражают меняющийся баланс экономической мощи. На слуху такие инициативы, как пул валют БРИКС, Чиангмайская инициатива, Банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Незападные страны все энергичнее переходят на использование национальных валют в двусторонних расчетах, подрывая тем самым мировое доминирование доллара.

Меняется конфигурация мировых рынков капитала. Этот процесс особенно наглядно прослеживается в случае России, которая оказалась отрезанной от западных рынков капитала в результате объявленных против нее санкций. Результатом стало формирование новой политики, нацеленной как на использование внутренних резервов, так и на ориентацию на сотрудничество с политически близкими странами.

Меняется модель экономического роста крупнейших экономик мира, в частности Китая. Существенно упали цены на энергоносители, что привело к изменению глобальных потоков капитала. Нестабильность на Ближнем Востоке сгенерировала волну беженцев в Европу, в международные отношения все глубже вмешиваются негосударственные игроки, такие как ИГИЛ.

Материалы данного выпуска журнала посвящены попытке осмысления части из перечисленных выше разнородных явлений, меняющих сегодня лицо планеты. В выпуск вошли статьи, посвященные анализу интеграционных процессов в Тихоокеанском регионе, новой роли Китая в региональной и мировой экономике, интеграционным инициативам в Евразии, возникающей многополярности в торговой и финансовой сферах, другим актуальным вопросам.

М.В. Братерский

Т.В. Бордачев, Д.П. Новиков

Украинский кризис и американо-европейские отношения: Структурные последствия и наметившиеся тенденции

Аннотация. *Международный кризис вокруг Украины, начавшийся с массовых демонстраций на Майдане в Киеве и переросший в кровавый вооруженный конфликт в Восточной Европе, сегодня является одним из главных вызовов региональной безопасности. Отличительной чертой украинского кризиса является комплексный характер его последствий для системы политических, стратегических и экономических связей в регионе. В данной статье рассмотрено структурное влияние украинского кризиса на повестку дня и динамику евроатлантических отношений.*

Abstact. *Ukrainian crisis, started with mass manifestations on the Maidan square, today is one of the main challenges to European security. The distinctive feature of the crisis is the complex consequences for the whole system of political, strategic and economic links in the region. This article will focus on structural influence of Ukrainian crisis on agenda and dynamics of Transatlantic relations.*

Ключевые слова: *США, ЕС, украинский кризис, европейская безопасность.*

Keywords: *USA, EU, Ukrainian crisis, European security.*

Стратегическая консолидация: Синхронизация европейско-американского подхода к украинскому кризису

Международный военно-дипломатический кризис вокруг Украины в 2014–2015 гг. стал одним из центральных сюжетов в

американо-европейских отношениях, определил эволюцию их природы и содержания, сформировал предпосылки для эволюции этих отношений в долгосрочной перспективе. Последствия украинского кризиса проявились в значительном воздействии, которое события на Украине оказали на весь комплекс американо-европейских отношений: политическое и торгово-экономическое сотрудничество, диалог по вопросам безопасности, координацию подходов Вашингтона и его европейских союзников к отношениям с третьими странами. Прежде всего это касается диалога с крупнейшим восточным соседом – Россией, в котором за последние полтора года наметились признаки сближения подходов США и стран Европейского союза. При этом украинский кризис не только создал условия для возвращения США в Европу, но и способствовал консолидации ведущих сил Запада перед лицом вызова западному доминированию со стороны новых центров силы.

Сближение США и стран ЕС на фоне украинского кризиса можно рассматривать в качестве важнейшей предпосылки формирования более сплоченного сообщества стран Запада в противостоянии новым игрокам, в первую очередь Китаю и России. В экономическом отношении кризис вокруг Украины, совпавший по времени с кризисными явлениями в европейской экономике, способствовал прогрессу переговоров о формировании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) – экономического объединения стран Запада вокруг США. В стратегическом измерении американо-европейская консолидация на фоне украинского кризиса характеризовалась двумя ключевыми факторами: подтверждением и увеличением зависимости ЕС от США в сфере безопасности и усиливающейся синхронизацией общей политики США и ЕС в отношении новой «угрозы с Востока».

Видимую активизацию американской дипломатии на Украине хронологически можно отнести к декабрю 2013 г.: посещение Майдана помощником госсекретаря США В. Нуланд символически обозначило переход Вашингтона к более решительному участию в политическом процессе, до этого считавшемся внутриевропейским. Администрация Б. Обамы выступила в защиту протестующих сторонников евроинтеграции,

оказывая поддержку ЕС в стремлении вернуть Киев на уже обозначившийся путь открытости европейским институтам [Обама впервые.., 2014]. В частности, это проявилось в публично озвученных угрозах введения санкций в отношении президента В.Ф. Януковича и его окружения [Керри подтвердил.., 2014]. Фактически президент Янукович оказался поставлен перед выбором, уклонение от которого долгие годы было основой внешней политики Украины, делавшей ставку на балансирование между Россией и ЕС.

Включившись в качестве одного из акторов в украинский кризис, США взяли курс на инкорпорацию Украины в евроатлантическое политико-институциональное пространство, последовательно проводя линию, не предусматривавшую какого-либо компромисса или компенсации для России. Более того, диалог Вашингтона с Москвой оказался невозможен в силу главной концепции американской вовлеченности в украинский кризис: восприятия протестующих в качестве основного субъекта украинской политики при одновременной делегетимизации действующего президента. Российский подход был диаметрально противоположен.

В то же время общий подход ЕС к разрешению украинского кризиса в первые его месяцы был принципиально отличен от американского. Брюссель и европейские столицы действовали, исходя из стремления не допустить сползания украинских событий в системный кризис как внутриукраинской, так и общерегиональной политики. В связи с этим в диалоге и с Москвой, и с официальным Киевом ЕС придерживался более умеренного подхода, пытаясь избежать тупика и сохранить лазейки для компромисса.

Главным проводником умеренной тональности европейской повестки являлась Германия, в меньшей степени – Франция, выступавшие за сохранение стратегических отношений с Россией и компромиссное урегулирование украинского внутриполитического конфликта на условиях, близких к status quo. Позиция Берлина в этот период характеризовалась ярко выраженным дуализмом, проявлявшемся в более жесткой риторике канцлера А. Меркель и более мягком подходе главы внешнеполитического ведомства

В.-Ф. Штайнмайера [Speck, 2014]. Берлин стремился использовать пространство для маневра в условиях разгорающегося конфликта между Москвой и Вашингтоном для его погашения и недопущения перехода конфликта в открытую фазу. На практике подобный подход подразумевал сохранение В. Януковичем поста президента (временное, до следующих выборов) и поиск компромисса с Москвой по вопросу об экономических и политических последствиях имплементации соглашения об ассоциации Украины с ЕС.

В русле такого подхода было составлено Соглашение президента В. Януковича и представителей оппозиции от 21 февраля 2014 г. [Agreement.., 2014]. Документ предусматривал сохранение В. Януковичем поста президента при одновременном конституционном ослаблении президентских полномочий в пользу Верховной рады Украины, прекращение кровопролития на улицах Киева и перевод острых внутриполитических разногласий в конституционно-правовое русло. Недвусмысленная поддержка, оказанная данному соглашению европейской дипломатией, – под текстом документа поставили свои подписи главы внешнеполитических ведомств Германии, Франции и Польши, – отражала стремление европейских стран добиться стабилизации обстановки на Украине и если не преодолеть, то по крайней мере «подморозить» кризис в отношениях между внутриполитическими силами Украины, отстаивавшими разные векторы геополитической ориентации. За этим стояло желание стабилизировать отношения между внешними игроками, на которые эти векторы были направлены.

Различие в подходах США и ЕС ярко проявилось в дипломатическом скандале, связанном с публикацией записи разговора между послом США на Украине Дж. Пайетом и помощником госсекретаря США В. Нуланд в начале февраля 2014 г. [Телефонный разговор.., 2014]. В. Нуланд критично оценила политику ЕС в отношении украинского кризиса, допустив оскорбительное высказывание в адрес союзника. Позднее В. Нуланд извинилась перед европейскими коллегами, подтвердив тем самым достоверность разговора. Показательно, что при демонстрируемой трансатлантической солидарности по украинскому вопросу скандал, связанный с обнародованием

фактов, свидетельствующих о неуважительном отношении американских дипломатов к союзникам, не получил вразумительных комментариев со стороны Белого дома и не привел ни к кадровым перестановкам в Государственном департаменте, ни к ответным дипломатическим шагам со стороны ЕС.

Разность стратегий США и стран ЕС касательно украинского кризиса в первые его месяцы отражала одну из важнейших черт отношений Запада с Россией и другими великими державами – относительный плюрализм в подходах западных стран к основным мировым и региональным проблемам, сохранявшийся в 1990-е и 2000-е годы. В условиях «мягкой гегемонии» такой плюрализм придавал большую гибкость взаимодействию внезападных центров силы с евроатлантическим миром, в том числе с его лидером – США. Дальнейшее развитие украинского кризиса не только принципиально изменило российско-западные отношения, но, по сути, подвело черту под относительно полицентричным характером внутренней структуры евроатлантического пространства.

Невозможность имплементации соглашения от 21 февраля, составленного в духе умеренного подхода Берлина и Парижа, во многом была обусловлена отсутствием американской поддержки. В ходе переговоров США были представлены на уровне посла, отказавшегося при этом поставить подпись под соглашением (Россия, также не взявшая на себя формальных обязательств за исполнение документа, была представлена спецпредставителем президента В.П. Лукиным). Это способствовало делегитимизации соглашения в глазах наиболее радикального крыла протестующих, пользовавшегося безоговорочной поддержкой Вашингтона, и обусловило падение В. Януковича на следующий день после заключения соглашения. События 21–22 февраля, по сути, исключили возможность урегулирования кризиса на условиях временного компромисса. Перевод российско-западных отношений в жесткие рамки игры с нулевой суммой, одним из эпизодов которой стало присоединение Крыма к РФ, сформировал рамки для консолидации западной политики в отношении Москвы на основе американского подхода.

Характерной чертой этой стратегической консолидации явился распад общеевропейского подхода к украинскому кризису и отношениям с Россией на ряд отдельных тактических повесток. Закономерным следствием стало выпадение из «европейского концерта» Польши, игравшей наряду с Францией и Германией заметную роль в выработке соглашения от 21 февраля. «Посткрымская» политика Варшавы стремительно трансформировалась в радикально конфронтационный подход к отношениям с Москвой, зачастую даже более жесткий, чем предусматривалось политикой администрации Б. Обамы. Избрание на пост председателя Европейского совета премьер-министра Польши Д. Туска способствовало закреплению такого подхода на уровне европейских институтов. Увеличилась роль Великобритании, изначально занимавшей наиболее близкую Вашингтону позицию и активно приветствовавшей падение президента В. Януковича в феврале 2014 г.

Консолидируя европейских союзников, США активно маневрировали между разными повестками. Так, динамика разрыва экономических связей с Россией после присоединения Крыма к РФ демонстрировала разный уровень готовности трансатлантических союзников к жесткой конфронтации с Москвой. Страны ЕС в большей степени дорожили экономическими связями с Россией, особенно в сегменте энергетического сотрудничества, что обусловливало неготовность Брюсселя и отдельных членов объединения к вводу экономических санкций против Москвы. Эти обстоятельства объективным образом корректировали и действия Вашингтона, в гораздо меньшей степени заинтересованного в сохранении торгово-экономических отношений с Россией, а потому проявлявшего большую готовность к введению ограничений против отдельных компаний, а также отраслей так называемого «третьего пакета» санкций.

Поэтому до июля 2014 г., т.е. до катастрофы малайзийского «Боинга», США и ЕС испытывали определенные трудности в синхронизации санкций в отношении Москвы. «Крымский эпизод» украинского кризиса не привел к полному консенсусу между Вашингтоном и его европейскими союзниками в этом вопросе. В то время как Вашингтон и Лондон, занявший близкую к американской позицию, призывали к ужесточению санкций и

исключению России из «большой восьмерки» [Глава МИД.., 2014], в Берлине стремились избежать большого ущерба экономическим отношениям с Россией и рассчитывали на ограниченную изоляцию Москвы для последующего возобновления диалога. Характерным проявлением такого подхода являлось затягивание решения по передаче России вертолетоносцев «Мистраль»: в течение 2014 г. даже в условиях ужесточения экономических санкций Париж уклонялся от принятия окончательного решения относительно их судьбы.

Ключевой германско-французской инициативой по «смягчению» ущерба российско-европейским отношениям стало образование так называемой «нормандской четверки», созданной в ходе встречи лидеров России, ФРГ, Франции и Украины в Нормандии в июне 2014 г. Нормандские контакты, в результате которых российский президент В. Путин и новоизбранный президент Украины П. Порошенко достигли договоренностей по мерам деэскалации конфликта на востоке Украины, стали последней «самостоятельной» попыткой европейской дипломатии, представленной Парижем и Берлином, взять под контроль развитие кризиса и удержать спираль конфронтации. При этом ФРГ и Франция увязывали выполнение Россией достигнутых в Нормандии договоренностей с нежелательным для них самих ужесточением санкций.

Однако в условиях отсутствия у Берлина и Парижа реальных инструментов воздействия на Киев эти инициативы оказались обречены на провал. Эскалация вооруженного конфликта на Украине в июле–августе 2014 г. и катастрофа малайзийского авиалайнера в зоне боевых действий стали точкой невозврата, определившей ужесточение политики ЕС в отношении России и синхронизацию европейских санкций с санкциями США. Предъявленные Москве обвинения в поставках средств ПВО повстанцам и в косвенной причастности к крушению лайнера, поддержанные европейскими разведслужбами [Gude, Schmid, 2014], содействовали резкому росту антироссийских настроений в ЕС и создали политический климат, способствовавший нанесению значительного ущерба российско-европейским экономическим связям [Russia's global.., 2014]. Показательно при этом, что США ввели элементы так называемого «третьего пакета» санкций 16

июля, за день до катастрофы, в то время как члены ЕС в то время еще не определились относительно необходимости введения секторальных санкций против России.

После катастрофы малайзийского авиалайнера эти санкции были введены, а инициатива в сфере определения общей стратегической повестки консолидированного американо-европейского подхода в отношениях с Москвой окончательно перешла к Вашингтону. Примечательно, что в этих условиях участники переговоров в «нормандском формате» фактически сосредоточились на тактическом «кризис-менеджменте», дважды (в сентябре 2014 г. и в феврале 2015 г.) способствовав прекращению огня и временной деэскалации конфликта. В настоящий момент ключевой формат российско-европейского диалога по Украине оказывает лишь ограниченное влияние на динамику стратегических отношений.

Политико-институциональная инкорпорация повесток союзников относительно восточного соседа произошла на саммите НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г. В итоговых документах саммита констатируется возрастание угрозы со стороны России, которая с марта-апреля была фактически изолирована от каналов политических, гражданских и военно-технических контактов с альянсом [Wales summit.., 2014]. Однако при этом не был принят ряд принципиальных решений, укладывающихся в рамки восточноевропейского подхода, по совершению последовательных шагов для превращения НАТО в специализированный инструмент сдерживания России (таких как форсирование интеграции Украины и Грузии в евроатлантическое пространство безопасности и резкое увеличение оборонных расходов) [Лукьянов, 2014].

В то же время в качестве гарантий безопасности, приемлемых для восточноевропейских членов ЕС и НАТО, было принято решение о формировании соединения «сверхбыстрого реагирования» (Very High Readiness Task Force) в составе 5 тыс. военнослужащих, а Вашингтон в дополнение к этому произвел одностороннее увеличение своего воинского контингента в ЕС. Так, в ноябре 2014 г. командующий сухопутными войсками в Европе Ф.Б. Ходжес сообщил о начавшейся переброске 150 танков и другой бронетехники для увеличения мобильности оперативных сил, расположенных в Восточной и Центральной Европе [Wong,

2015]. В феврале 2015 г. по итогам встречи министров обороны стран – членов НАТО было принято решение об увеличении сил быстрого реагирования (Response Force) альянса до 30 тыс. солдат. Эта повестка, предполагающая ограниченное, но уверенное наращивание тактического присутствия США и НАТО в Восточной Европе, не исчерпана и сегодня. Тревожным сигналом является заявление американских военных о возможности размещения в регионе ракет малой и средней дальности, что мотивируется якобы имеющем место нарушением договора РСМД со стороны России [Американские военные.., 2015].

Тем не менее, даже несмотря на усиление присутствия НАТО в Восточной Европе в 2014–2015 гг., детальная оценка военной инфраструктуры альянса в регионе позволяет говорить об общем сохранении баланса сил в области обычных вооружений в пользу России [Larrabee, Wilson, Gordon, 2015]. Увеличение численности и активности американских войск в Европе в 2014–2015 гг. в большей степени имело целью повышение авторитета Вашингтона в политическом диалоге с ЕС и утверждение его стратегического лидерства, нежели достижение тактического паритета с российскими вооруженными силами в Восточной Европе. В известной степени трансатлантические отношения откатились на четверть века назад, к состоянию, о котором тогда говорилось, что НАТО «препятствует созданию мирной Европы, является главным рычагом Вашингтона в его европейской политике» [Караганов, Трофименко, Шеин, 1985, с. 1].

Появление «линий разделения» в Восточной Европе и последующее выстраивание здесь военной инфраструктуры привели к тому, что в Европе возобладал американский подход к безопасности, основанный на «жесткой» НАТО-центричной модели. Инклюзивный вариант развития европейской архитектуры безопасности с включением России в общее пространство евроатлантической безопасности «от Ванкувера до Владивостока», упомянутый (в очень ограниченном и едва ли приемлемом для Москвы виде) в декларации Лиссабонского саммита НАТО 2010 г., был окончательно отвергнут. «Посткрымская» архитектура безопасности в повестке отношений США–ЕС основывается на укреплении политических и оборонных связей в рамках евроатлантической солидарности. В данной схеме,

которая носит очевидно антироссийский характер, Россия играет роль и главного раздражителя, и главной смысловой оси в логике выстраивания системы безопасности, основанной на «линиях разделения» и идее «сдерживания Москвы».

Блокирование инклюзивного варианта развития архитектуры европейской безопасности во многом оказалось следствием жесткой позиции Вашингтона по украинскому кризису, способствовавшей трансформации внутриполитического конфликта в игру с нулевой суммой в международном измерении. Таким образом, 2014 г. стал поворотным моментом в плане определения долгосрочного трека развития американо-европейского диалога по евроатлантической безопасности. Инклюзивный вариант, в наибольшей степени соответствующий интересам западноевропейских стран, был исключен из повестки дня. США способствовали переносу конфронтационной модели российско-американских отношений на российско-европейские, что привело к утверждению несбалансированной архитектуры безопасности, основанной на силовом противостоянии России и Запада и являющейся фактором снижения, а не повышения уровня региональной безопасности.

Структурирование российско-западной конфронтации сопровождалось звучавшими со стороны Берлина и Парижа декларациями о приверженности идее создания «единого гуманитарного и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» [Декларация.., 2015]. Осенью 2014 г. идею построения такого пространства путем установления прямого диалога между ЕС и ЕАЭС озвучила канцлер ФРГ А. Меркель [Wagstyl, Khalaf, 2014]. Все эти предложения, однако, выглядят просто как способ «подсластить» пилюлю.

Причина заключается в том, что фарватер для активных дипломатических действий на российском направлении для европейских государств остается довольно узким. Берлин и Париж, десять лет назад открыто критиковавшие США за вторжение в Ирак и демонстративно дистанцировавшиеся от неуклюжих, с их точки зрения, действий Вашингтона, в настоящий момент не пытаются формировать самостоятельную стратегию, довольствуясь той степенью свободы маневра, которую предоставляет им политика администрации Б. Обамы.

При этом «карикатурный», по выражению известного российского ученого-международника, характер российско-западной конфронтации [Караганов, 2015] позволяет описывать консолидацию Запада не столько как «возвращение» США в Европу, сколько как «реструктуризацию» их присутствия. Так, выстраивание натовской военно-политической инфраструктуры в Восточной Европе сопровождается сокращением присутствия альянса в Германии, переброской оборонных ресурсов из Евроатлантики в АТР. Консолидируя вокруг себя европейских союзников, Вашингтон преследует цель создать благоприятный тыл для «поворота в Азию», все более приобретающего черты политики сдерживания Китая.

Главным эффектом воздействия украинского кризиса на стратегические отношения США и их европейских союзников в 2014 г. стало появление мощной и актуальной консолидирующей повестки в виде противостояния «угрозе с Востока». Коренной пересмотр отношений Запада с одним из ключевых внезападных центров силы дал старт комплексной перестройке структуры трансатлантических отношений. В частности, стратегическое сближение оказало влияние на два других важнейших аспекта сотрудничества – диалог по торговле и особенно – по энергетике.

Украинский кризис и энергетический диалог США–ЕС

Украинский кризис дал мощный стимул к принятию политических мер по привязке европейских союзников к США в других областях, прежде всего в сфере экономики. Ключевым аспектом этого партнерства является снижение зависимости ЕС от импорта российского газа. В настоящий момент США не осуществляют поставки природного газа в страны ЕС и практически не экспортируют сырую нефть ввиду законодательных ограничений, наложенных на экспорт сырой нефти с 1973 г. В 2014 г. экспорт американской сырой нефти в страны ЕС составил около 1,2 млн баррелей [Exports by destination.., 2015], что меньше однодневного потребления сырой нефти, например, в Германии (2,4 млн баррелей в день в 2013 г.) [Oil consumption.., 2014].

Наибольшую озабоченность ЕС и США вызывает зависимость Европы от поставок природного газа, для осуществления которых необходимо создание сложной и капиталоемкой инфраструктуры. Именно этот вопрос, ставший ключевым в ходе обсуждения проблем энергетической безопасности европейских союзников США, обсуждался на полях саммита ЕС–США в марте 2014 г. В ходе встречи с европейскими лидерами американский президент Б. Обама заявил о готовности снять законодательные ограничения на экспорт сжиженного природного газа (СПГ) из США для обеспечения возможности поставок американского сланцевого газа в Европу [Кравченко, Ходякова, 2014]. Другим аспектом энергетической безопасности ЕС в условиях конфронтации с Россией является наращивание поставок нефти. Однако реализации этого решения препятствует целый комплекс политических, экономических и технических трудностей, в силу чего реальный потенциал развития американо-европейских энергетических связей предстает далеко не в столь радужном свете, как в декларативных заявлениях Белого дома.

Главной преградой, затрудняющей поставки американского СПГ и сырой нефти в Европу, являются политические и экономические препятствия. Высокая заинтересованность американской нефтехимической промышленности в сохранении низких внутренних цен на природный газ, острая критика строительства терминалов СПГ со стороны экологов, а также заявка Б. Обамы на активную поддержку «зеленых технологий» (еще в период его первой администрации) обусловливают высокую политическую цену полной либерализации экспорта углеводородов. С весны 2014 г. администрация Б. Обамы так и не сумела провести законодательные изменения режима экспорта американского природного газа и нефти.

Организация поставок американского СПГ в ЕС в краткосрочной перспективе остается невозможной и в силу отсутствия инфраструктуры. На 2015 г. в США отсутствуют СПГ-терминалы для масштабных поставок сжиженного сланцевого газа в страны ЕС. Введение в строй первого такого терминала запланировано на 2016 г. Всего существующие проекты предполагают введение шести терминалов в период с 2016 по 2020 г. суммарной экспортной мощностью 118 млрд куб. метров

природного газа в год. В то же время в 2013 г. потребление природного газа в ЕС составило 392 млрд куб. метров, а доля российского экспорта – ок. 161 млрд куб. метров (ок. 30%) [Самофалова, 2014]. Таким образом, в среднесрочной перспективе даже с учетом всей экспортной мощности и сохранения потребления энергоносителей в Европе на текущем уровне США не смогут полностью заместить поставки российского газа.

Важным препятствием на пути американских энергетических поставок в ЕС является их относительно низкая экономическая рентабельность. Текущая рыночная конъюнктура делает практически невозможными (даже с учетом отмены законодательных ограничений) поставки в ЕС американской сырой нефти. В условиях прогнозируемых среднесрочных цен в коридоре 60–70 долл. США за баррель в ближайшие пять лет добыча сланцевой нефти будет оставаться малорентабельной. Так, в прошлогоднем отчете Международного энергетического агентства средним порогом рентабельности нефтяных компаний, специализирующихся на сланцевых месторождениях, указывалась цена в 80 долл. за баррель [Оверченко, 2014].

Структура энергетического рынка будет препятствовать и поставкам американского сланцевого газа в ЕС. В настоящий момент наиболее привлекательным и быстрорастущим рынком для поставок СПГ является Азия, в частности Япония, Китай и Республика Корея, где средняя цена за кубический метр природного газа примерно на 100 долл. выше, чем на европейском рынке. Это обусловливает стремление американских производителей обеспечить себе присутствие именно на рынках Азии. Таким образом, развитие поставок американских энергоресурсов не имеет экономического смысла, если благоприятные политические условия для налаживания европейско-американского энергетического партнерства не будут сохраняться достаточно длительное время для обеспечения американским поставкам конкурентных преимуществ.

В свою очередь, европейская инфраструктура по приему СПГ также обладает ограниченными возможностями для обеспечения американских поставок. К 2014 г. регазификационными терминалами обладали Великобритания, Франция, Испания, Италия, Бельгия, Португалия и Греция, не

имеющие при этом ни инфраструктуры, ни излишков для реэкспорта природного газа в другие страны ЕС. Постепенное строительство инфраструктуры по приему СПГ идет в Прибалтике. В октябре 2014 г. первый регазификационный терминал был открыт в Литве. В ноябре стало известно о достижении соглашения между Финляндией и Эстонией об организации совместного проекта строительства терминалов в этих странах.

Вашингтон приветствовал создание инфраструктуры по приему СПГ на Балтике. Официальный представитель Госдепартамента Д. Ратке отметил, что это «новейшее дополнение к энергетической безопасности Европы будет введено в эксплуатацию до конца текущего десятилетия» [США заинтересованы.., 2014]. Активизация процесса создания балтийского кластера СПГ-терминалов остается пока единственным косвенным последствием активизации энергетического диалога США и ЕС, отразившимся в реализации конкретного проекта.

Другим важным аспектом стратегии снижения зависимости ЕС от российских энергоресурсов стало политическое торпедирование проекта «Южный поток». Проект прокладки трубопроводной инфраструктуры в страны Южной Европы по дну Черного моря вызывал раздражение в Брюсселе, безуспешно лоббировавшем с начала 2000-х годов строительство газопровода «Набукко». В условиях катастрофического падения российско-европейских отношений и отсутствия мощного геополитического лоббиста среди стран ЕС «Южный поток» (в отличие от «Северного потока») оказался в крайне уязвимом положении. Летом 2014 г. ЕС и США предприняли консолидированные усилия по давлению на наиболее заинтересованную и глубоко вовлеченную в работу над проектом страну ЕС – Болгарию. 9 июня 2014 г. после встречи с группой американских сенаторов премьер-министр Болгарии А. Вучич заявил о приостановке работы над проектом [Болгария отказалась.., 2014]. В свою очередь, 1 декабря в ходе визита в Турцию российский президент В. Путин заявил об отказе от строительства «Южного потока», предложив заменить его «Турецким потоком» – альтернативным маршрутом прокладки труб через территорию Турции [РФ отказалась.., 2014].

Таким образом, участие США в энергетической безопасности ЕС в обозримой перспективе будет осуществляться преимущественно политико-дипломатическими методами в силу объективной невозможности физических поставок американского газа. Тем не менее стремление Вашингтона усилить свою роль в энергетической безопасности ЕС может иметь глубокие последствия в долгосрочном плане. Пожалуй, наиболее эффективные меры, принятые США и ЕС для снижения зависимости Европы от российского газа, заключаются в структуре и объектах принятых санкций. Запрет на продажу оборудования и технологий для газо- и нефтедобычи, в частности для глубоководного бурения, а также ограничение на предоставление займов ключевым игрокам российского топливно-энергетического комплекса в долгосрочной перспективе способны затруднить наращивание добычи энергоресурсов Россией. И, следовательно, снизить долю российских энергоресурсов на европейском рынке.

Сохраняющаяся при этом проблема отсутствия технических возможностей для организации поставок американского сланцевого газа в ЕС может быть разрешена только в долгосрочной перспективе. Однако масштабная закачка американского газа в трубы ЕС, даже при появлении таких возможностей, будет требовать сохранения ряда внутри- и международно-политических переменных, создающих благоприятный политический климат для перераспределения баланса сил на европейском рынке энергоносителей.

Таким образом, американское участие в обеспечении энергетической безопасности ЕС остается пока фактором больше из области желаемого, нежели действительного. Вместе с тем сама возможность организации американских энергетических поставок в будущем является мощной консолидирующей повесткой, ободряющей сторонников углубления российско-западной конфронтации, порой на 100% зависимых от российских энергопоставок (как, например, Польша). При этом «виртуальная» трансатлантическая энергетическая связка дает Вашингтону дополнительный козырь в другой важной для американо-европейских отношений области – диалогу по ТТИП.

Проблемы институционализации экономических связей

Выступая на мероприятии Института геостратегии экс-советника по национальной безопасности З. Бжезинского, бывший председатель сенатского комитета по внешней политике сенатор Р. Менендез заметил: «Мы должны смотреть на ТТИП[1] с точки зрения безопасности как сильный сигнал Путину, что США и ЕС неразделимы. Что касается энергетики, Европа никогда не будет в безопасности до тех пор, пока не будет обеспечена ее энергетическая безопасность» [Senator Menendez.., 2015]. Таким образом, флагманский проект в развитии европейско-американского экономического сотрудничества попал под влияние стремительно изменившейся стратегической ситуации в Восточной Европе.

Торгово-экономическое партнерство США и ЕС остается одной из главных опор американо-европейской стратегической оси, в то же время – источником противоречий. Углубление противоречий в последние годы было связано с различными подходами США и ЕС к преодолению последствий глобального финансово-экономического кризиса, усилению конкуренции на мировых рынках, а также с непростыми переговорами по заключению соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве.

Торговый оборот между США и ЕС в 2014 г. составил около 700 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с 2013 г. (650 млрд долл.) [U.S. trade.., 2015]. Рост американо-европейской торговли вывел ЕС на первое место среди крупнейших торговых партнеров США (в 2014 г. торговый оборот США с Канадой – 660 млрд долл., с Китаем – 590 млрд долл.), сохранив за США первое место среди торговых партнеров ЕС. При этом США укрепили свои позиции в качестве крупнейшего рынка сбыта для европейских товаров, значительно превосходящего по показателю импорта из ЕС ближайших конкурентов: Швейцарию, Китай и Россию. При этом, однако, европейский рынок по-прежнему

[1] *Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) – проект всеобъемлющего соглашения о свободной торговле между США и ЕС, инициированное администрацией Б. Обамы в 2013 г.*

закрыт для ряда наименований американских товаров, в частности продовольствия, фармацевтической продукции. Важным источником противоречий остается и вопрос о выработке общих стандартов финансового регулирования. В частности, формируемый в ЕС Банковский союз затрудняет, по сути, деятельность «чужих» банков на европейском рынке.

В этом контексте проект ТТИП выглядит как попытка США ослабить регулятивные барьеры ЕС и сформировать преференциальный торговый блок в рамках евроатлантического региона. Вашингтон при этом не скрывает высокую геополитическую значимость проекта. Так, запуская в 2013 г. переговорный процесс по ТТИП, Б. Обама отмечал, что, «взглянув дальше узких озабоченностей, мы сможем увидеть более широкую перспективу – экономическую и стратегическую значимость проекта», добавляя при этом, что «экономический альянс будет столь же силен, сколь и альянс безопасности» [Remarks.., 2013]. При этом в торгово-экономической и стратегической связке более крупная и хорошо управляемая национальная экономика США неизбежно будет играть ведущую роль, как и в рамках оборонного альянса.

«Угроза с Востока» и консолидация перед ней евроатлантического пространства способствовала повышению геополитической значимости проекта. Так, выступая на слушаниях подкомитета по Европе и региональной безопасности, исполнительный вице-президент Атлантического совета Д. Вильсон заявил, что «комплексная трансатлантическая стратегия сдерживания Путина должна быть распространена на те сферы, где мы имеем большой потенциал – торговлю и энергетику», отметив при этом ключевую роль ТТИП в этом аспекте [Wilson, 2015, p. 7]. Аналогичным образом высказывался и упомянутый выше сенатор Менендез.

Консолидация Запада в условиях конфронтации с Россией объективно подталкивает ключевых европейских лидеров к скорейшему завершению переговоров по проекту. Так, поддержку скорейшему заключению ТТИП с учетом его стратегического значения неоднократно выражала федеральный канцлер Германии А. Меркель. За скорейшее заключение соглашения высказался и новоизбранный глава Еврокомиссии Ж.К. Юнкер

[Kroet, 2015]. Косвенной победой сторонников трансатлантической зоны свободной торговли можно назвать заключение в сентябре 2014 г. аналогичного ТТИП соглашения между ЕС и Канадой, включающего договоренности по ряду наиболее острых проблем.

Мощным фактором усиления американской позиции в переговорах по ТТИП стала энергетика. В 2014 г. в условиях начавшейся российско-западной конфронтации выступающий за снижение зависимости от российских энергетических поставок Брюссель попытался увязать американо-европейский энергетический диалог с переговорами по заключению соглашения о ТТИП. Направляя запрос о возможном включении в ТТИП соответствующего пункта, европейские переговорщики напрямую ссылались на «нестабильность на восточном фланге», грозящую ограничением российских газовых и нефтяных поставок в ЕС [DePillis, 2014].

Для американо-европейских экономических отношений маневр Брюсселя имел разносторонние последствия. С одной стороны, использование столь весомого рычага, как переговоры по ТТИП, способствовало активизации дебатов по изменению правового режима экспорта американских углеводородов, укрепляя позиции сторонников отмены или ослабления законодательных запретов, – этого, по-видимому, и добивался Брюссель. Внесение пункта о либерализации экспортного режима нефти и газа в соглашение по ТТИП потенциально способно было бы облегчить процедуру демонтажа жестких законодательных ограничений на экспорт углеводородов, преодолев политическое сопротивление заинтересованных в сохранении барьеров отраслей американской промышленности. В то же время включение энергетического измерения в переговоры по ТТИП объективно укрепило переговорные позиции США как провайдера энергетической безопасности (хотя в настоящий момент и «виртуального»).

При этом утечка сведений об увязке «энергетического вопроса» с торговым соглашением усилила позиции противников ТТИП как такового. Так, в июле 2014 г. группа экологических объединений, включающая такие крупные организации, как «Greenpeace», «Sierra Club», «Oxfam America» и Совет защиты природных ресурсов, выступила с заявлением, призывая изъять

энергетическую повестку дня из диалога по ТТИП и угрожая в противном случае неприятием соглашения в предлагаемой европейцами форме [Carter, 2014]. Широкие лоббистские возможности американских «зеленых» организаций в условиях политического ослабления уходящей администрации могут стать серьезной угрозой соглашению, в случае если проект будет содержать пункты об упрощении режима экспорта углеводородов в ЕС.

В Европе наиболее острой критике подвергается предполагаемое повышение уровня защищенности инвесторов в ущерб регулятивным функциям европейских государств. Негативную политическую реакцию вызывает пункт об урегулировании споров между государствами и инвесторами, в соответствии с которым инвесторы получают режим максимальной защищенности от инициатив в областях, косвенно способных затронуть долгосрочные инвестиционные проекты, в частности в сфере социальной и экологической политики, а также право оспаривать решения государств в этих сферах в судебном порядке. Данные нормы призваны обеспечить защиту инвестиционной деятельности при сфокусированности европейского права на социальном законодательстве и защите потребителей, что должно повысить инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность экономики ЕС в условиях слабого роста. Данный пункт, однако, вызывает острое сопротивление социалистических партий и «зеленых», выступающих за увеличение регулирующих функций отдельных государств и наднациональных институтов в этих сферах. Сильное политическое сопротивление заключению соглашения как в США, так и в Европе остается главным камнем преткновения в переговорах по ТТИП. Консолидирующий эффект конфронтации с Россий облегчает преодоление и этого препятствия.

Украинский кризис, таким образом, способствовал формированию благоприятного геополитического климата для укрепления америкно-европейской стратегической связки и усилил американские позиции в рамках переговоров по ТТИП. Институционализация геоэкономической связки в рамках евроатлантического пространства способна усилить консолидацию Запада вокруг США в дополнение к оборонному блоку.

Заключение

Украинский кризис, переросший в масштабный конфликт Россия–Запад, оказал комплексное воздействие на отношения ЕС и США. В последние полтора года он превратился из конъюнктурного (каким он был в 2013 – начале 2014 г.) в структурный фактор стратегической и экономической консолидации Запада. Для отношений с другими центрами силы эта консолидация (в силу самого своего характера и природы) будет иметь негативные последствия. Украинский кризис является в данном случае ярким примером.

При этом американо-европейская консолидация показательна с точки зрения вариативности использования Вашингтоном двусторонних и многосторонних, институциональных и внеинституциональных форматов для укрепления своего лидерства в рамках этого процесса. Комплексный характер политики США проявился в использовании институтов (НАТО, ЕС, еще не сформировавшегося ТТИП) и двусторонних связей для синхронизации давления на Москву и продвижения американской повестки урегулирования украинского кризиса. Вашингтон активно использовал экономический и политический потенциал ЕС, а также возможности европейских институтов по консолидации и выработке общеевропейского подхода к глобальным и региональным проблемам.

Фактическое отсутствие у ЕС собственного оборонного потенциала стало ключевым фактором, обеспечившим доминирование американской повестки практически во всех вопросах, прямо или косвенно затронутых украинским кризисом. Доминирующая роль Вашингтона в сфере безопасности позволила ему оказывать влияние и на принятие решений в сфере использования экономических и политических ресурсов ЕС. При этом институциональная структура европейской безопасности демонстрировала эрозию общеевропейских форматов (ОБСЕ) в пользу блоковых.

Хотя наиболее заметным последствием трансатлантической консолидации стал пересмотр отношений Вашингтона и его европейских союзников с Россией, украинский кризис оказал

воздействие на отношения Запада и с другими центрами силы, прежде всего с крупнейшим растущим гигантом – Китаем. На фоне развития российско-западной конфронтации в 2014 г. резко ужесточилась и позиция США в отношении Китая, в частности, по вопросам его пограничных территориальных споров. Экономическую консолидацию американских союзников через институциональные форматы (ТТИП и ТТП – Транстихоокеанское партнерство) следует рассматривать как параллельные, взаимосвязанные процессы в АТР и Евроатлантике.

Украинский кризис, таким образом, стал косвенным инструментом замедления (но не обращения вспять) тенденции на ослабление центральной роли Запада в мировых делах. Американо-европейская стратегическая и экономическая ось укрепилась в 2014–2015 гг., а воздействие Запада на развитие международной системы увеличилось в связи с активизацией политико-дипломатического взаимодействия США и ЕС не только по украинскому кризису, но и по широкому кругу внерегиональных вызовов: иранской ядерной программе, борьбе с террористами ИГИЛ, противодействию распространению вируса Эбола. В долгосрочном плане, однако, ухудшение отношений с другими центрами силы, в том числе с Россией, будет, видимо, размывать западноцентричный международный порядок.

Для России американо-европейская консолидация, реструктуризация присутствия США в Европе стали фактором существенного ограничения пространства для диалога с Западом, с ЕС и с отдельными странами Евросоюза, а украинский кризис лишь ускорил и оформил тенденцию на пересмотр российско-западных отношений.

Список литературы

Американские военные предложили разместить в Европе нацеленные на Россию ракеты // Интерфакс. – М., 2015. – 05.07. – Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/445878 (Дата обращения – 15.09.2015).

Болгария отказалась разморозить «Южный поток» без согласования с Брюсселем // Forbes. – М., 2014. – 05.08. – Режим доступа: http:// www.forbes.ru/news/264571-bolgariya-otkazalas-razmorozit-yuzhnyi-potok-bez-soglasovaniya-s-bryusselem (Дата обращения – 15.09.2015).

Глава МИД Британии призвал к исключению РФ из ряда организаций // РИА Новости. – М., 2014. – 23.03. – Режим доступа: http://ria.ru/
world/20140323/1000688440.html (Дата обращения – 15.09.2015).

Декларация Президента Российской Федерации, Президента Украины, Президента Французской Республики и Канцлера Федеративной Республики Германия в поддержку Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятого 12 февраля 2015 года // Президент России. – М., 2015. – 12.02. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/4803 (Дата обращения – 15.09.2015).

Караганов С.А. Европа: Поражение из рук победы? // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – 19.02. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Evropa-porazhenie-iz-ruk-pobedy-17304 (Дата обращения – 15.09.2015).

Караганов С.А., Трофименко Г.А., Шеин В.С. США – диктатор НАТО. – М.: Советская Россия, 1985. – Режим доступа: http://www.litmir.co/br/?b=155288&p=1 (Дата обращения – 15.09.2015).

Керри подтвердил, что США обсуждают санкции против Украины // РИА Новости. – М., 2014. – 19.02. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20140219/995894140.html (Дата обращения – 15.09.2015).

Кравченко Е., Ходякова Е. Обама пустил газ // Ведомости. – М., 2014. – 27.03. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/27/obama-pustil-gaz (Дата обращения – 15.09.2015).

Лукьянов Ф. Во что соберется НАТО // Россия в глобальной политике. – М., 2014. – 01.09. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/redcol/
Vo-chto-soberetsya-NATO-16904 (Дата обращения – 15.09.2015).

Обама впервые поддержал мирных манифестантов с Евромайдана // РБК. – М., 2014. – 29.01. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/29/01/2014/902146.shtml (Дата обращения – 15.09.2015).

Оверченко М. Компании, добывающие сланцевую нефть, рентабельны при цене $80 за баррель – МЭА // Ведомости. – М., 2014. – 14.10. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/10/14/iea-snizilo-prognoz-mirovogo-potrebleniya-nefti-v-2015-godu (Дата обращения – 15.09.2015).

РФ отказалась от «Южного потока», газ в Европу пойдет через Турцию // РИА Новости. – М., 2014. – 02.12. – Режим доступа: http://ria.ru/economy/20141202/1036071445.html (Дата обращения – 15.09.2015).

Самофалова О. Давит газовыми речами // Взгляд. – М., 2014. – 26.03. – Режим доступа: http://www.vz.ru/economy/2014/3/26/679119.html (Дата обращения – 15.09.2015).

США заинтересованы в строительстве в Европе инфраструктуры для СПГ // РИА Новости. – М., 2014. – 26.11. – Режим доступа: http://ria.ru/economy/20141126/1035297447.html (Дата обращения – 15.09.2015).

Телефонный разговор Виктории Нуланд с послом США на Украине // Эхо Москвы. – М., 2014. – 07.02. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1253668-echo/ (Дата обращения – 15.09.2015).

Agreement on the settlement of crisis in Ukraine // Auswärtiges Amt. – Kyiv, 2014. – 21.02. – Final 6:45. – 3 p. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/671350/publicationFile/190045/140221-UKR_Erklaerung.pdf (Дата обращения – 15.09.2015).

Carter Z. How Putin is shaping the next U.S. free trade deal // The Huffington Post. – N.Y., 2014. – 24.07. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2014/07/24/putin-ttip-energy_n_5615359.html (Дата обращения – 15.09.2015).

DePillis L. A leaked document shows just how much the EU wants a piece of America's fracking boom // The Washington Post. – Wash., 2014. – 08.07. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/news/wonkblog/wp/2014/07/08/could-a-trade-deal-lift-the-u-s-longstanding-ban-on-crude-oil-exports-europe-thinks-so/ (Дата обращения – 15.09.2015).

Exports by destination: Crude oil // U.S. energy information administration. – Wash., 2015. – 31.08. – Mode of access: http://www.eia.gov/dnav/pet/PET_MOVE_EXPC_A_EPC0_EEX_MBBL_M.htm (Дата обращения – 15.09.2015).

Gude H., Schmid F. Deadly Ukraine crash: German intelligence claims pro-russian separatists downed MH17 // Spiegel Online. – Hamburg, 2014. – 19.10. – Mode of access: http://www.spiegel.de/international/europe/german-intelligence-blames-pro-russian-separatists-for-mh17-downing-a-997972.html (Дата обращения – 15.09.2015).

Kroet C. Merkel and Juncker aim to conclude TTIP this year // Politico. – Bruxelles, 2015. – 04.03. – Mode of access: http://www.politico.eu/article/merkel-and-juncker-aim-to-conclude-ttip-this-year/ (Дата обращения – 15.09.2015).

Larrabee F.S., Wilson P.A., Gordon J. The Ukrainian crisis and European security: Implications for the United States and U.S. army / RAND Corporation. – Santa Monica, CA, 2015. – 50 p. – Mode of access: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR903.html (Дата обращения – 24.10.2015).

Oil consumption in Germany 1997 to 2014 // Statista. – N.Y., 2014. – Mode of access: http://www.statista.com/statistics/262843/development-of-oil-consumption-in-germany/ (Дата обращения – 15.09.2015).

Remarks by President Obama, U.K. Prime Minister Cameron, European Commission President Barroso, and European Council President Van Rompuy on the Transatlantic Trade and Investment Partnership // The White House office of the press secretary. – Lough Erne, 2013. – 17.06. – Mode of access: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/17/remarks-president-obama-uk-prime-minister-cameron-european-commission-pr (Дата обращения – 15.09.2015).

Russia's global image negative amid crisis in Ukraine: Americans' and Europeans' views sour dramatically // Pew research center. – Wash., 2014. – 09.07. – Mode of access: http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine/ (Дата обращения – 15.09.2015).

Senator Menendez remarks at CSIS Brzezinski institute on geostrategy // US Senate Committee on foreign relations. – Wash., 2015. – 09.03. – Mode of access: http://www.foreign.senate.gov/press/ranking/release/senator-menendez-remarks-at-csis-brzezinski-institute-on-geostrategy (Дата обращения – 15.09.2015).

Speck U. Germany plays Good cop, Bad cop in Ukraine // Carnegie Europe. – Brussels, 2014. – 25.06. – Mode of access: http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=56011 (Дата обращения – 15.09.2015).

U.S. trade in goods by country // United States census bureau. – Wash., 2015. – Mode of access: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/index.html (Дата обращения – 15.09.2015).

Wagstyl S., Khalaf R. Merkel offers Russia trade talks olive branch // The Financial Times. – L., 2014. – 26.11. – Mode of access: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/93e5e066-757a-11e4-b1bf-00144feabdc0.html#axzz3jBdNM4IU (Дата обращения – 15.09.2015).

Wales summit declaration // NATO. – 2014. – 05.09. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Дата обращения – 15.09.2015).

Wilson D.M. A transatlantic strategy to deter Putin's aggression / US Senate Committee on foreign relations. – Wash., 2015. – 04.03. – 8 p. – Mode of access: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/030415_Wilson_Testimony.pdf (Дата обращения – 15.09.2015).

Wong K. Army plans to shift 3,000 troops to Europe // The Hill. – Wash., 2015. – 01.10. – Mode of access: http://thehill.com/policy/defense/229105-army-plans-to-shift-3000-troops-to-europe (Дата обращения – 15.09.2015).

А.С. Скриба

Факторы балансирования Беларуси и Украины между Россией и ЕС в 1991–2014 гг.

Аннотация. *В свете противоречий между Россией и Европейским союзом, а также в процессе обновления интеграционной повестки ЕС для стран «Восточного партнерства» Украина и Беларусь представляют особый интерес. Однако стремление оценить и спрогнозировать политику Минска и Киева часто отталкивается от текущей конъюнктуры. Эта статья – попытка найти максимально разносторонние причины и факторы внешней политики белорусских и украинских властей. Среди них – политическая система, экономические интересы и группы интересов, общественные настроения и способности общества влиять на государственную политику.*

Abstract. *Viewing conflicts between Russia and the European Union, as well as the updating integration agenda of the EU for the countries of the «Eastern Partnership», Ukraine and Belarus are becoming extremely interesting for international studies. However, current efforts to assess and predict policy of Minsk and Kiev are often face the current situation as a starting point. This article is an attempt to find as diverse as possible causes and factors of the foreign policy of the Belarusian and Ukrainian authorities. Among them – political system, economic interests and interest groups, the public mood and the ability of society to influence public policy.*

Ключевые слова: *Беларусь, Украина, внешняя политика, политическая система, региональная интеграция.*

Keywords: *Belarus, Ukraine, foreign policy, political system, regional integration.*

Распад СССР предоставил странам, ранее объединенным вокруг России, исторический шанс на политическую самостоятельность. Их руководства получили полную автономию от политики Москвы и обрели все необходимые инструменты для независимого государственного строительства и выстраивания отношений с другими государствами.

Во внутренней политике одной из первоочередных задач для этих стран стал поиск собственной идентичности, которая должна была заменить собой утраченную советскую идентичность и сплотить население в новых границах. В ряде стран, где история независимой государственности отсутствовала вовсе, этот процесс пришлось начинать практически «с нуля». Дополнительным вызовом при этом стало «финансовое обеспечение» независимости и новой идентичности, которое осложнялось трудным переходом постсоветских стран от командно-административного управления к рынку и демократии (в ряде случаев незавершенным до сих пор).

Во внешней политике поиск такой идентичности с самого начала пересекался с вопросом регионального позиционирования, или с поиском определенного места, которое постсоветские страны должны были занять между экономически превосходящей их и восстанавливающей свое былое политическое влияние Россией и другими региональными центрами (такими как ЕС, Китай и США, также стремившимися укрепиться в регионе). И хотя в первые годы после распада СССР речь еще не шла о полноценном выборе между одинаково важными внешними партнерами, все более отчетливым становилось будущее геополитическое соперничество, которое в 1990-е годы американский политолог С. Хантингтон охарактеризовал как «столкновение цивилизаций».

Со временем растущая конкурентность региональной среды привела к тому, что внешняя политика постсоветских стран стала нестабильной, конъюнктурной при дефиците долгосрочности и стратегического планирования. Наиболее ярко это проявилось на примере восточноевропейских стран, где относительно небогатые ресурсами и испытывающие экономические трудности государства (Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина) оказались в эпицентре соперничества, с одной стороны, России и, с другой – расширяющегося на восток ЕС, его отдельных наиболее сильных и

амбициозных государств-членов, а также находящихся с ними в военно-политическом союзе США.

Главными объектами этой «игры с нулевой суммой» стали Беларусь и Украина, занимающие уникальное промежуточное геополитическое положение. Обе эти страны имели тесные культурные, религиозные, исторические и экономические связи и с Россией, и со странами ЕС. Все это существенно осложняло реализацию их внешнеполитического курса, нацеленного, с одной стороны, на независимость, а с другой – на сохранение выгодных экономических связей и поиск внешней помощи и поддержки. В научных исследованиях такая внешнеполитическая неопределенность имеет разные названия: лимитрофная стратегия, маятниковая политика, «геополитические качели», политика балансирования.

Хотя в первой половине 2010-х годов стало казаться, что Беларусь и Украина все же сделали свой геополитический выбор, их внешняя политика сегодня едва ли может быть охарактеризована как однозначная и одновекторная. Минск по-прежнему ищет пути сблизиться с Западом, особенно сейчас, когда отношения России с ЕС и США переживают самый трудный этап после окончания «холодной войны». Киев же, несмотря на декларируемые евроориентированные намерения, видимо, будет по-прежнему оставаться вне интеграционного поля в течение неопределенного времени.

Учитывая, что сегодня в Восточной Европе именно региональная интеграция определяет баланс сил и во многом – поведение самих Беларуси и Украины, возникает вопрос: почему, будучи в идентичных региональных и интеграционных условиях и имея одинаковый набор интеграционных вариаций, Минск и Киев демонстрируют настолько разную политику? Очевидно, что причины этой разности в силу идентичности региональной среды находятся «внутри» обеих стран. Их определение и установление причинно-следственных связей между внутренней средой и политикой балансирования позволяет объяснить не только отличность внешней политики Минска и Киева, но и сам механизм формирования этой политики в контексте балансирования между Европейским союзом и Россией.

Региональная среда как предпосылка к балансированию между Россией и ЕС

В научной литературе принято считать, что малые и средние страны не имеют достаточно условий для самостоятельного проведения целенаправленной внешней политики, а потому она определяется главным образом состоянием региональной среды [Кудряшова, 2008, с. 78]. Сама внешняя политика в этом случае характеризуется как пассивная и реакционная, предполагающая ограниченное количество шаблонных вариантов балансирования или примыкания [Hey, 2003, p. 6]. К аналогичным выводам в своих исследованиях пришли и российские ученые [Кавешников, 2008, с. 84–86].

В целом такой подход к изучению поведения малых и средних стран был вполне оправдан во времена биполярного противостояния, когда у многих малых и средних государств опции для действий были действительно ограничены этой биполярностью. Однако после окончания «холодной войны» ситуация существенно изменилась. Теперь малые и средние страны стали в большей мере субъектами, а не объектами международной политики. Не опасаясь военного вторжения извне (которое, признаем, стало гораздо реже практиковаться), они смогли проявить большую политическую активность и в полной мере воспользоваться новыми внешними условиями – например, искусно использовать различные инструменты международного права и международных институтов для создания гарантий собственного суверенитета перед лицом значительно превосходящих их по силе партнеров или оппонентов [Schweller, 1994, p. 74–75; Walt, 2009, p. 89].

Собственно, именно такой стала политика независимых Беларуси и Украины. Окончание блоковой конфронтации в Европе открыло перед ними новые возможности, которые проявились на примере балансирования между Россией и Западом, в первую очередь – между Россией и Европейским союзом.

1990-е годы стали для Минска и Киева временем поиска себя в новой Европе. Несмотря на то что обе страны были озабочены решением многочисленных внутренних вопросов, каждая из них

стремилась извлечь выгоду из своего нового независимого статуса, развивая сотрудничество со всеми заинтересованными партнерами.

Однако уже на рубеже тысячелетий региональная среда начала меняться, и сохранять внеблоковость и многовекторность внешней политики делалось все труднее. С одной стороны, в первой половине 2000-х годов Минск и Киев столкнулись с более консолидированной политикой расширившегося ЕС, которая в ряде случаев становилась вызовом их внутренней стабильности. С другой стороны, в это же время начала меняться и политика России, все более уверенно заявлявшей о своих привилегированных интересах на постсоветском пространстве. Как результат – геополитически Беларусь и Украина оказались между двумя крупными региональными полюсами силы, конкурирующими за влияние на постсоветские страны в Восточной Европе. Это положение и стало естественной предпосылкой для их последующего активного балансирования между Россией и ЕС.

В начале 2010-х годов региональная среда продолжила ужесточаться, постепенно усложняя балансирование Минска и Киева. Россия и ЕС, будучи заинтересованы в политическом сближении с постсоветскими государствами, поставили его «оплату», т.е. предоставление соответствующих экономических выгод, в зависимость от институализации сотрудничества. Иными словами, Брюссель и Москва увязали экономические отношения с участием Минска и Киева в региональной интеграции.

Со стороны ЕС таким интеграционным «предложением» стало «Восточное партнерство», которое, по мнению российских экспертов, было ориентировано на освоение ресурсов СНГ и установление контроля над этим регионом совместными усилиями Евросоюза, блока НАТО и США [Косикова, 2008]. Во многом такие выводы основаны на условиях создания ассоциации с ЕС, предполагавшей перенос европейского законодательства и технических регламентов на национальный уровень ассоциированных партнеров. Реакцией России на активность ЕС стало обновление ТС и ЕЭП, создание ЕАЭС, который должен был стать новой институциональной опорой постсоветской реинтеграции и прийти на смену «размытым» и менее

эффективным объединениям (СНГ, ЕврАзЭС, Союзное государство).

Дополнительным вызовом для Минска и Киева, а точнее – для их внеблоковости и многовекторности, стало то, что отношения и траектории развития Россия и ЕС становились все более разновекторными, причем не только на политико-экономическом, но и на общецивилизационном уровне, включая такие важные аспекты, как культурно-ценностный и отношения в области безопасности. Особенно здесь следует отметить военную сферу. Хотя экономическая интеграция оставалась формально отделенной от военно-политических блоков, опыт и восточноевропейских стран ЕС, и многих стран бывшего СССР показал, что в подавляющем большинстве случаев экономические вопросы обсуждались в комплексе с расширением НАТО. Это означало, что суверенные и до определенного времени внеблоковые Беларусь и Украина превращались в объекты повышенного интереса военных структур, коими с российской стороны являлась ОДКБ, а со стороны стран Запада (где совместно с ЕС присутствовали США) – НАТО, вплотную приблизившаяся к белорусским и украинским границам в 2004 г.

В 2014 и 2015 гг. конкуренция России и Европейского союза на постсоветском пространстве достигла своего апогея, а их отношения вышли на принципиально новый уровень экономической конфронтации и политической бескомпромиссности. Правда, пока речь все же не идет о возвращении к состоянию «холодной войны», и политики с обеих сторон стараются подчеркнуть этот нюанс. В целом можно говорить об очередном ужесточении региональной среды, но при сохранившихся возможностях для Минска и Киева искать себя (и внешние ресурсы) через балансирование между Россией и ЕС.

Таким образом, можно подытожить, что региональная среда в Восточной Европе в 1991–2014 гг. не просто создала условия для балансирования двух постсоветских стран между Россией и ЕС. Именно региональная среда вынудила их к проведению этой политики, заставила отвечать на поставленные вызовы для защиты своей независимости и интересов в трудный для себя переходный период. В то же время региональная среда не объясняет разность внешнеполитических стратегий Минска и Киева. Очевидно,

причины их отличности следует искать во внутренних процессах, происходивших в каждой из стран.

Внутренняя среда Беларуси и Украины: разность траекторий постсоветской эволюции

В отличие от региональной, внутренняя среда Беларуси и Украины, несмотря на схожесть базовых условий перехода к независимому государственному строительству и развитию, в каждом случае была индивидуальной и развивалась по особенному сценарию. Именно здесь кроется разность восприятия Минском и Киевом внешних угроз и вызовов, что в конечном счете и привело эти страны к различным формам балансирования между Россией и ЕС. В рамках данного исследования мы рассмотрим различия между этими странами с трех точек зрения: политической, экономической и общественной.

В случае ***Беларуси*** политическое развитие шло путем медленной эволюции и сохранило этот тренд до сегодняшнего дня. В первые годы своего существования страна переходила к многопартийному парламенту, в котором были представлены самые разные силы. Следствием такого многообразия взглядов и сил, их сложного взаимодействия стала неустойчивость политической системы, в которой ни одна партия не имела поддержки, достаточной для принятия важных решений по вопросам строительства молодого государства (схожие проблемы в 2000-е годы не единожды испытывала и Украина).

Безвекторное развитие политической системы Беларуси усугублялось крайне низкой политической сознательностью населения, которое в первой половине 1990-х годов еще попросту не идентифицировало себя как независимую нацию, способную влиять на развитие страны. Как результат – уже к середине 1990-х годов стало крепнуть понимание, что подобная политическая система неэффективна. Нагляднее всего это подтверждали многочисленные социально-экономические проблемы, а также неспособность правительства найти выход из экономического кризиса.

Для преодоления слабости политической системы было решено создать пост президента, чтобы определить вектор

дальнейшего развития страны. Однако итоги выборов, прошедших в марте 1994 г., были весьма неожиданными. Победу одержал малоизвестный депутат парламента А. Лукашенко. При этом вопреки ожиданиям победа кандидата, не представлявшего широкую политическую силу (партию или движение), не позволила решить старые проблемы и, более того, – сделала белорусскую политику еще противоречивее. Парламент страны по-прежнему сохранял значительные полномочия, что ограничивало свободу действий президента и его администрации.

Все эти противоречия после избрания в 1995 г. нового парламента привели в 1996 г. к серьезному конституционному и политическому кризису, в котором победу (не без поддержки России) одержал белорусский президент. В ноябре 1996 г. он провел референдум, на котором 70,45% голосовавших белорусов поддержали новую редакцию Конституции, расширившую президентские полномочия. С этого момента и берет начало современная белорусская политическая система и режим, сохранившиеся в своем первоначальном виде вплоть до конца 2014 г.

Широкие президентские полномочия и ослабленный парламент легли в основу становления белорусского авторитаризма, где президентская ветвь власти со временем стала монополистом на политическом поле страны. Политическая оппозиция была постепенно вытеснена из этого поля, стала внесистемной и находилась под постоянным давлением государственных СМИ и контролем силовых структур, а ее электоральные возможности на выборах были минимальными. При этом приходится признать, что и сама оппозиция отличалась крайне низким уровнем централизации и активности в неэлекторальные периоды. К политической кампании 2015 г. ее влияние достигло своего минимума за все годы белорусской независимости.

Политологи характеризуют белорусский режим как персоналистский и авторитарный. Такую оценку дал ему, например, американский ученый Г. Иоффе, который провел несколько интервью с белорусскими властями, в том числе и лично с А. Лукашенко [Иоффе, 2011, с. 31]. К отличительным чертам режима также относят его любопытную внутреннюю «защиту» –

электоральность (непосредственное общение президента и народа), которая не предусматривает существование других политических элит, кроме действующего главы государства.

Главной опорой белорусского авторитаризма, позволившей ему оставаться стабильным и воспроизводиться во времени, стала экономическая система. Ее принципиальным отличием от ряда других систем постсоциалистических стран было и остается отсутствие широкого частного сектора[1]. Сравнивая Беларусь с этими странами, можно утверждать, что это имело важный политический эффект, так как исключило влияние крупного капитала на принятие решений и, как отмечал Г. Иоффе, обеспечило значительный экономический рост без сосредоточения его социального эффекта в руках определенных групп лиц вне высшей номенклатуры во главе с президентом [Иоффе, 2011, с. 45–46].

Статистически административный контроль и «ручное» управление экономикой по ряду абсолютных и некоторым относительным показателям оказались вполне успешными, особенно на фоне других постсоветских стран. Однако были и очевидные недостатки такого подхода. Концентрируясь на экономическом удержании власти, белорусскому руководству так и не удалось решить главные экономические проблемы, связанные с технологической отсталостью и низкой конкурентоспособностью. Эти проблемы остаются актуальными и сегодня, учитывая ограниченность страны в собственных природных ресурсах. Как верно отметили российские политологи К. Боришполец и С. Чернявский, средства, выделявшиеся для госпредприятий в рамках белорусской командно-административной модели, были достаточны для функционирования, но не для успешного развития [Боришполец, Чернявский, 2012, с. 60].

В условиях белорусского авторитаризма оставалось крайне неактивным и белорусское общество. Отчасти для его инициативного участия в политической жизни страны не было

[1] *В 1990-е годы этот показатель в Беларуси не превышал 20% ВВП и к началу 2010-х годов достиг лишь 30%. Для сравнения: в Украине доля частного сектора к этому времени составила около 60%, России – 65, Польше – 75, Словакии – 80%. См.: [Alachnovič, 2010, p. 3; Transition report.., 2010, p. 134–144].*

достаточной мотивации, поскольку власти обеспечивали населению минимальный, но относительно приемлемый уровень жизни. Свою роль играла и пропаганда государственных СМИ, регулярно подчеркивавших преимущества белорусской государственной модели на фоне других постсоветских стран. Дополнительным фактором стал опыт «цветных революций», который также противопоставлялся экономической стабильности и социальному равенству по-белорусски.

В целом можно подытожить, что в белорусской политике президент и его ближайшее окружение являлись главным источником государственной стратегии как внутри страны, так и на международной арене. Возможности других социально-экономических групп участвовать в этом процессе или оказывать влияние на принимаемые решения были минимальными. При этом политика страны отвечала прежде всего главному императиву самого режима – удержанию власти.

Траектория развития ***Украины*** существенно отличалась от белорусского сценария. Обретение независимости и выход из состава СССР здесь были не просто стихийным процессом, а поддерживались и направлялись националистическими движениями, такими как Народное движение Украины за перестройку («Рух»). Такие движения еще до распада СССР выступали за первоочередную украинизацию страны: широкое использование национального языка, автономию общественно-политической жизни от Москвы. Иными словами, независимое развитие Украины уже изначально имело тесную связь с идеями национального самоопределения.

Когда 16 июля 1990 г. в Украине была принята декларация о государственном суверенитете, уже набрал обороты процесс создания новых партий, причем националистические течения имели весьма высокую поддержку [Бурковский, Горбач, Дубровский, 2011, с. 13]. Однако общность взглядов по поводу национального самоопределения оказалась все же недостаточной для гомогенизации украинских элит, интересы которых зачастую диаметрально расходились. Главной причиной этого видится тесная связь и взаимозависимость между политической и экономической жизнью, когда политическое поле Украины превратилось в арену борьбы внутренних групп влияния.

Появление этих групп берет свое начало в 1992–2001 гг. – годы масштабной приватизации. Первоначальная коллективная приватизация способствовала быстрому первичному накоплению капитала, так что к началу приватизации индивидуальный капитал уже был сосредоточен в руках небольших групп людей. Шведский ученый А. Ослунд, который имел опыт работы в украинском государственном аппарате, писал, что к началу 2000-х годов политическая элита и экономический сектор (олигархи) Украины все более «срастались», предлагая друг другу выгодное сотрудничество в решении взаимных вопросов [Ослунд, 2004, с. 671–673].

В отличие от белорусского опыта, в Украине исходный ресурс президентской власти не обрел преимущества перед другими ветвями власти и конкурентами. Даже более того – со временем этот ресурс постепенно «размывался», и страна неизменно двигалась в сторону смешанной республики [Лапкин, Пантин, 2009, с. 97]. Эти тенденции были зафиксированы (хотя, как показали последующие события, не окончательно) в реформе 2004 г., которая ослабила полномочия президента и перераспределила их в пользу парламента и правительства [Matsuzato, 2011, p. 199–201; Protsyk, 2005, p. 26]. Эта же реформа возвысила политические партии (превратив их из свидетельства социокультурной дифференциации в ключевой инструмент политической борьбы), а вслед за партиями – связанных с ними украинских олигархов, которые получили более широкие инструменты влияния на политический процесс [Уилсон, 2012, с. 116].

Эти изменения были восприняты неоднозначно. С одной стороны, многие эксперты позитивно отзывались об уменьшении президентских полномочий, говорили о демократизации и обеспечении конкурентности политического процесса. С другой стороны, возвышение тесно связанных с крупным и средним капиталом партий привнесло в политическую жизнь Украины высокий уровень волатильности, снизило эффективность госуправления из-за нечетко разграниченных полномочий президента и премьера [Сидорчук, 2014, с. 127–128] и сделало политическую жизнь конфликтной и чрезвычайно изменчивой.

Эти проблемы не смогла исправить даже попытка вернуть президентское доминирование, предпринятая президентом В. Яну-

ковичем в 2010–2013 гг. За столь короткий срок молодой украинский авторитаризм (направленный на авторитаризацию власти украинским президентом) не успел преодолеть старые недостатки политической системы[1] и при этом оказался слишком слабым, чтобы обеспечить свое выживание в условиях борьбы сильных политических и экономических групп, в конечном счете объединившихся против него.

В экономике Украины, развивавшейся в условиях нестабильной политической системы и при доминировании частного сектора (хотя и тесно связанного с государством), быстро проявились, но так и не были решены многочисленные проблемы постсоциалистического развития. Уже к 1995 г. украинский ВВП сократился почти в 2 раза. Это было наибольшим падением производства среди всех постсоветских стран. Инфляция в Украине в это время была одной из самых высоких в мире, а более половины населения оказалось за чертой бедности.

Украина стала особенно выделяться в 2000-е и в первой половине 2010-х годов на фоне стран-соседей, которые уже преодолели экономическую «яму» 1990-х годов и где проходило постепенное экономическое восстановление. Можно утверждать, что в процессе проведения реформ и перехода к капиталистической модели развития Украина «застряла» посередине J-кривой, не достигнув уровня развитых стран и отставая от других постсоветских стран, даже от соседней авторитарной Беларуси с ее командно-административными методами.

Подобная ситуация – политическая и экономическая нестабильность, низкие темпы социально-экономического развития, преобладание частных интересов над государственными – сохранилась и по сей день. В этом контексте 2014 г. можно назвать апогеем негативных тенденций: страна прошла через государственный переворот, новый экономический спад, стремительный рост долгового бремени и снижение золотовалютных резервов, в то время как политическая жизнь,

[1] *В 2014 г. по индексу восприятия коррупции Украина заняла 142-е место (из 175), что стало традиционно низким показателем. См.: [Corruption by country.., 2014].*

несмотря на очередные изменения, по-прежнему осталась тесно связанной с олигархическими группировками.

Таким образом, в Украине выработка политических решений, в том числе направленных «вовне», вовлекала широкий спектр национальных игроков. И внешняя политика страны, и стратегия балансирования между Россией и ЕС зависели от того компромисса (зачастую – крайне неустойчивого), которого этим игрокам удавалось достичь на определенный момент времени.

Причины и факторы, определяющие различие внешнеполитических действий Минска и Киева

Итак, на основании вышесказанного можно сделать вывод, что главным факторным отличием в балансировании Минска и Киева является субъектность внешней политики, определяемая политической системой страны. В белорусской авторитарной системе власть обладала монополией на внутреннюю и внешнюю политику, в то время как в Украине их практическая реализация была следствием широкого компромисса самых разных политических и экономических групп, а также (в определенные периоды времени) зависела от электоральных циклов и давления со стороны оппозиции.

Сравнивая эти две модели балансирования между Россией и ЕС с точки зрения их выработки и осуществления, можно сделать вывод, что белорусский вариант был более эффективным. Он позволял достаточно оперативно принимать нужные решения и реагировать на внешние импульсы. Авторитарный контроль над политической и экономической жизнью также позволил Беларуси принять участие в интеграции с Россией (будь то СГ или ЕАЭС) с минимальным ограничением собственных полномочий и получить при этом взамен существенные экономические и ресурсные дотации.

Сегодня, спустя более чем два десятилетия после распада СССР, можно уверенно предположить, что схожие преимущества от минимального, даже имитационного сближения с Россией могла получить и Украина. Но там вопрос интеграции в российском направлении постоянно становился предметом политических спекуляций, а также противоречил Концепции внешней политики,

принятой еще в начале 1990-х годов. В целом можно сказать, что главным препятствием повороту «на Восток» был плюрализм правящих и господствующих групп, который не смог преодолеть ни один президент или премьер [Ворожейкина, 2014, с. 8]. В конечном счете все это и сделало политику балансирования Киева более реакционной и недальновидной, чем у Минска.

В то же время приходится признать, что и в белорусском варианте балансирования, исходящем от авторитарного политического режима, также были свои минусы. Во-первых, национальные интересы там часто подменялись государственными (императивом удержания власти). Во-вторых, белорусский авторитаризм, увеличивая эффективность, одновременно ограничивал возможности балансирования между Россией и ЕС и препятствовал развитию политических отношений на западном направлении. В связи с этим балансирование Беларуси крайне слабо опиралось на европейский вектор, что в конечном счете не позволило Минску сохранить подлинно внеинтеграционный статус, даже несмотря на попытки опереться на союзников вне Европы. Однако в целом белорусская модель балансирования позволила привлечь больше внешних ресурсов при сравнительно ограниченных возможностях.

Украинская, более демократическая политическая система долгое время казалась весьма результативной, поскольку позволяла избегать зависимости от России. Однако ее слабость в вопросах государственного управления в конечном счете привела к усилившейся зависимости Киева от других внешних партнеров – ЕС (экономическая ассоциация) и США (военно-политический диалог).

Экономическая зависимость Беларуси и Украины от России и Европейского союза была схожей: обе страны зависели и от России, и от ЕС в вопросах торговли, а также были зависимы от ЕС в плане инвестиций и возможности привлекать финансовые ресурсы, а от России – по причине создававшихся десятилетиями производственно-сбытовых связей, важности получения сырья по льготным ценам и доступа на емкий российский рынок. Однако разные экономические модели развития Беларуси и Украины по-разному сказались на осуществлении ими балансирования.

Для белорусской командно-административной модели глубокая экономическая интеграция и с Россией, и с ЕС была неприемлемой. Во-первых, такое объединение с более крупными либеральными системами потребовало бы продолжения экономических реформ, что подрывало саму суть государственного устройства и сложившегося социального контракта. Во-вторых, усиление экономического сотрудничества предполагало взаимное проникновение капитала, что в случае белорусской экономики означало приход более сильных и влиятельных зарубежных капиталодержателей, с которыми ни частный, ни государственный сектора не могли успешно конкурировать. В-третьих, Россия и ЕС были заинтересованы в интеграции не просто торговой, а более комплексной и системной, предполагающей надгосударственное управление и возможность оказывать на Беларусь в том числе и политическое влияние посредством экономических инструментов. Все это могло привести к падению авторитета белорусских властей внутри страны.

В то же время нельзя забывать, что в авторитарной Беларуси экономический фактор был тесно связан с политическим. Именно поэтому, в отличие от соседней Украины, здесь весьма чувствительно относились к вопросу альтернативных издержек. Конечно, теоретически Минск мог отказаться от интеграции с Россией и тем самым пожертвовать выгодными условиями экономического сотрудничества и в большей степени опереться на собственные ресурсы. Однако такое развитие событий существенно повышало бы краткосрочные риски экономической дестабилизации и могло стать вызовом удержанию власти и сохранению белорусской политической системы. Именно поэтому на практике руководство Беларуси, осознавая недостаточность своих краткосрочных возможностей, предпочло ограниченное сближение с Россией.

Позиция украинских политических и экономических групп по вопросу интеграции была куда менее однозначной, так же как и мнение по поводу соотношения выгод и потерь от того или иного развития событий. С одной стороны, участие в интеграции открывало украинский рынок, что привело бы к ужесточению экономической конкуренции с более сильными компаниями (будь то российскими или западными), против чего выступали

украинские олигархи. С другой стороны, угроза ухудшения торговых условий на российском направлении для Украины не была такой действенной, как для Беларуси, поскольку начиная с середины 1990-х годов украино-российские торгово-экономические связи были слабее, чем белорусско-российские. Нельзя не отметить и то, что при гипотетическом сближении с Россией или с ЕС от Украины не требовалось проведения радикальных экономических реформ.

Таким образом, интеграционный выбор для Украины был скорее вопросом выгоды, а не вынужденным шагом под угрозой слома сложившейся экономической системы. Некоторые участники украинского политического процесса из числа деловых кругов даже имели определенный интерес к интеграции, по крайней мере – в европейском направлении. В частности, такая интеграция могла бы стать для них инструментом легализации приватизированной собственности. Хотя и в случае гипотетической интеграции с Россией нельзя не признать, что многие украинские компании были бы достаточно сильны, чтобы не только защитить свои позиции на украинском рынке, но и вполне успешно реализовать себя на российском.

Итак, в отличие от политической стороны балансирования, с экономической точки зрения украинская внутренняя среда в большей степени благоприятствовала балансированию, нежели белорусская. В Беларуси влияние балансирования на политические процессы и инструменты удержания власти в конечном счете выявило ограниченность белорусского типа балансирования и предопределило участие Минска в экономической интеграции с Россией. А вот участие Украины в ассоциации с ЕС в 2014 г., напротив, стало политическим шагом, поскольку его экономический эффект, как уже не раз показывали многие исследования, отнюдь не гарантирован и потенциально возможен лишь в весьма долгосрочной перспективе [см.: Комплексная оценка.., 2012].

В то же время именно слабая (экономическая) сторона белорусского балансирования стимулировала власти к поиску новых нетрадиционных средств обеспечения своей политики. К их числу относятся попытки наладить торговое и инвестиционное сотрудничество с географически далекими, однако политически

близкими партнерами – Китаем, Венесуэлой, Ираном, Ливией, Кубой, Вьетнамом. И хотя экономический результат этих поисков был незначительным, сам факт такой практики подтверждает тезис о большей инициативности белорусского балансирования на высшем государственном уровне.

К базовым причинам балансирования Беларуси и Украины между Россией и ЕС часто относят комплекс исторических и культурных факторов, формирующих в этих странах равновесное и разнонаправленное общественное мнение. Однако в этом случае важно не само распределение предпочтений, а то, как (через какие инструменты) цивилизационно дифференцированное общество влияет на принимаемые политические решения.

В случае белорусской модели приходится признать гораздо большее влияние государственной пропаганды на общественное мнение, чем самого общества на внутреннюю и внешнюю политику. Это подтверждается тем, что результаты опросов в Беларуси зачастую следовали за шагами официального Минска, а не предваряли их. Так было, например, в 2008–2010 гг., когда рост доли сторонников европейской интеграции следовал за активизацией диалога между Минском и странами ЕС.

К общим чертам белорусской и украинской моделей можно отнести крайне низкую политическую грамотность населения. Опросы показали, что достаточно большая часть населения Беларуси выступает за одновременное нахождение в союзе и с Россией, и с ЕС (что, разумеется, абсолютно невозможно), а почти 40% сторонников украинской русофобской партии «Свобода» в Киеве поддерживали присоединение к Таможенному союзу [Бондаренко, 2013, с. 78–79]. Все это говорит о том, что белорусское и украинское население весьма восприимчиво к внешним методам внушения и управления.

Основное отличие украинской модели от белорусской заключается в следующем. Политическая система в Украине предполагала активное выражение приоритетов населения через выборы (сравнительно более демократичные и конкурентные, чем в Беларуси), что было несомненным плюсом с точки зрения целеполагания. По крайней мере так было до недавнего времени, пока украинское общественное мнение не попало в зависимость от антироссийской риторики и пропаганды. Еще одна особенность

Украины (подчеркивающая ее отличие от Беларуси и сходство с рядом других постсоветских стран) – активность прозападной части общества, которая стала одним из ключевых инструментов политической конкуренции, давления на власть и ее неконституционной смены. В ряде случаев это оказывало на украинскую модель балансирования решающее воздействие: в результате благодаря активности прозападных сил и вопреки приблизительно равной дифференциации общественного мнения внешняя политика страны становилась все более западно ориентированной.

Если оценивать эффективность балансирования между Россией и ЕС с точки зрения руководства страной и вопроса удержания власти, то можно уверенно утверждать, что белорусский вариант оказался гораздо более успешным. Здесь авторитарный режим смог найти оптимальный баланс между угрозами, исходящими от ЕС, от России и от собственной оппозиции. А. Лукашенко и его команда сдерживали давление ЕС и Запада в целом, обеспечивая свою легитимацию за счет России и других внерегиональных государств; отстаивали позиции в переговорах с Москвой и получали от нее экономические преференции и дотации, создавая видимость окончательного цивилизационного выбора в ее пользу, однако при этом намекая на возможность пересмотра этого решения; за счет получаемых извне ресурсов полностью контролировали белорусское политическое пространство, не допуская появления в нем реальных конкурентов (в том числе со стороны частного сектора) или его дестабилизации со стороны общества.

Украинская модель балансирования между ЕС и Россией так и не стала гарантией удержания власти. Отчасти виной тому были объективные обстоятельства, поскольку вопреки общественному мнению балансирование вызывало неоднозначную реакцию у самых различных групп влияния, не удовлетворенных теми или иными его аспектами. С другой стороны, нельзя не признать, что ни одно руководство Украины так и не смогло предложить альтернативную модель, которая была бы принята всеми заинтересованными сторонами. Более того, каждая украинская власть крайне неэффективно использовала выгоды и возможности даже того балансирования, которое имело место. В конечном итоге

это и привело к тому, что начиная с 2000 г. ни один президент не был переизбран, а парламентские кампании часто проходили внеочередно.

Заключение

Понимание механизма формирования внешней политики Минска и Киева в прошлом имеет большое значение для региональных политических сил, поскольку может стать основой для прогнозирования этой политики в ближайшем будущем (в том числе в контексте интеграции). По нашему мнению, в следующие годы балансирование Беларуси и Украины между Россией и ЕС будет и дальше использоваться тем или иным образом, однако подвергнется серьезной трансформации по причине возможных процедурных изменений в его организации.

В Беларуси это связано с персонификацией политической системы и неопределенностью ее существования после действующего президента. Это обстоятельство почти не оставляет шансов сохранить нынешнюю модель балансирования после смены руководства, за которым последует не только переосмысление внешнеполитической стратегии, но и, вероятно, усиление групп экономических интересов и гражданского общества, которые будут вызваны давно откладывавшимися реформами. Многое будет зависеть и от того, как на фоне этих трансформаций поведут себя Россия и ЕС: какую экономическую поддержку Москва сможет оказать для минимизации политических изменений, а страны ЕС – для их усиления и радикализации.

В отличие от Беларуси, прогнозировать изменения украинского балансирования гораздо сложнее. В случае Украины горизонт прогнозирования серьезно ограничен ее нынешним внутренним кризисом, фактической дезинтеграцией государства и назревающим новым раундом борьбы за перераспределение власти. Достаточно трудно прогнозировать изменения в политической системе, которая может подвергнуться очередным непредсказуемым изменениям из-за самых разных хаотичных внутренних импульсов. Базовым на сегодняшний день представляется сценарий, в котором Украина останется нестабильным и антироссийским актором. Также вероятно

дальнейшее размывание ее суверенитета в попытках ускоренной западной интеграции. Но все это не означает, что балансирование навсегда исчезнет из украинской практики. Географически эта страна будет и дальше находиться между Западом и Россией. Возврат к балансированию в более долгосрочной перспективе весьма вероятен, но лишь после смены элит и обновления политической системы.

Список литературы

Бондаренко В. Евразийская интеграция и общественное мнение в Беларуси // Вестник аналитики / ИСОА. – М., 2013. – № 2. – С. 75–83.

Боришполец К., Чернявский С. Российско-белорусские отношения: Угрозы реальные и мнимые // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2012. – № 11. – С. 57–63.

Бурковский П., Горбач В., Дубровский В. Украина, Россия и провал имперского проекта / Под ред. А. Гараня. – Киев: Стилос, 2011. – 76 с.

Ворожейкина Т. Украина: Неутраченные иллюзии // Pro et Contra / Московский Центр Карнеги. – М., 2014. – Т. 18, № 3–4 (63). – С. 6–25. – Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_all.pdf (Дата обращения – 02.10.2015).

Иоффе Г. Авторитаризм без олигархии // Pro et Contra / Московский Центр Карнеги. – М., 2011. – Т. 15, № 3–4 (52). – С. 29–49. – Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_52_all.pdf (Дата обращения – 02.10.2015).

Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. – М., 2008. – Сентябрь–декабрь. – Т. 6, № 3(18). – С. 84–92. – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/eighteenth/011.htm (Дата обращения – 02.10.2015).

Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС: Итоговый научно-технический отчет / Евразийский банк развития; Центр интеграционных исследований. – СПб., 2012. – 168 с. – Режим доступа: http://www.eabr.org/general//upload/reports/Ukraina_doklad-tekst.pdf (Дата обращения – 02.10.2015).

Косикова Л.С. Европейская политика соседства в странах СНГ: Новые тенденции и вызовы для России // Европейская политика

соседства: Шансы и риски для России / Отв. ред. С.П. Глинкина. – М., 2008. – С. 7–33, 127–130.

Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим... // Международные процессы. – М., 2008. – Сентябрь–декабрь, Т. 6, № 3(18). – С. 78–83. – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/eighteenth/010.htm (Дата обращения – 02.10.2015).

Лапкин В.В., Пантин В.И. Россия и Украина: Факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе // Полис. – М., 2009. – № 2. – С. 96–107. – Режим доступа: http://www.politstudies.ru/files/File/2009/2/8.pdf (Дата обращения – 02.10.2015).

Ослунд А. Олигархия в сравнении: Россия, Украина и Соединенные Штаты // Эковест. – Минск, 2004. – № 4 (4). – С. 665–688. – Режим доступа: http://www.research.by/webroot/delivery/files/ecowest/2004n4r06.pdf (Дата обращения – 02.10.2015).

Сидорчук А.В. Эволюция формы правления на Украине: От полу- к суперпрезидентской республике // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 1. – С. 116–133.

Уилсон Э. Между двумя совершеннолетиями: 20 лет независимости Украины: Чему научились? // Россия в глобальной политике. – М., 2012. – № 1. – С. 113–126. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdu-dvumya-sovershennoletiyami-15465 (Дата обращения – 02.10.2015).

Alachnovič A. Recent evolutions in the Belarusian economic system // CASE Belarus. – W-wa, 2010. – 19.03. – 7 p. – Mode of access: http://case-belarus.eu/wp-content/uploads/2011/07/Belarusian-economic-system-in-2010.pdf (Дата обращения – 02.10.2015).

Corruption by country/territory: Ukraine // Transparency International. – Berlin, 2014. – Mode of access: http://www.transparency.org/country#UKR (Дата обращения – 02.10.2015).

Hey J. Introducting small state foreign policy // Small states in world politics: Explaining foreign policy behavior / J.A.K. Hey (Ed.). – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003. – P. 1–12.

Matsuzato K. Disintegrated semi-presidentialism and parliamentary oligarchy in Post-Orange Ukraine // Semi-presidentialism and democracy / R. Elgie, S. Moestrup, Yu-Shan Wu (Eds.). – L.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 192–209.

Protsyk O. Constitutional politics and presidential power in Kuchma's Ukraine // Problems of post-communism. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – Vol. 52, Issue 5. – P. 23–31. – Mode of access: http://www.policy.hu/protsyk/Publications/ConstPoliticsKuchma05.pdf (Дата обращения – 02.10.2015).

Schweller R.N. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in // International Security. – Cambridge, MA: The MIT press, 1994. – Vol. 19, Issue 1. – P. 72–107.

Transition report 2010: Recovery and reform / EBRD. – L., 2010. – 168 p. – Mode of access: http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr10.pdf (Дата обращения – 02.10.2015).

Walt S.M. Alliances in a unipolar world // World politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – Vol. 61, Issue 1. – P. 86–120.

С.В. Михневич

«Эффект колеи» и проблема трансформации внешнеполитической ориентации России[1]

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности влияния «эффекта колеи» на деятельность руководства страны по трансформации ее внешней политики. Анализируются существующие сложности, связанные с состоянием современного этапа развития системы международных отношений и мировой политики. В работе обращается внимание на роль ценностного и идеологического измерений в формировании питательной среды для осуществления масштабных трансформационных проектов. Также в статье рассматриваются изменения в стратегической повестке дня России и реализация ключевых российских институциональных инициатив на международной арене.*

Abstact. *The article considers the special features of the «dependence path» effect to the activity of the authorities in the sphere of external policy transformation. The author analyses existing difficulties, connected with the modern stage of the international system. In the article, the author draws attention to the contribution of the values and ideology to the forming of environment for implementation of major-scale transformative projects. The article examines the changes in the strategy's agenda of the Russian Federation and the process of the Russian major international institutional initiatives' implementation.*

[1] *Исследование подготовлено при поддержке гранта РГНФ 14-07-0059 «Политические функции региональных экономических объединений в современном мире».*

Ключевые слова: *Россия, «эффект колеи», институты, институционализация, Азия, Китай, «мягкая» сила, культура, экономика, международная торговля, дипломатия, международные отношения, мировая политика.*

Keywords: *Russia, «dependence path», institutes, institutionalization, Asia, China, «soft» power, culture, economic development, foreign trade, diplomacy, international relations, world politics.*

Факторы устойчивости в неустойчивом мире

Современный мир настолько сложен и неоднозначен, что многие понятия и сущности, казавшиеся недавно совершенно ясными и очевидными, сегодня теряют свой первоначальный смысл. К примеру, корректное понимание процессов, затрагивающих сферу внешней политики отдельных стран, невозможно, если не учитывать тот факт, что за последнее время радикально изменилась среда международных отношений. Более того, говорить о международных отношениях как совокупности взаимодействий исключительно между государствами нельзя, поскольку на международной арене появились новые серьезные игроки. В их число можно включить международные межправительственные и негосударственные организации, бизнес, средства массовой информации.

Выход на новый уровень и широкое распространение современных средств коммуникации добавили в этот список общества разных стран и транснациональные сообщества как объединения людей, связанных общими идеями. Новые участники международных взаимодействий имеют негосударственную природу, т.е. принципиально отличаются от традиционных акторов – государств и международных межправительственных организаций.

Дополнительные сложности в понимание современных международных интеракций вносит и серьезное взаимопроникновение и взаимопереплетение сфер внутренней и внешней политики государств. Это связано в том числе с упомянутым выше процессом расширения числа международных акторов и изменением международной среды, а также с расширением сфер, связанных с международными контактами.

Американский ученый Майкл Манн пишет об отсутствии системности в функционировании отдельных элементов и форм взаимодействия в рамках отдельных обществ и на международной арене: «Я рассматриваю общества не как системы, а как множественные пересекающиеся сети взаимодействия, из которых наиболее важными являются четыре – это сети идеологических, экономических, военных и политических властных отношений. Сюда можно добавить геополитику как особое сочетание военной и политической власти, варьирующихся между тем, что принято называть "грубой" (жесткой) и "мягкой" силой. Каждый из этих четырех или пяти источников власти может обладать своей внутренней логикой и направленностью развития» [Манн, 2015, с. 114]. Одновременно все указанные источники социальной власти имеют собственные внутренние циклы развития и противоречия. «Все эти динамики «*ортогональны*»[1] по отношению друг к другу. Это означает, что мы можем до определенной степени выявить лишь "внутреннюю" динамику одного источника власти, поскольку каждый из них не абсолютно автономен от других и развитие одного затрагивает развитие других» [там же, с. 115].

Нобелевский лауреат Дуглас Норт в своих работах пишет о *неэргодичности*[2] современного мира [Норт, 2010], т.е. о «мире постоянно возникающих новых изменений», в котором существующие механизмы и накопленный опыт взаимодействий могут не являться достаточными для эффективного решения возникающих проблем. Как он метко подмечает, «для того чтобы знать будущее, нам потребовалось бы знать сегодня то, что мы будем знать завтра» [там же, с. 39].

---

[1] *Ортогональность (мат.) представляет собой обобщение (синоним) понятия перпендикулярности. М. Манн использует это понятие для демонстрации зависимости между отдельными динамиками источников власти. Что же касается взаимодействия между динамиками, то можно говорить о неортогональности взаимодействия в контексте того, что сила воздействия на один из источников власти не приводит к сопоставимому (или прогнозируемому по величине) изменению в других.*

[2] *Неэргодичность представляет собой свойство системы, в соответствии с которым не существует вероятности того, что некоторое состояние будет повторяться.*

Таким образом, среди важнейших свойств процессов, протекающих в современном мире и определяющих динамику эволюции международной и иных систем, можно выделить ортогональность и неэргодичность. Анархический характер мировой политики усиливается не только за счет включения в число международных акторов различных негосударственных игроков, но и из-за уменьшения эффективности существующих элементов глобального и регионального управления. Это также связано и с усиливающейся тенденцией к глубокой идеологизации международных отношений вкупе с растущей многофакторной конкуренцией. По мнению министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, сама «парадигма современных международных отношений скорее определяется конкуренцией в самом широком прочтении этого понятия, ее предметом, помимо прочего, становятся ценностные ориентиры и модели развития» [Лавров, 2007].

При этом изменения, с которыми приходится сталкиваться, достаточно часто носят радикальный характер. В данном случае уместно обратиться к понятию «черного лебедя», предложенному Насимом Талебом. «"Черный лебедь" – это событие, обладающее следующими тремя характеристиками. Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [Талеб, 2009, с. 10].

Ортогональность, неэргодичность внутригосударственных и международных процессов вкупе с высоким риском «черных лебедей» на фоне процессов глобализации в конечном счете приводят к нарастанию неопределенности практически во всех сферах социально-экономической и политической деятельности. Как отмечает член-корреспондент Российской академии наук И.С. Иванов (в контексте международных отношений), «неопределенность обусловлена не отсутствием норм, а их несоблюдением со стороны как влиятельных и богатых государств, так и слабых, но задиристых. Элементы односторонности, ноты бесшабашного авантюризма и безответственности, заметные в политике, в том числе ведущих современных государств,

размывают принципы международного сотрудничества и формируют атмосферу политической непредсказуемости» [Иванов, 2011, с. 53].

Одним из способов уменьшения нарастающей неопределенности и ее трансформации в относительно прогнозируемые риски является институционализация существующих взаимодействий. «Люди пытаются использовать свои представления о мире для структурирования окружающей действительности таким образом, чтобы снизить неопределенность в отношениях с другими людьми» [Норт, 2010, с. 20]. С этой целью они принимают активное участие в создании различных институтов, которые определяют взаимодействие между людьми посредством создания систем стимулов, управляющих их поведением.

По мнению Эрика Райнерта, институты представляют собой «систематические паттерны общепринятых ожиданий, само собой разумеющихся предпосылок, принятых норм и привычек взаимодействия, которые оказывают заметное влияние на формирование мотивации и поведения групп взаимосвязанных общественных акторов» [Райнерт, 2011, с. 153]. При этом необходимо разделять понятия организаций и институтов. Организации представляют собой более жесткие структуры и относящиеся к более узким сферам.

Институциональная структура, которая является «комбинацией формальных правил, неформальных ограничений и особенностей их выполнения» [Норт, 2010, с. 20], отражает убеждения и ценности, сформировавшиеся в обществе в ходе его исторического развития. Внутренняя взаимосвязь между убеждениями и институтами, находящая отражение в формальных правилах, еще более тонко зафиксирована в неформальных институтах, таких как мораль, нормы, конвенции и кодексы поведения. Формальные элементы институциональной структуры могут корректироваться с учетом решений лиц, чьи системы убеждений играют определяющую роль в соответствующих структурах. Но неформальные институты очень часто не подвержены «прямым приказам» и потому более устойчивы. «Доминирующие убеждения, т.е. те, которые разделяют политические и экономические предприниматели, способные

определять политику, со временем вырастают в структуру институтов, определяющих экономическое и политическое поведение» [там же, с. 15].

Фундаментальным фактором, объединяющим убеждения и институты, а также формирующим динамику развития общества и корректирующим принимаемые решения, является «эффект колеи». Он представляет собой «ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте прошлого» [Норт, 2010, с. 83]. «Эффект колеи» связан с устойчивостью и стабильностью ценностных установок общества, а также с тем, какие из аспектов накопленной информации будут оказывать влияние на процессы дефинизации[1].

В отношении важности накопленного исторического опыта с Д. Нортом солидарен и Гжегож В. Колодко, использующий понятие «тропинка зависимости», которая оказывает формообразующее воздействие на образ мысли людей и их понимание своего окружения [Колодко, 2011, с. 73]. Сойти с «тропинки зависимости» крайне непросто, поскольку разрыв с нею в том случае, если она мешает желанной трансформации и тормозит развитие, требует серьезных усилий на самых разных направлениях: от образования до политики, от перестройки ментальных конструктов до смены институтов.

«Тропинка зависимости» и «эффект колеи» могут приводить к серьезным искажениям в политике государства и реакции общества на те или иные проблемы и задачи развития. Достаточно часто при реализации политики учитываются и используются не наиболее подходящие и эффективные инструменты теоретического и прикладного характера, а средства, предлагаемые той или иной идеологической доктриной. К примеру, реализация политики в духе «Вашингтонского консенсуса», проводимая многими странами в 1990-е годы, достаточно часто приводила к

[1] *Дефинизация (авт.) – процесс принятия решений в отношении национальных интересов, формулирования и решения ключевых задач, выбора способов и инструментов их разрешения и накопления необходимых ресурсов, а также оценки достигнутых результатов и определения новых стратегических целей и задач, в соответствии с которым в основе целеполагания лежат приоритеты обеспечения безопасности в разносрочных перспективах.*

крайне негативным результатам. Так, использование либеральных решений, предлагавшихся Монголии экспертами МВФ и Всемирного банка, способствовало деиндустриализации и падению реальных доходов населения [подробнее см.: Райнерт, 2011]. Схожая ситуация наблюдалась и в постсоветской России, когда для «оздоровления» экономики новые экономические власти страны обратились к книжным инструментам и средствам, не адаптированным к сложившимся условиям, но предлагавшимся зарубежными экспертами. Аналогичные примеры необдуманного распространения чужого опыта и идей можно подыскать и в политической и социальной сферах. В контексте процессов секьюритизации[1] и дефинизации чужое идеологическое влияние может приводить к постановке некорректных целей и выбору неверных инструментов их достижения. В результате под ударом могут оказаться как само государство, чьи правящие элиты делают подобный выбор, так и его общество.

Указанная проблема особенно обострилась в последнее время в условиях серьезнейшего идеологического и концептуального кризиса. Неолиберализм, доминировавший в мировой экономике после окончания «холодной войны», не справляется с разрешением сложных задач глобального развития. Неолиберальная доктрина не способна дать исчерпывающие ответы даже на вопросы, касающиеся поддержания темпов роста в странах, более других выигрывающих от ее распространения. Что уж говорить о небольших развивающихся государствах, фактически оказавшихся на обочине мировой экономики? Тем не менее серьезнейший «эффект колеи» в экономических элитах большинства стран мира не позволяет принимать правильные решения, соответствующие целям развития соответствующих государств. Те же, кто принимает этот вызов и успешно противостоит неолиберальному догматизму, оказываются в

[1] *Секьюритизация – дискурсивный процесс, посредством которого в политическом сообществе формируется восприятие того или иного фактора в качестве значимой угрозы и понимание необходимости по принятию срочных исключительных мер по ее разрешению, а также выражается соответствующий призыв [Buzan, Wæver, 2003, p. 491].*

выигрыше, как, например, Китай или Япония и «азиатские тигры» несколькими десятилетиями ранее.

Соответственно, для эффективного функционирования государства и максимизации благосостояния его общества большую роль играет решение задач обеспечения идейного суверенитета. Идейный суверенитет может быть определен как способность общества самостоятельно обеспечивать генерацию или эффективное транспонирование[1] идей, ценностей и целей, а также формирование соответствующих институциональных конструктов, соответствующих национальным интересам развития и безопасности.

Определенное сходство с концепцией идейного суверенитета имеет и концепция культурной безопасности, активно применяемая азиатскими и, в частности, китайскими учеными и политиками. Культура включается ими в понятие комплексной (совокупной) государственной мощи. Причем место и роль культуры в ней увеличиваются с каждым годом. Культурная безопасность может быть истолкована как обеспечение мер, направленных на формирование в рамках общества положительного и уважительного отношения к собственной культуре и исключение негативного влияния «враждебных сил». Фактически культурная безопасность также обозначает устойчивость широких слоев общества перед лицом возможных негативных тенденций и явлений в сфере культуры, которые могут нести существенные риски для поступательного и прогрессивного развития страны.

Достаточно часто на формирование «эффекта колеи» влияет «мягкая» сила внешних акторов. Так, привлекательность высокого уровня развития зарубежных государств может способствовать «перениманию» их моделей развития, зачастую без понимания необходимости национальной адаптации.

Дополнительные сложности с обеспечением культурной безопасности и поддержанием идейного суверенитета, а также

[1] *Транспонирование – здесь: перенесение и внедрение ключевых понятий и свойств, характерных для одной системы, в другую систему с их изменением с учетом существующих особенностей устройства системы-объекта при сохранении ключевых принципов и особенностей переносимых элементов.*

поиском ответа на воздействие чужой «мягкой» силы связаны с тем, что в эпоху глобальных информационных сетей развиваются процессы «виртуализации» международных отношений. «Правительства в растущей степени вынуждены реагировать не на реальные вызовы, а на виртуализированную реальность, на телевизионные образы или на тех людей или организации, которые имеют регулярный доступ к СМИ или умело пользуются возможностями Интернета. Страны в растущей степени являются на мировом информационно-идеологическом, а опосредованно – и финансовом, и инвестиционном рынках – не тем, что они есть, а тем, как они выглядят и как их представляют» [Иванов, 2011, с. 56]. Соответственно, возникают серьезные искажения, находящие затем отражение в накоплении реальных проблем, которым предшествовали виртуальные поводы. Сочетания «виртуальных» отклонений и «эффекта колеи» могут вместе приводить к совершенно причудливым формам национальной и международной политики страны.

«Эффект колеи» и проблема реализации внешней политики России

В ряде случаев «эффект колеи» и «тропинка зависимости» являются серьезнейшими препятствиями на пути реализации эффективной политики в сфере трансформации и адаптации страны к ключевым национальным и международным угрозам, вызовам и рискам. Россия не понаслышке знакома с подобной ситуацией. «Учитывая многочисленные внешние опасности, правители никогда не ставили под сомнение важность поддержания статуса великой державы, жертвуя для его сохранения своими обязательствами перед обществом. Парадокс заключался в том, что для сохранения свободы от внешних посягательств русским приходилось консолидироваться вокруг государства, но ценой державности становилась деградация внутренних компонентов русской свободы. Военная сила, имперское могущество и способность противостоять внешним вторжениям постепенно превращались из средств в самоцель. Экономическая полупериферийность обязывала взимать с общества все более высокие налоги и изыскивать все новые

административные механизмы для его эксплуатации», – пишет исследователь А.П. Цыганков [Цыганков, 2015].

Подобная инерция «эффекта колеи» среди правящих элит неоднократно в российской истории приводила к радикальным пертурбациям и кризисам. В течение одного только XX в. можно насчитать не один десяток подходящих примеров: начиная с русско-японской войны 1904–1905 гг. и заканчивая распадом Советского Союза. И в новом XXI в. «эффект колеи» не утратил свое значение в российской политике. Более того, в 1990-е годы он приобрел новое измерение. Д.А. Савкин пишет, что «ранним российским элитам постсоветского периода была необходима поддержка Запада в экономических преобразованиях и построении рыночной экономики, в связи с чем она (элита) быстро адаптировалась к прозападной линии международной политики, (далеко) не всегда реально соответствующей национальным интересам самой России» [Савкин, 2015, с. 33]. На существенный диссонанс между риторикой и действиями западных партнеров в тот момент обращали внимание немногие представители властной элиты России. «Российская элита основывалась на допущении, что демократические преобразования в государстве непреложно включат Россию в число привилегированных союзников Запада, а затем сделают ее частью этого сообщества посредством интеграции в различные политические и экономические блоки» [Савкин, 2015, с. 33].

Тем не менее в элите постепенно нарастало недовольство существовавшим на тот момент порядком вещей, при котором «ее интересы не принимались во внимание, а Запад, напротив, не устанавливал для себя никаких ограничений и агрессивно продвигал свои геополитические и экономические интересы» [Братерский, 2015, с. 20]. Существенная проблема заключалась в том, что в первые годы после распада Советского Союза развитие отношений с Западом стало практически ключевым значимым ориентиром во внешней политике страны. Разумеется, поддерживались отношения и с другими партнерами, как на пространстве СНГ, так и в дальнем зарубежье. Тем не менее в указанный временной промежуток российские элиты в качестве своей ключевой цели видели именно интеграцию со странами «развитого мира».

Такое видение мировой политики в известной степени сохранялось и в следующем десятилетии. В.В. Путин отмечал, что «в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. В развитие этой идеи мы предложили европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли и даже более продвинутых формах интеграции» [Путин, 2011]. Восхищение Западом, царившее в умах российской элиты, не было просто продуктом своего времени, «освобождения от оков коммунизма». Это измерение «эффекта колеи» было заложено еще в XVIII в., с Петровскими реформами. «Преклонение перед Европой» культивировалось в российской элите в течение нескольких сотен лет, а ослабело лишь в годы советской власти только для того, чтобы вновь вспыхнуть с ее окончанием. Очень четко проявлялся этот «эффект колеи» и в международной активности страны, существенно ослабевшей после 1991 г.

Тем не менее с ростом возможностей и восстановлением влияния России данная тенденция в сфере внешней политики начала постепенно затухать. Россия была более не готова не обращать внимания на поучительный тон в отношениях со стороны западных партнеров и их попытки максимизировать собственное влияние за счет российских интересов. Начало постепенно меняться и восприятие картины мира российской элитой: Запад, не теряя привлекательности своего уровня жизни, перестал являться носителем единственно верных «нравственных нарративов». Как писал в 2008 г. российский политолог С.А. Караганов, «в Москве многим кажется, что политико-пропагандистский прессинг, которому подвергается Россия, вызван исключительно недовольством российской самостоятельностью, повышением международного влияния. Но не менее важная причина – неуверенность западных стран» [Караганов, 2008, с. 60].

Эта неуверенность во многом стала следствием высокомерной и неадекватной политики, имевшей место в предыдущие десятилетия. Достаточно часто европейцы предпринимали и предпринимают действия, пролоббированные «старшим партнером» в лице США и не соответствующие их

стратегическим целям и задачам. В числе ярких актуальных примеров можно упомянуть серьезный миграционный кризис, захлестнувший Европу в 2015 г., ставший результатом бездумной политики европейских стран на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Возвращаясь к постепенному изменению российских внешнеполитических ориентиров, нельзя не отметить тот факт, что к национальной элите, особенно ее слоям, ответственным за секьюритизацию и дефинизацию, начало постепенно приходить понимание незаинтересованности Запада в полноценном развитии России. Известный российский ученый М.В. Братерский писал, что «в развитом мире накоплены достаточные производственные мощности для обслуживания всех российских потребностей и их перенос в Россию вел бы к потерям Запада в рабочих местах, бюджетных доходах и общем богатстве» [Братерский, 2015, с. 17]. По этой причине развитые страны крайне не заинтересованы в появлении нового сильного конкурента, коим может стать Россия, решившая задачи модернизации национальной экономики. Российские власти во многом понимают риски, связанные с функционированием открытой экономики. «Она позволяет максимизировать эффективность национальной экономики в рамках концепции относительных издержек, но не дает стимулов к качественному изменению этой экономики и выводу ее на новый, высокий уровень» [Братерский, 2015, с. 17].

Однако в реальной жизни непросто даже сформулировать задачи трансформации и модернизации экономики, а уж тем более обеспечить их полноценное претворение в жизнь в соответствии с корректной стратегией. Этому может воспрепятствовать не только нехватка собственных нужных ресурсов и компетенций, но и нежелание зарубежных партнеров ими делиться. Сюда же относится и неспособность применять наиболее эффективные механизмы и инструменты управления из-за «эффекта колеи» и нарушения идейного суверенитета. В случае, если какой-то фактор мешает достижению поставленных целей, он должен быть скорректирован для получения необходимого результата. Чаще всего серьезные трансформационные инициативы руководства страны не доводились до конца, в частности – инициативы, затрагивающие процессы серьезной переориентации российской внешней политической и экономической деятельности с Запада на

Восток. В этом контексте необходимо обратиться к программной статье президента Российской Федерации В.В. Путина, опубликованной в ноябре 2000 г. в преддверии поездки на саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) [Путин, 2000]. В своей статье глава Российского государства отметил особую важность полноценного вовлечения России в политико-экономические взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В.В. Путин выделил ряд перспективных сфер и направлений сотрудничества России со странами региона, в том числе: развитие транспорта и добывающих отраслей, особенно нефти и газа, партнерство в сфере атомной энергетики и мирного космоса, а также помощь России в устранении последствий стихийных бедствий. Однако, как показала реальная жизнь, многого из сказанного не удалось достичь в полной мере.

По мнению А.П. Цыганкова, «курс последних полутора десятилетий исчерпал ресурсы развития. Созданное Владимиром Путиным государство зависит от энергетического экспорта, действует преимущественно в интересах влиятельных политико-экономических групп и пока не создало механизмов устойчивого долгосрочного прогресса. Политический класс во многом не удовлетворяет требованиям современного развития. Процветание 2000-х годов не сопровождалось решением фундаментальных экономических и политических проблем. Конкурентоспособность экономики на сравнительно низком уровне. Высокий уровень коррупции и технологическое отставание российского бизнеса от западного существенно снижают поступления в казну, затрудняя дальнейшее укрепление государственности» [Цыганков, 2015]. В число перечисленных сложностей и неудач можно включить и не состоявшийся «разворот» на Восток. С подобным категоричным видением можно и не согласиться, обратив тем не менее на него внимание, поскольку оно действительно демонстрирует широкий пласт проблем, которые не удалось решить в «жирные» 2000-е годы. Как ни странно, причина этого также кроется в «эффекте колеи».

Колоссальный рост цен на энергоресурсы, обеспечивший стране высокие темпы экономического роста[1] и позволивший

[1] *В течение 1999–2008 гг. варьировались от 4 до 10%.*

существенно повысить уровень благосостояния населения, также способствовал «консервации» сырьевой структуры экономики, основы которой были заложены в 1990-е годы. Нежелание и неготовность вносить реальные изменения в систему, которая «и так хорошо работает», для достижения будущих целей, ставя под угрозу получение имевшихся «дивидендов», сыграли с российскими властями и всей страной злую шутку. Очень многие здравые мысли, звучавшие в правительстве и в экспертном сообществе в то время, игнорировались, потому что казалось, что status quo удастся сохранить «всерьез и надолго».

Точно так же не были использованы и возможности глобального экономического кризиса 2008–2010 гг. Накопленная подушка безопасности в виде государственных стабилизационных фондов позволила населению пережить кризисные явления сравнительно безболезненно. Однако возможности для модернизации экономики вновь оказались упущены. Доминирующую роль в структуре экспорта играют топливо-энергетические товары, на которые в 2014 г. приходилось 74,02% стоимости российского экспорта (160 145,4 млн долл.), притом что в 2007 г. приходилось 68,17% (93 350,2 млн долл.). В структуре импорта же преобладают машины, оборудование и транспортные средства: в 2014 г. – 95 759,1 млн долл. (55,06% из 173 908,6 млн долл.) против 69 648,0 млн долл. (59,08% из 117 889,6 млн долл.).

Впрочем, России удалось достичь определенных успехов в расширении торгово-экономического присутствия в АТР: так, из 789 612,3 млн долл. российского торгового оборота 211 109,8 млн долл., или 26,74%, составила торговля со странами АТЭС. Китай стал крупнейшей страной – торговым партнером России: объем двусторонней торговли составил 88 350,3 млн долл. Однако структура торговли России с Китаем схожа со структурой торговли России со странами «большой двадцатки», т.е. преобладает импорт продукции с большой добавленной стоимостью и экспорт продукции с низкой добавленной стоимостью. Соответственно, сложившаяся ситуация в структуре торговли пока никак не отражает стремлений руководства страны модернизировать экономику России.

Нельзя не отметить, что последние действия российского руководства также, по всей видимости, не будут способствовать

«перелому» ситуации в сфере торгово-экономических отношений с Китаем. Так, 21 мая 2014 г. в ходе официального визита в КНР президента России В.В. Путина между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (China National Petroleum Corporation, CNPC) было подписано 30-летнее соглашение на поставку по восточному маршруту в Китай 38 млрд куб. м газа в год. Стоимость контракта – 400 млрд долл. В контракт включены условия take-or-pay (бери или плати). Первые поставки должны начаться в 2018–2019 гг. [Михневич, 2015, с. 95]. Однако падение цен на нефть во второй половине 2014 – 2015 г. привело к тому, что реализация указанного соглашения теперь стоит под вопросом. Причина этого кроется в механизме ценообразования, прописанном в контракте, и в частности привязке стоимости поставляемого газа к нефтяным котировкам. То, что было рентабельно при 100 долл. за баррель нефти, уже не весьма выгодно при цене менее 50 долл. Соответственно, в случае реализации проекта он может оказаться для России экономически нерентабельным и носить сугубо политический характер [Строкань, 2015]. Во многом указанные сложности связаны с особой важностью данного контракта для российских властей в условиях сложной международной обстановки. Его подписание ставило задачу продемонстрировать миру неэффективность ограничений против России и ее готовность дать асимметричный на них ответ. Без сомнения, китайские партнеры понимали это исключительное значение контракта и смогли «продавить» все интересующие их условия.

Задача «разворота» российской внешней политики и модернизации национальной экономики была в очередной раз поставлена в повестку дня российского руководства в начале 2010-х годов, что было во многом связано с ухудшением международной обстановки с точки зрения России. С.А. Караганов в 2008 г. писал о стремлении стран Запада ограничить экономическую экспансию государств нового «авторитарного капитализма» и их компаний, об усилении конкуренции в сфере идеологии [Караганов, 2008, с. 60]. Так, в центре борьбы находятся вопросы демократии и прав человека, которые еще более «геополитизируются». Об этом пишет в своей статье 2012 г. «Россия и меняющийся мир» В.В. Путин, на тот момент – кандидат в президенты Российской Федерации. Он

пишет следующее: «Часто говорят – права человека первичны по отношению к государственному суверенитету. Без сомнения, это так – преступления против человечества должны караться международным судом. Но когда при использовании этого положения легко нарушается государственный суверенитет, когда права человека защищаются извне и на выборочной основе – и в процессе "защиты" попираются такие же права массы людей, включая самое базовое и святое – право на жизнь, – речь идет не о благородном деле, а об элементарной демагогии» [Путин, 2012]. К указанному времени у российского руководства накопилась «критическая масса» недовольства политикой западных партнеров по отношению к России, что и нашло отражение в упомянутой статье В.В. Путина.

Трансформация внешнеполитического курса России

В целом же 2012 г. может считаться своеобразным водоразделом в стратегическом видении Россией своей роли в мировой политике. М.В. Братерский выделяет следующие ключевые изменения, затронувшие процессы дефинизации российского руководства [Братерский, 2015, с. 13]:

– цель интеграции в западные структуры была заменена идеей сохранения самостоятельности и общим поворотом к партнерам на Востоке и Юге (пусть носящим во многом и декларативный характер. – *Авт.*);

– задача полного растворения национальной экономики в мировом рынке была скорректирована в сторону понимания необходимости собственной реиндустриализации, обеспечения основ экономической независимости и создания своего экономического объединения;

– была разработана стратегия нахождения компромиссов с западными лидерами мировой системы в сотрудничестве с группой незападных стран, в которой Россия была бы одним из лидеров;

– во внешнеполитическом мировоззрении России ценности наивного либерализма 1990-х годов были вытеснены идеями реализма и государственничества;

– вакуум на месте российской внешнеполитической идеологии был заполнен идеей собирания Русского мира и приоритетом защиты традиционных христианских ценностей.

В 2012–2014 гг. вышеуказанные особенности были отражены в официальных концептуальных документах, изданных российским руководством, таких как «Концепция внешней политики Российской Федерации», «Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию», «Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС». Эти документы содержали в себе существенную переоценку российскими властями внешнеполитических приоритетов, отмечались ключевые сложности настоящего этапа развития системы международных отношений, а также содержались подходы России к проведению внешней политики по отдельным направлениям. В концепциях также обращалось внимание на повышение значения новых центров силы и необходимости отражения этого в механизмах глобального управления, а также на невозможность сепаратного решения многих международных проблем и кризисных явлений. Данные документы фактически задали вектор развития внешней политики России, хотя реализация некоторых из их положений, вроде главенства норм международного права, вызывает неоднозначную реакцию на международной арене. В целом же документы отражали необходимость проведения более строгой и комплексной повестки в условиях усложнившейся среды мировой политики.

Ощущение негативного или даже враждебного окружения, особенно после событий февраля 2014 г. – победы Майдана, поддержанной странами Запада, и бегства законно избранного президента Украины, существенно усугубилось в российской элите и обществе в целом. Если ранее Россия только порицалась за свою последовательную, но не отвечающую интересам Запада политику по поддержке законного сирийского правительства, то с победой Майдана и последующим возвращением Крыма в состав России против России были введены санкции. Их цель заключалась в создании такого уровня давления на российское руководство, которое бы заставило его изменить выбранный политический курс. Причем в качестве поводов для расширения санкций и введения

новых ограничений против экономики России стали использоваться события украинской гражданской войны, например, не подтвержденное участие российских вооруженных сил в боестолкновениях в Донбассе. По мнению Запада, Россия имеет неограниченное влияние на ополченцев, воющих против вооруженных сил Украины, и должна постоянно его использовать для деэскалации конфликта. Однако ситуация не выглядит столь однозначной, поскольку западные «партнеры» ожидают от России односторонних действий, не принуждая власти Украины выполнять взятые ими обязательства. В этом также проявляется «эффект колеи», но уже со стороны Запада, привыкшего за 1990-е годы к постоянным уступкам и «сдаче позиций» российскими властями.

Подобное поведение стран Запада стимулирует новые попытки российских властей «пробить» «эффект колеи» и диверсифицировать свою внешнюю политику и экономическое сотрудничество. Неудивительно, что в поисках поддержки Россия обращается на Восток. Российскому руководству близки подходы к международному взаимодействию, продвигаемые странами Азии.

Так, традиционно в основе подхода КНР к выстраиванию отношений на международной арене лежали «пять принципов мирного сосуществования», впервые изложенные в декабре 1953 г. премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем[1]. Они включают в себя [Внешняя политика.., 2015]:

1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности;

2) взаимное ненападение;

3) невмешательство во внутренние дела друг друга;

4) равенство и взаимная выгода;

5) мирное сосуществование.

В 1976 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) опубликовала документ, получивший название «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» (Treaty on Amity and Cooperation, или Bali Concord I), содержавший следующие положения [Treaty of amity.., 1976]:

[1] *Более подробно о вопросе эволюции идеологического измерения внешней политики КНР см: [Михневич, 2013].*

1) взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех наций;

2) право каждого государства руководить своим существованием без внешнего вмешательства, подрывной деятельности и принуждения;

3) невмешательство во внутреннюю политику другого государства;

4) разрешение разногласий и споров мирными средствами;

5) отказ от применения силы или угрозы силы;

6) эффективное сотрудничество между государствами.

Указанные подходы во многом соотносятся с российским видением мировой политики. Тот же подход КНР к выстраиванию «гармоничного мира», в основе которого лежит сотрудничество разных государств и их обществ, весьма импонирует российской элите, поскольку не претендует на навязывание единственно верного морального ориентира. Тем не менее сам тот факт, что российскому руководству импонируют идеологические подходы азиатских государств, не способен сломать «эффект колеи» в отношении восприятия Азии в российском обществе и его элитах. Как пишет В. Попов, «до тех пор пока отношения с Западом не ухудшились и не разразился украинский конфликт… россияне не желали ассоциироваться с азиатами. Они идентифицировали себя с европейцами и постоянно апеллировали к категориям европейской цивилизации: европейское образование, европейские ценности, европейский сервис, европейское качество… Устойчивые же словосочетания в отношении Азии были совсем другими: “азиатское коварство”, “азиатская хитрость” и даже “азиатская жестокость”... Стереотипы меняются, но процесс идет медленно» [Попов, 2015]. Указанное восприятие Азии еще и накладывается на негативную «виртуализацию» образа стран макрорегиона, особенно КНР, осуществляемую западными средствами массовой информации.

«Доминирование Запада проявляется не только в экономической и политической областях, но и в сфере культуры. Подобное положение в перспективе способно привести к установлению духовного тоталитаризма, утрате национальной, культурно-религиозной идентичности странами, не относящимися

к западной цивилизации» [Арсентьева, 2008, с. 18]. С этим утверждением постепенно соглашается все больше представителей современной российской элиты, столкнувшихся с риском применения против себя существенных ограничений со стороны зарубежных партнеров из стран Запада. Даже «просто вести бизнес», стараясь дистанцироваться от политики, становится крайне сложным, что способствует изменению восприятия деловой элитой страны возможностей сотрудничества с зарубежными партнерами.

Разумеется, экономика России испытывает сложности из-за введения в отношении нее ограничений со стороны Запада. Однако их существенно переоценивают. В недавнем исследовании, подготовленном представителями Центрального банка Российской Федерации и МВФ, снижение потолка ВВП в течение двух лет (2015–2016) оценивается в 4,2–4,8%, из которых на санкции приходится 0,5–0,6% [Бутрин, 2015]. По мнению некоторых экспертов, введение санкций наконец-то дает российскому руководству решающий стимул в реформировании своей экономической и международной повестки дня. «Санкции Запада против российской экономики несут не только риски, но и новые возможности, связанные с увеличением внутренних стимулов развития и диверсификацией внешнеэкономических связей по направлению к азиатским рынкам. База внутренней поддержки государства в связи с украинским кризисом расширилась, создавая потенциал для новой консолидации власти… Новых возможностей не реализовать без заметной роли государства, способствующего развитию общественной инициативы, предлагающего новые масштабные проекты и мобилизующего общественные ресурсы» [Цыганков, 2015]. И развитие отношений с новыми партнерами является эффективным способом справиться с важнейшими задачами развития страны.

В данной канве также должны рассматриваться и последние действия российских элит по формированию новых институтов, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), начавший функционировать с 1 января 2015 г. Его предшественником был Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, созданный в 2010 г. в целях стимулирования взаимной торговли и формирования условий для комплексного и взаимовыгодного социально-экономического развития. В 2012 г. начало функционировать

Единое экономическое пространство. 29 мая 2014 г. в Астане президентами России, Беларуси и Казахстана был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), к которому затем присоединились Армения и Киргизия.

А.И. Суздальцев полагает, что «евразийский интеграционный проект развивается под давлением политической воли президентов (государств-участников). Создаваемые институты имеют специфическую "дорожную карту", опирающуюся на политическое расписание, а не на вызревание экономических и политических стимулов в государствах-партнерах» [Суздальцев, 2015, с. 53]. Разумеется, рассчитывать на достижение всеобъемлющих успехов в краткосрочной перспективе не приходится. Но справедливым будет и утверждение, что свои относительные и абсолютные преимущества, проистекающие в том числе из эффективных и емких институтов, государства должны создавать сами. Х. Клинтон считает, что «существует движение в сторону ресоветизации региона [постсоветское пространство. – *Авт.*]. Это не будет называться именно так. Это будет называться Таможенным союзом, это будет называться Евразийским союзом и все в таком роде. Не будем заблуждаться на этот счет. Мы знаем, в чем заключается цель, и мы стараемся разработать эффективные способы того, как замедлить или предотвратить это» [Clover, 2012]. Даже если некоторые шаги могут казаться неподготовленными и не совсем логичными, если их не сделать, то может быть упущено драгоценное время, а условия для выигрыша – потеряны.

Тем не менее Россия очень осторожно относится к вовлечению внешних, более мощных акторов к развитию собственных институциональных инициатив, справедливо считая необходимым минимизировать риски «перехвата лидерства». Так происходит с развитием сотрудничества на площадке Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которой Россия старательно ограничивает стремление Китая расширить экономическое измерение сотрудничества и поставить его под свой контроль.

В экономической повестке ШОС на протяжении последних лет стоит вопрос создания финансового механизма сопровождения проектной деятельности в рамках организации. Минфин России совместно с МИДом России в течение 2014 г. осуществлял работу, направленную на продвижение российского предложения о

преобразовании Евразийского банка развития (ЕАБР) в Банк развития ШОС. Однако по итогам консультаций, проведенных со странами – членами ШОС, в том числе в рамках заседания Совета глав правительств государств – членов ШОС 14–15 декабря 2014 г. в Астане, достичь консенсуса по вопросу трансформации не удалось. Российское предложение активно поддержал лишь Казахстан. КНР выразила готовность поддержать создание Банка развития ШОС на базе ЕАБР только в случае согласия всех стран ШОС. Одновременно Узбекистан и Киргизия выступили резко против предложенного российской стороной подхода и продолжили настаивать на создании отдельного Банка ШОС «с нуля» с размещением его штаб-квартиры в Ташкенте или Бишкеке соответственно. Таким образом, дальнейшее продвижение инициативы создания Банка развития ШОС на базе ЕАБР оказалось нереализуемым.

Кроме того, Российская Федерация, так же как и остальные члены ШОС, присоединилась к инициативе учреждения Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). А одним из приоритетных регионов для инвестиций АБИИ станет именно регион ШОС. Так, китайская сторона высказывалась о своем намерении поддержать через АБИИ инвестиционные инициативы в рамках реализации китайского мегапроекта «Экономический пояс Шелкового пути», маршрут которого проходит через территорию стран – членов ШОС.

Еще одним проявлением процессов институционализации, продвигаемых Россией, является взаимодействие в рамках БРИКС, а также создание Нового банка развития [БРИКС] как частный случай. Цель деятельности банка заключается в финансировании инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития в государствах БРИКС и развивающихся странах. Ожидается, что в будущем банк сможет стать значимым источником для привлечения долгосрочных инвестиций в целях финансирования масштабных инфраструктурных проектов на территории Российской Федерации. Указанный институт должен стать одним из крупнейших международных банков развития. Разрешенный к выпуску капитал составит 100 млрд долл., распределенный – 50 млрд долл., в том числе: оплачиваемый – 10 млрд долл., капитал, оплачиваемый по требованию, – 40 млрд долл. Капитал банка

распределяется между странами БРИКС в равных долях – по 20%. Все страны БРИКС завершили необходимые для вступления в силу соглашения внутригосударственные процедуры, что позволило провести в июле 2015 г. инаугурационное заседание Совета управляющих банка и тем самым осуществить официальный запуск Нового банка развития. Планируется, что банк профинансирует свой первый инвестиционный проект уже через девять месяцев. Однако в данный момент понять, насколько эффективной будет работа данного механизма, так же как и других институциональных структур, продвигаемых Россией, не представляется возможным. И причиной этого может стать как «эффект колеи», так и совокупность событий и факторов, отличающих развитие мировой политики и экономики.

В заключение хотелось бы обратить внимание на результаты любопытного исследования «Российская элита – 2020», проведенного экспертами международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 г. Его данные во многом способны объяснить причины неудач с трансформацией и «разворотом» внешней политики России в первом десятилетии XXI в. Если в 1999 г. среди представителей российских элит 1961–1970 гг. рождения 89% людей, участвовавших в опросах, полагали, что национальные интересы России выходят за рамки существующих государственных границ, то в 2012 г. таких осталось только 40% [Российская элита.., 2013, с. 22–23]. Аналогичная картина имела место и среди представителей элиты моложе 1971 г. рождения: количество сторонников «широкой» концепции национального интереса в ней сократилось с 87% в 2004 г. до всего лишь 41,5% в 2012 г. [там же].

Одного взгляда на результаты данного исследования достаточно, чтобы понять, что любые начинания российского руководства по реформированию внешней политики будут наталкиваться на отсутствие поддержки или даже на сопротивление представителей элит, которые фактически являются проводниками идей. Сложно говорить о развороте внешней политики и решении каких бы то ни было масштабных задач, если в элите отсутствует понимание их содержания. Вероятно, причина такого «сжимания» национальных интересов в понимании элиты связана и с не совсем корректной политикой

российских властей. Так, представляется недостаточным применение ресурса «мягкой» и «умной» сил как на международной арене, так и во внутренней политике. Особенно это касается применения новых, нетрадиционных средств, как, например, использование образа национального лидера в качестве международного ресурса «мягкой» силы. Попытка играть на территории зарубежных государств и обществ, поднаторевших в политике «мягкой» силы, может, скорее, приводить к негативным результатам.

Очень часто элита оказывается под воздействием «мягкой» силы зарубежных государств, что приводит к существенному искажению в ценностных и идеологических ориентирах и формированию новых траекторий «эффекта колеи». Результатом этого может стать обострение как внутригосударственной, так и международной идеологической борьбы и усиление конкуренции. А одним из результатов многофакторной конкуренции в мировой политике является «уменьшение интенсивности и качества международного сотрудничества по противодействию глобальным вызовам – распространению оружия массового уничтожения, деградации окружающей среды, исламскому экстремизму» [Караганов, 2008, с. 53]. Российским властям нужно стараться уделять больше внимания формированию консенсуса в элите относительно целей и задач своей политики, что станет важным шагом к серьезным успехам в их достижении и исключению негативных форм «эффекта колеи». А применение интересных и неординарных средств позволит дать полноценный асимметричный ответ на недружественные действия зарубежных акторов в условиях сложной ситуации на международной арене.

Список литературы

Арсентьева И.И. Россия между Востоком и Западом: Стратегия национальной безопасности. – М.: Восток-Запад, 2008. – 190 с.

Бутрин Д. Нефть как главная разновидность санкций // Коммерсантъ. – М., 2015. – 20.08. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/
2792022 (Дата обращения – 30.09.2015).

Братерский М.В. Трансформация внешней политики России // Россия и Китай в евразийской интеграции: Сотрудничество или

соперничество? / Под ред. Ли Сина, М.В. Братерского, Д.А. Савкина, Ван Чэньсина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 13–21.

Внешняя политика Китая: Независимая, самостоятельная, мирная внешняя политика / ДВО РАН. – 2015. – Режим доступа: http://www.febras.ru/partnery/kitaj/197-vneshnyaya-politika.html (Дата обращения – 30.09.2015).

Иванов И.С. Внешняя политика в эпоху глобализации. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 288 с.

Караганов С.А. Новая эпоха // Россия и мир: Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – С. 42–64.

Колодко Г.В. Мир в движении / Пер. с польск. Ю. Чайникова. – М.: Магистр, 2011. – 574 с.

Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: Взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. – М., 2007. – № 2. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8385 (Дата обращения – 30.09.2015).

Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун / Пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Изд. Ин-та Гайдара, 2015. – С. 113–155.

Михневич С.В. Инновационные аспекты энергетической политики КНР: Внутреннее и внешнее измерения // ЭКО. – Новосибирск, 2015. – № 2. – С. 87–110. – Режим доступа: http://ecotrends.ru/images/Journals/2010-2019/2015/N02/3_Articles/087Michnevich.pdf (Дата обращения – 30.09.2015).

Михневич С.В. Трансформация внешнеполитической идеологии КНР в 1949–2012 гг. и ключевые парадигмы современной китайской внешней политики» // Материалы 3-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества» / Отв. ред. Д. Буяров. – Благовещенск, 2013. – С. 200–206.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2010. – 256 с.

Попов В. Почему Россия опоздала с разворотом на Восток // РБК. – М., 2015. – 11.09. – Режим доступа: http://www.rbcdaily.ru/economy/562949997094639 (Дата обращения – 30.09.2015).

Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – М., 2011. – 03.10. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/502761 (Дата обращения – 30.09.2015).

Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. – М., 2012. – 27.02. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html (Дата обращения – 30.09.2015).

Путин В.В. Россия: Новые восточные перспективы // Президент России. – М., 2000. – 09.11. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21132 (Дата обращения – 30.09.2015).

Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; Под ред. В. Автономова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2011. – 384 с.

Российская элита – 2020: Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Циммерман У., Инглхарт Р., Понарин Э., Лазарев Е., Соколов Б., Вартанова И., Туранова Е. – М., 2013. – 122 с. – Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_elite_2020_rus.pdf (Дата обращения – 30.09.2015).

Савкин Д.А. Евразийский регион сквозь призму представлений российских элит // Россия и Китай в евразийской интеграции: Сотрудничество или соперничество? / Под ред. Ли Сина, М.В. Братерского, Д.А. Савкина, Ван Чэньсина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 22–50.

Строкань С. Дружба двух площадей // Коммерсантъ. – М., 2015. – 31.08. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2799924 (Дата обращения – 30.09.2015).

Суздальцев А.И. Россия и евразийская интеграция: История и современность // Россия и Китай в евразийской интеграции: Сотрудничество или соперничество? / Под ред. Ли Сина, М.В. Братерского, Д.А. Савкина, Ван Чэньсина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 51–68.

Талеб Н.Н. Черный лебедь: Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; Под ред. М. Тюнькиной. – М.: Колибри, 2009. – 528 с.

Цыганков А.П. Сильное государство: Теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – № 3. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-XXI-veke-17489 (Дата обращения – 30.09.2015).

Buzan B., Wæver O. Regions and powers: The structure of international security. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – 594 p.

Clover Ch. Clinton vows to the thwart new Soviet Union // Financial Times. – L., 2012. – 06.12. – Mode of access: www.ft.com/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0.html#axzz2ShFUAOnl (Дата обращения – 30.09.2015).

Treaty of amity and cooperation in Southeast Asia / ASEAN. – Bali, Indonesia, 1976. – 24 February. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/treaty-of-amity-and-cooperation-in-southeast-asia-indonesia-24-february-1976-3 (Дата обращения – 30.09.2015).

М.В. Братерский

Новая многополярность: Торговля и финансы в XXI веке

Аннотация. *Сегодняшний мир становится ареной конкуренции и сотрудничества гигантских экономических блоков, построенных по нормативному принципу. Важными факторами создания таких блоков являются как традиционные изоляционистские объяснения выгод торговли, так и приоритеты глобальной конкуренции.*

Abstract. *Today's world is rapidly turning into the arena of competition and cooperation among gigantic economic blocks built on different normative bases. Such blocks are being built because of economic advantages of trade explained by isolationist theories, as well to be more competitive globally.*

Ключевые слова: *региональные экономические объединения, деглобализация, санкции, рынки.*

Keywords: *regional economic associations, deglobalization, sanctions, markets.*

Характеризуя основные признаки современной международной жизни, разные исследователи акцентируют внимание на неодинаковых ее особенностях.

Для Г. Киссинджера главным является то, что в сегодняшнем мире параллельно начинают сосуществовать несколько типов международного порядка: 1) европейский, основанный на вестфальской идее суверенитета и формальном равенстве государств; 2) исламский, основанный на идее уммы (сообщества); 3) китайский, основанный на идее срединного

царства как центра некоего региона; 4) американский, имеющий глобальное измерение и сегодня находящийся под сильным давлением [Kissinger, 2014].

С.А. Караганов в качестве основного признака нынешнего мира указывает на «медленный уход многовековой глобальной гегемонии Запада – военной, экономической, идеологической, культурной – и подъем не-Запада» [Караганов, 2015 а].

В докладе В.В. Путина на заседании Валдайского клуба отмечается, что распространение демократии и рыночной экономики в последние десятилетия оказало на мир противоречивое воздействие. Оно привело скорее к размежеванию стран, чем к их сближению. Международное сообщество в целом стало более демократичным, выросло количество игроков, конкурирующих за право участвовать в построении мирового порядка. Но они все меньше готовы мириться с тем обстоятельством, что международные организации увековечивают привилегии ограниченной группы стран («большой пятерки», постоянных членов Совбеза ООН) [Путин, 2014].

Для А.О. Безрукова и А.А. Сушенцова центральной характеристикой современных международных отношений является институциональный и политический кризис атлантизма как системы, претендующей на управление все более «неатлантическим» миром; кризис международного права и размывание принципа суверенитета; ускорение процесса регионализации; обострение борьбы за национальную и религиозную идентичность [Безруков, Сушенцов, 2015].

Эти очень разные эксперты делают различные акценты и в своем анализе современного мира выдвигают на первый план разные свойственные ему процессы и явления. Вместе с тем все они сходятся в одном: глобализация как становление гомогенного мира, организованного по единым правилам, приостановилась, разные части мира в своем развитии стали ориентироваться на разные правила и модели, начали выстраивать разные институты и формировать отдельные подсистемы. Эти тенденции видны и в области безопасности, и в области международной торговли, инвестиций и финансов.

Способность устанавливать правила – новая форма силы

В мировой системе заметны быстрые и радикальные изменения, аналогов которым, по-видимому, не было на протяжении всей новой и новейшей истории. Сдвиги происходили по всем основным макропараметрам, и их воздействие было крайне противоречиво: с одной стороны, они как бы уменьшали и даже стирали различия между отдельными частями мировой системы, придавая ей некоторую целостность, а с другой – порождали новые различия и даже возрождали уже уходившие из жизни линии раздела, превращая мировую систему в сумму взаимопротиворечивых частей, единство и взаимодействие которых могло поддерживаться только внеэкономическими методами. Будучи все более глобализированной, прежде всего в экономическом плане, международная система одновременно становилась все более разобщенной и фрагментированной в части политики и моделей развития. Появление новых транснациональных вызовов и угроз очень часто не сопровождается многосторонним сотрудничеством государств по их преодолению. Напротив, на фоне глобализации углубляются старые и появляются новые расколы, которые порой начинают приобретать культурно-цивилизационный характер. Начала рваться и целостная, как казалось недавно, экономическая ткань мира.

Изменение общего мироустройства, появление новых глобальных тенденций в сфере социально-экономического, политического и культурного развития, усиление информационных факторов развития человеческой цивилизации привели все современное общество в положение переходности. В переходном состоянии находятся все ключевые слагаемые международной политики: расстановка сил в мире, базовые правила и нормы международной политики, инструменты международного и глобального регулирования и механизмы принятия решений. Наконец, новое содержание приобретает понятие силы в международных отношениях. Сила начинает зависеть от других факторов, нежели еще десять-двадцать лет назад. Сегодня концентрация государства на том, что формировало мощь и влияние в прежние эпохи, может, напротив,

обречь его на постепенную или даже относительно быструю маргинализацию. Сейчас происходит формирование новой мировой системы международного порядка с новыми правилами игры, новыми механизмами принятия решений, новыми институтами и новым содержанием межгосударственной конкуренции. При этом парадигма этого нового порядка далеко не ясна.

В центре проблематики изучения международных отношений сегодня должен стоять тот факт, что современные государства уже большей частью не делят отношения с другими государствами и группами стран на однозначные отношения соперничества и отношения сотрудничества и партнерства, а весьма гибко и комплексно совмещают две эти составляющие во времени и пространстве. Они не только соперничают, но и сотрудничают между собой, что в целом объясняется двойственной природой МО (стремление к превосходству через соперничество и стремление к обогащению через сотрудничество), но в нынешних обстоятельствах глобализации, появления новых транснациональных угроз и вызовов, перетекания, размывания и диффузии силы, а также обострения глобальной конкуренции и приобретения ею новых форм, данная практика становится превалирующей формой межгосударственного взаимодействия, причем как на двустороннем, так и на многостороннем уровне, и отражает общую сложность и нелинейность развития мира.

В результате традиционные понятия «соперник» и «союзник» приобретают новый смысл и требуют выработки новых подходов, в том числе и в практической политике. Современные государства конкурируют между собой уже не столько за территорию и ресурсы как таковые, сколько за контроль над потоками, правилами, стандартами и повестками дня. Так, например, продолжающееся политическое «пробуждение населения» [Бжезинский, 2015, с. 42] стран «третьего мира», современной иллюстрацией которого является «арабская весна», делает традиционный захват и удержание территории другого государства чрезвычайно затратным со всех точек зрения и, главное, политически бесперспективным. Спор же между Россией и ЕС вокруг «третьего энергопакета» Евросоюза показывает, что установление правил, по которым природные ресурсы

добываются, транспортируются и поставляются от производителя к потребителю, становится куда более эффективным механизмом контроля и влияния, чем фактическое обладание месторождениями с этими ресурсами.

Акторами этой конкуренции остаются в основном государства, но акторство в современных МО обладает многоликостью и изменчивостью – в разных ситуациях государство выступает в разных ипостасях, в лице компаний, ассоциаций, НКО, коалиций или международных институтов. Наконец, мерилом успеха в современных международных отношениях выступает уже далеко не одно военное превосходство и собственная экономическая мощь, а способность устанавливать и поддерживать некие правила международного экономического обмена: структурировать международные потоки торговли и инвестиций; осуществлять технологическое лидерство; контролировать международную валютную систему; формировать региональные торговые и валютные системы. Кроме того, важно определять вектор международного общественного мнения, а также восприниматься в глазах других в качестве успешного, динамично развивающегося игрока, за которым «будущее». Субъективное восприятие играет в современных международных отношениях не меньшую (а порой даже бóльшую) роль, чем объективное состояние того или иного игрока. Восприятие и стереотипы, которые, в свою очередь, зависят от информационной картины, от создаваемых данными игроками образов, могут увеличивать силу одних и уменьшать силу других относительно той силы, которой эти игроки обладают на самом деле. Не случайно информационная война определяет на сегодняшний день исход того или иного конфликта или противоречия не в меньшей, а то и в большей степени, чем фактическое применение военных и военно-политических инструментов. Другими словами, мы говорим о важности контроля над правилами создания и распространения информации.

Принятие правил или создание своих правил

Мирсистему, как она сформировалась в начале 1990-х годов и просуществовала до начала-середины 2000-х годов, иногда

называют однополярной, подчеркивая неоспоримое американское превосходство почти во всех областях перед другими государствами. При этом особый акцент делается на американском военно-политическом могуществе.

Следует обратить внимание на то, что военно-политическая мощь Соединенных Штатов является важной, но не исчерпывающей характеристикой этой системы. Своей мощью США поддерживают определенную систему институтов и правил, которая обеспечивает Соединенным Штатам центральное место в мировой экономической системе. Эта система характеризуется центральной ролью американского доллара как глобальной резервной валюты и, следовательно, глобальной ролью ФРС; технологическим монополизмом развитых стран во главе с США, охраняемым правилами о защите интеллектуальной собственности; центральной ролью западного капитала и западных финансовых институтов; специфической формой мирового разделения труда (дорогой на Западе и дешевый – вне Запада); управлением глобальными цепочками создания стоимости, при котором наиболее прибыльные их участки локализованы в развитых странах; контролем Запада над инфраструктурой мировой экономики (институты, правила, арбитраж, стандарты, сертификация, логистика, реклама, коммуникации, информация) [Невоенные рычаги.., 2013, с. 67–113]. В фундаменте этой системы лежит идея абсолютного выигрыша (неважно, как распределяются выгоды от взаимодействия США с другими странами, главное, что все что-то выигрывают, и непринципиально, что США выигрывают больше других) и управляемой стабильности – у системы должен быть лидер, который ее и поддерживает.

Интеграция в такую систему, которую также можно охарактеризовать как углубление «классической» глобализации, для третьих стран означает подчинение национальных интересов внешним правилам, гармонизацию своей политической системы, законодательства и институтов требованиям центра мирового управления и принятие в мировой экономике того места, которое существующее разделение труда и капитала готово стране предложить (идея относительных и абсолютных преимуществ). Взамен страна получает гарантии безопасности, допуск к системе мировой торговли и обмена валют, доступ к международному

(западному) кредиту, наполнение внутреннего рынка дешевыми и качественными товарами. Сделка взаимовыгодная, хотя и асимметричная. Заключая ее, уже имеющие преимущества (капитал, технологии) страны получают безопасность и рынки для своего капитала и технологий, а страны, не имеющие этих преимуществ, получают безопасность, наполнение своего рынка иностранным капиталом и технологиями и отдельные, в основном низкотехнологичные и низкодоходные, ниши на рынках стран-лидеров.

Описанную модель устройства мировой экономико-политической системы можно назвать моделью глобализации по-американски, так как именно она и реализовывалась в мире в 1990-х – начале 2000-х годов. Со временем модель начала давать сбои, что и стало проявляться в ослаблении мировой стабильности в 2010-х годах. Среди многих причин, приведших к остановке глобализации по-американски (нехватка ресурсов на поддержание миропорядка, плохое качество глобального управления и проч.) [The United States.., 2011], следует особо выделить два фактора. Во-первых, Соединенные Штаты осознали, что, пользуясь формальным демократизмом модели, основные выгоды от глобализации в 2000-х годах стали получать уже не столько ее инициаторы, сколько страны, «проехавшиеся зайцем», – Китай, Индия, Россия. Издержки на поддержание модели они нести не соглашались, а ее преимуществами пользовались. Во-вторых, все более явственно проявлялась институциональная проблема стран (в основном тех же самых), которые могут обеспечить свою безопасность сами и, следовательно, не имеют сильных стимулов подчинения национальных интересов внешним правилам. Для них на первое место выходит вопрос о своей экономической конкурентоспособности, эндогенном экономическом росте, т.е. способности привлекать капитал, а также привлекать/создавать технологии. И первая, и вторая задачи решаются только при условии получения контроля над достаточно большими рынками, и в этом вопросе амбициозные экономики как раз и сталкиваются с интересами инициаторов глобализации, которые планировали превратить всю планету в свой рынок.

В результате в политическом плане усиливаются тенденции к многополярности, в экономическом – тенденции к формированию

крупных региональных экономических блоков, конкурирующих между собой. Очень отдаленно ситуация начинает напоминать раздел мира между колониальными империалистическими державами конца XIX – начала XX в. с той лишь разницей, что формирующиеся транснациональные экономики создаются не на основе силового захвата колоний, а по взаимному согласию, и их экономические границы охраняются не военной силой, а тарифными и нетарифными ограничениями.

Политическая рациональность формирования транснациональных экономических блоков выражается в выведении политических конкурентов за рамки структуры и консолидации политических позиций страны-гегемона (организатора блока). Заметным становится и идеологический компонент формирования таких зон, определяемый, как правило, в форме общих ценностей. В некоторых случаях в качестве идеологической ценностной основы мы видим либеральную демократию (атлантический проект), в других – другие формы политической организации, например «лидерскую демократию» [Караганов, 2015 б], принципы суверенитета и проч.

Экономическая рациональность формирования гигантских экономических блоков требует более подробной аргументации.

Традиционно при обсуждении экономических преимуществ интеграции авторы рассматривают интеграцию изнутри формирующегося экономического блока, представляя его как изолированную экономическую территорию. Изоляционистские исследования экономической эффективности интеграции начали появляться достаточно давно, в 1950-е годы. Среди наиболее влиятельных исследований того периода следует выделить работы Винера [Viner, 1950], Мида [Meade, 1955] и Липси [Lipsey, 1960], в которых показывается, что формирование региональных интеграционных схем приводит к интенсификации торговли между странами-участницами и, следовательно, создает дополнительную стоимость. Данный вывод основан на классических теоремах политэкономии о выгоде торговли. Красной нитью в подобных экономических исследованиях проходит мысль о том, что региональные торговые соглашения уменьшают «фактор трения» в межстрановых экономических связях и тем самым увеличивают генерацию богатства. К такого же

рода изоляционистским объяснениям относится идея оптимальных валютных зон (элиминирование валютных рисков и затрат на обмен валют), а также идея об использовании преимуществ экономики масштаба: производители из стран-участниц получают доступ к более широкому рынку и могут производить продукцию большими сериями, снижая себестоимость каждой единицы продукции. Стоит вспомнить об аргументах функционалистов, полагающих, что экономическая интеграция стимулирует создание совместных экономических институтов, которые поднимают экономическое сотрудничество на новый уровень и тем самым повышают благосостояние участников [Deutch, Burrell, Kann, 1957]. Имеются также и свидетельства того, что региональные интеграционные институты в какой-то степени могут компенсировать неизбежные «провалы рынка» [Axelrod, Keohane, 1986].

Современная наука и практика ни в коей мере не отменяют приведенных аргументов изоляционистского характера. Вместе с тем такого рода объяснения основываются прежде всего на признании выгод свободной торговли и, соответственно, вреда тарифов. При этом полезно будет напомнить, что в последние десятилетия мир далеко продвинулся по пути либерализации торговли, и тарифы в большинстве случаев находятся на очень низком уровне, а порой и вовсе отсутствуют. В нынешней ситуации низких тарифов экономические выгоды от увеличения торговли в рамках создаваемых региональных объединений невелики. Так, по некоторым прогнозам, экономические выгоды США и ЕС от увеличения торговли в результате подписания соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) в части снижения тарифов весьма скромны – 0,27% для ЕС и 0,21% для США (прогноз британского Центра исследования экономической политики CERP) [Reducing trans-atlantic.., 2013, p. 46] или даже 0% (прогноз французского Центра исследований мировой экономики CEPII) [Fontagné, Jean, 2014].

Заметим, что и прогнозы экономических выгод от увеличения торговли для стран – участниц другого экономического объединения – Таможенного союза (Евразийского экономического союза) – также не обещали невероятных результатов: прогноз Центра развития НИУ ВШЭ обещал нулевой рост ВВП для России

и 1–1,5% роста для других стран-участниц в долгой перспективе [Разработка модели.., 2012], а прогноз Института экономического прогнозирования РАН – дополнительные 6,5% для России, 8 – для Беларуси и 5% – для Казахстана в периоде десяти лет и только при выполнении множества условий [Клоцвог, Сухотин, Чернова, 2015].

Вместе с тем мы видим, что подобные проекты пользуются устойчивой политической поддержкой. Представляется, что выгоды от этих проектов следует искать не столько в традиционных изоляционистских объяснениях, сколько в идеях, связанных с экономической конкуренцией крупных интеграционных блоков в глобальной экономике, т.е. геоэкономических концепциях. Среди таких объяснений прежде всего следует привести следующие.

1. Идея «рыночной силы» экономического блока в отношении конкурентов. Эта теория утверждает, что создание регионального интеграционного объединения создает более объемный внутренний рынок, что усиливает его конкурентную мощь и позволяет странам-участницам совместно установить оптимальные тарифы в торговле с внешним миром [Krugman, 1993].

2. Идея конкуренции за международный капитал и инвестиции. Крупный капитал (многонациональные компании) не может себе позволить игнорировать крупные потребительские рынки, создаваемые при интеграционных объединениях, в результате чего они вынуждены туда приходить и инвестировать, причем инвестировать на условиях принимающей стороны. Данное объяснение отталкивается от теории конкуренции государств, сформулированной Р. Паланом [Palan, 2007].

3. Идея формирования крупных рынков, необходимых для разработки, создания и поддержания конкурентоспособности дорогой высокотехнологичной продукции [Ионин, 2015].

4. Идея формирования таких международных цепочек создания стоимости, при которых наиболее выгодные их компоненты (в основном услуги: исследования и разработки, финансирование, маркетинг, центры прибыли) находились бы внутри объединения, а менее выгодные (производство и сборка) – вне его [Low, 2013].

Регионализация как выход

Как представляется, на фоне торможения «глобализации по-американски» не только страны-конкуренты (КНР, Россия, ЮАР, ЕС), но и сами Соединенные Штаты все более склоняются к политике регионализации. Это не означает охотного отступления Соединенных Штатов с позиций, завоеванных в глобальной экономической системе, но в фокусе внимания США сегодня оказываются не глобальные форматы экономического взаимодействия вроде Дохийского раунда переговоров ВТО, а проекты формирования двух гигантских экономических блоков – Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) и Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Это гигантские, развитые и платежеспособные рынки, которые способны полностью обеспечить экономические потребности США, а оставшиеся вне их рынки можно при необходимости игнорировать, особенно ввиду укрепления энергетической независимости США.

Политический кризис, разразившийся в отношениях России и Запада, и сам стал результатом нормативной агрессии одного из блоков на пространство, которое воспринималось Россией как нейтральное, так как в корне проблемы лежало предложение ЕС Украине перейти на европейские стандарты в своей экономической жизни (и, следовательно, уйти от общих с Россией стандартов). Также текущий политический кризис самым непосредственным образом проявляется в экономической сфере в отношениях России и ЕС как в виде взаимных экономических санкций, так и в процессе схлопывания старых рынков и формирования новых.

В этих процессах проявляются две известные политэкономические закономерности: 1) сопряжение внешнеторговой политики страны с интересами национальной безопасности государства и 2) более интенсивное развитие торговых отношений по линиям политических и военных союзов.

В политике России мы видим присутствие как первого, так и второго факторов. Более того, впервые в современной истории влияние этих факторов демонстрируется столь масштабно, схожие моменты регистрировались, например, в ситуации западных

санкций против Ирана, но эффект носил гораздо более скромный характер.

Соображения национальной безопасности сегодня часто выходят на первый план в сравнении с логикой экономической эффективности, что верно и для России, и для Запада, а идеи экономического национализма явно возобладали над либеральными соображениями о всеобщей выгодности торговли.

В настоящее время мы наблюдаем глубокую трансформацию ряда рынков.

1. Закрытие / уход с западного рынка капитала (прежде всего из Лондона, Нью-Йорка и Франкфурта) российских госкомпаний и госбанков. Их примеру следуют и многие частные компании. В качестве замещения исчезающим рынкам формируются три альтернативных варианта: а) выход на азиатские рынки капитала, прежде всего на рынок Гонконга; б) кредитование энергетических проектов на востоке РФ за счет китайских партнеров; в) предложение внутренних кредитных ресурсов для замещения зарубежных (распечатывание ФНБ, программа ЦБ по кредитованию крупных проектов, нереализованные инициативы).

2. Диверсификация экспортного рынка нефти и газа за счет переориентации части экспорта на Восток, прежде всего в Китай. Следующими новыми партнерами в регионе станут Южная Корея и Индия. Эта стратегия должна компенсировать снижение доходности европейского рынка в результате политических усилий Евросоюза и США по выдавливанию оттуда России и перевести энергодиалог Россия – ЕС в формат диалога равноправных, а не асимметричных партнеров.

3. Смена рынка импорта. Импортозамещение для ключевых технологий в энергетической области, прежде всего в нефтедобыче. Вместо американских компаний технологии будут закупаться в Китае и Южной Корее с локализацией производства к 2018–2020 гг.

4. Смена западных поставщиков продовольствия на незападных. Предполагается, что и российские производители нарастят производство сельхозпродукции, но видно, что импорт продовольствия рассматривается Россией сегодня как некий шаг навстречу, свидетельство симпатии. Он выглядит полностью политически обусловленным, так как легкозамещаем.

5. Рынок ВПК пошел по пути импортозамещения, международное сотрудничество в целом (за исключением Китая и Индии) больше не рассматривается как долговременное и надежное.

Географическая конфигурация новых рынков демонстрирует тот факт, что в современном мире доминирует тенденция к формированию гигантских региональных или квазиглобальных рынков, построенных по геополитическому принципу. Проявляются первые признаки новой биполярности, в этот раз ее видимыми чертами становятся торговля и финансы.

В основе новых гигантских рынков лежит не военная сила или колониальная экспансия, как раньше, а сила норм, инструкций и регулирования. На передний план выходят нетарифные ограничения в качестве не только инструментов защиты таких рынков, но и как инструменты их формирования. Стандарты, нормы, лицензии – вот основа создания новых торгово-экономических объединений.

Вместе с тем неверно было бы концентрироваться исключительно на торгово-экономическом противостоянии двух частей Евразии в форме Европейского союза и Евразийского экономического союза. Схожие процессы, пусть менее явно, идут и в других частях света. Без сомнения, существенная часть экономической активности в Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии будет в итоге притянута китайским проектом «Экономический пояс Шелкового пути». Можно назвать и другие регионы мира, где региональные экономические и политические лидеры предпринимают шаги для организации локальных экономических систем по собственным образцам и правилам.

Список литературы

Безруков А.О., Сушенцов А.А. Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. – М.: Эксмо, 2015. – 384 с.

Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / Пер. с англ. М.Н. Десятовой. – М.: АСТ, 2015. – 288 с.

Ионин А. Технологический альянс вместо Североатлантического // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – № 3. – Режим доступа:

http://www.globalaffairs.ru/number/Tekhnologicheskii-alyans-vmesto-Severo atlanticheskogo-17502 (Дата обращения – 29.09.2015).

Караганов С.А. Венский концерт XXI века // Российская газета. – М., 2015 а. – 02.06. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2015/06/03/karaganov.html (Дата обращения – 29.09.2015).

Караганов С.А. Евроазиатский выход из европейского кризиса // Национальный интерес: Специальный проект журнала «Россия в глобальной политике». – М., 2015 б. – 24.05. – Режим доступа: http://ni.global affairs.ru/evroaziatskij-vyhod-iz-evropejskogo-krizisa/ (Дата обращения – 29.09.2015).

Клоцвог Ф.Н., Сухотин А.Б., Чернова Л.С. Прогнозирование экономического развития России, Беларуси, Казахстана и Украины в рамках единого экономического пространства // Экономический портал. – М., 2015. – Режим доступа: http://institutiones.com/general/1425-prognoziro vanie-ekonomicheskogo-razvitiya.html (Дата обращения – 29.09.2015).

Невоенные рычаги внешней политики России: Региональные и глобальные механизмы / Под общ. ред. М.В. Братерского. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – 282 с.

Путин В.В. Мировой порядок: Новые правила или игра без правил? // REGNUM. – М., 2014. – 24.10. – Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/polit/1860184.html (Дата обращения – 29.09.2015).

Разработка модели долгосрочного прогнозирования основных макроэкономических показателей стран – участниц ЕЭП (Беларуси, Казахстана) и Украины / Авдеева Д.А., Акиндинова Н.В., Волков М.В., Кондрашов Н.В., Миронов В.В., Осипова О.А., Петроневич М.В., Пухов С.Г., Суменков В.В., Сафарова Г.З. – М.: Центр развития НИУ ВШЭ, 2012. – 29 с. – Режим доступа: http://www.dcenter.ru.postman.ru/science/DC_CIS_NIR_2012.pdf (Дата обращения – 29.09.2015).

Axelrod R., Keohane R. Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions // Cooperation under Anarchy / K.F. Oye (Ed.). – Princeton: Princeton univ. press, 1986. – P. 226–254.

Deutch K.W., Burrell S.A., Kann R.A. Political community and the North Atlantic area: International organization in the light of historical experience. – Princeton: Princeton univ. press, 1957. – 228 p.

Fontagné L., Jean S. TTIP is about regulatory coherence // CEPII. – P., 2014. – 8 décembre. – Mode of access: http://www.cepii.fr/BLOG/bi/post.asp?IDcommunique=348 (Дата обращения – 29.09.2015).

Kissinger H. World order. – N.Y.: Penguin Press, 2014. – 432 p.

Krugman P. Regionalism versus multilateralism: Analytical notes // New dimensions in regional integration / De Melo J., Panagariya A. (Eds.). – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1993. – P. 58–89.

Lipsey R. The theory of customs unions: A general survey // Economic j. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 1960. – Vol. 70. – P. 496–513.

Low P. The role of services in global value chains // Global value chains in a changing world / D.K. Elms, P. Low (Eds.). – Geneva: WTO Publications, 2013. – P. 61–81. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/aid4tradeglobalvalue13_part1_e.pdf (Дата обращения – 29.09.2015).

Meade J.E. The theory of customs unions. – Amsterdam: North-Holland, 1955. – 122 p.

Palan R. Transnational theories of order and change: Heterodoxy in international relation scholarship // Review of international studies. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – Vol. 33, Special issue S1 (Critical international relations theory after 25 years). – P. 47–69.

Reducing trans-atlantic barriers to trade and investment: An economic assessment / Francois J., Manchin M., Norberg H., Pindyuk O., Tomberger P.; CEPR. – L., 2013. – 116 p. – Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/march/tradoc_150737.pdf (Дата обращения – 29.09.2015).

The United States after unipolarity / N. Kitchen (Ed.). – L.: LSE Ideas, 2011. – 65 p. – Mode of access: http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/SR009.aspx (Дата обращения – 29.09.2015).

Viner J. The customs union issue. – N.Y.: Carnegie endowment for international peace, 1950. – 222 p.

Е.А. Канаев, Р.И. Файншмидт

Многостороннее сотрудничество в АТР на фоне глобальных тенденций

Аннотация. *Анализ эволюции форматов и инициатив многостороннего сотрудничества Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) сквозь призму глобальных тенденций 2014–2015 гг. свидетельствует о снижении значимости повестки ускоренной торгово-инвестиционной либерализации по азиатско-тихоокеанскому треку и росте интереса к мероприятиям в русле наращивания региональной взаимосвязанности (connectivity). Поиск новых возможностей поддержания высоких темпов экономического роста и сохранения политической стабильности ставит перед азиатско-тихоокеанскими игроками задачу расширить сотрудничество по наращиванию взаимосвязей в формирующемся евразийском мегарегионе. Это отвечает интересам России, увеличивая арсенал ее внешнеполитических возможностей в АТР и позволяя интегрировать азиатско-тихоокеанское и евразийское направления своей внешней политики.*

Abstact. *An analysis of Asia-Pacific formats and initiatives of multilateral cooperation through the prism of global trends in 2014–2015 demonstrates decreasing significance of accelerated trade and investment liberalization along the Asia-Pacific track and rising interest to strengthening regional connectivity. A search for new opportunities to maintain high rates of economic growth and political stability make Asia-Pacific actors expand the connectivity framework upon the nascent Eurasian mega-region. This meets Russia's interests in terms of expanding the spectrum of its foreign policy instruments in Asia-Pacific and integrating the Asia-Pacific and the Eurasian vectors of its foreign policy.*

***Ключевые слова**: глобальные тенденции, АТР, многостороннее сотрудничество, консолидированная Евразия, интересы России.*

***Keywords:** global trends, Asia-Pacific, multilateral cooperation, consolidated Eurasia, Russia's interests.*

На фоне усиливающейся глобальной конфронтации Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в целом сохраняет высокие темпы экономического роста, политическую стабильность и управляемость. Вместе с тем в регионе все чаще проявляются противоречия между влиятельными глобальными игроками, прежде всего США и КНР. Подтверждением этому служит регулярная эскалация проблемы Южно-Китайского моря в 2014–2015 гг.

Основными амортизационными механизмами, способными купировать нарастание противоречий между азиатско-тихоокеанскими игроками и придать импульс их экономическому росту, остаются форматы и инициативы многостороннего диалога. Их эволюция в 2014–2015 гг. позволяет определить, не только какие направления сотрудничества обладают наибольшим стабилизирующим и консолидирующим потенциалом, но и какое место регион будет занимать в формирующемся мироустройстве.

Данный анализ тем более своевременен, что активизация участия в многостороннем сотрудничестве является одним из основных императивов российской внешней политики на азиатско-тихоокеанском направлении и ключевым фактором ее успешности. В условиях продолжающейся конфронтации на атлантическом треке это имеет большое значение для расширения глобальных возможностей России и сохранения ею статуса состоявшейся мировой державы.

Глобальные тенденции и ответ АТР

На современном этапе ситуация в сфере многостороннего сотрудничества по вопросам экономики и безопасности в АТР формируется под влиянием ряда взаимосвязанных глобальных тенденций.

Первой тенденцией стало углубление так называемого «глобального парадокса». Суть его в том, что многообещающее

экономическое сотрудничество приносится в жертву политическим интересам, в том числе – сиюминутным и конъюнктурным. Примером служат прежде всего антироссийские санкции, введенные США и рядом европейских стран, притом что экономические убытки для последних очевидны, а выгоды крайне сомнительны. Дополнительную пищу для размышлений странам АТР дало закрытие проекта «Южный поток». В условиях нарастания глобальной конфронтации, проведения политики «двойных стандартов» и антироссийской кампании, поддержанной многими мировыми СМИ, высока вероятность появления новых примеров того, как «политика управляет экономикой».

Для стран АТР такая ситуация имеет особое значение. Формируя площадки многосторонних обсуждений по вопросам политики и безопасности, эти страны рассчитывали на обратное, а именно – что наращивание собственно экономических связей будет служить надежным компенсаторным механизмом для недопущения эскалации политических проблем до состояния крупных кризисов. В настоящее время многие азиатско-тихоокеанские игроки – прежде всего Китай, Республика Корея и страны АСЕАН – стремятся упрочить свои позиции на глобальном уровне, повысив свое влияние на мировые экономические процессы, а посредством этого – свой политический статус. Практика показывает, что в нынешних условиях решить подобную задачу крайне проблематично.

Второй тенденцией стало укрепление «коллективного не-Запада» с точки зрения возрастания его глобальных возможностей и потенциала развития. Появляются новые глобальные форматы экономического сотрудничества без участия США. В этой связи для восточноазиатских игроков особую значимость приобретает решение стран БРИКС развивать параллельные стабилизационные механизмы, свободные от американского влияния. В странах АТР еще свежи воспоминания о том, какую политику проводили США и подконтрольные им глобальные финансовые институты во время азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг., равно как и о том, по чьей вине произошел глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг. В настоящее время это понимание, как и стремление обеспечить себе надежную страховку в случае повторения подобных событий, подкрепляется

возросшими финансовыми и технологическими возможностями незападных стран. Но главное – в этих странах растет осознание того, что их модель модернизации, основанная на азиатских ценностях в духе «конструктивного авторитаризма», более жизнеспособна, чем либерально-демократическая модель развития западных стран. Ментально нынешние азиатские игроки все менее готовы руководствоваться указаниями Запада касательно того, как надлежит осуществлять государственное строительство и каким общественным ценностям при этом следовать, тем более что украинский кризис наглядно продемонстрировал, чем может обернуться либерально-демократическая модель модернизации в ее «проатлантическом» варианте.

Третьей тенденцией стало снижение значимости повестки торгово-инвестиционной либерализации. Примерами могут служить пробуксовки переговоров как в рамках ВТО, так и в формате прочих экономических мегаблоков в других регионах. Это логично подтолкнуло азиатско-тихоокеанских игроков к тому, чтобы активизировать действия, нацеленные не столько на либерализацию торговых обменов, сколько на укрепление основы для производственных, технологических, профессиональных и иных обменов с расчетом на мультиплицирующий эффект для экономического сотрудничества в целом.

Четвертой и главной тенденцией стало осознание последствий украинского кризиса для АТР. Если бы попытки Запада добиться смены режима в России увенчались успехом, АТР мог бы столкнуться с экспортом нестабильности не только на северо-восточную, но и – через Центральную Азию – на северо-западную границу Китая. Если добавить к этому активизацию политики США в Юго-Восточной Азии, прежде всего в отношении проблемы Южно-Китайского моря, то делается очевидным: о мирном внешнем окружении как об одном из ключевых факторов осуществления внутренних социально-экономических преобразований Пекину придется надолго забыть. Осознание этого стало одной из основных причин нынешнего нарастания центростремительных тенденций в отношениях между КНР и РФ и заинтересованности Китая в их дальнейшем развитии. Москва, имеющая собственные веские причины наращивать

сотрудничество с Китаем и АТР в целом, такую позицию Пекина лишь приветствовала.

В свете подобных тенденций азиатско-тихоокеанские игроки отчетливо понимают: необходимо, насколько это возможно, сохранить предпосылки для продолжения устойчивого развития вне зависимости от глобальной политической конъюнктуры, тем более что наработанный ими потенциал таков, что растерять его было бы куда как неразумно. В совокупности участники форума АТЭС, состоявшегося в мае 2015 г., заключили 144 соглашения о свободной торговле, что составляет 53% от общемировых показателей. Более 40% из этих соглашений были заключены между двумя и более экономиками АТЭС [Key trends.., 2015, p. 1]. Согласно рейтингу аналитического агентства Thomson Reuters «Top 100 global innovators», в АТР находятся 46 из 100 компаний с наибольшим инновационным потенциалом [2014: Top 100.., 2014, p. 11]. В 2012 г. члены Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) аккумулировали 27% мировой торговли, а совокупный ВВП экономик АТЭС был равен 30 трлн долл. США [25 years.., 2014]. Отсюда – стремление основных региональных игроков проводить более сбалансированную политику, нацеленную на диверсификацию источников экономического роста, в том числе – за пределами АТР. Это проявилось прежде всего на примере Китая, Республики Корея и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Китай, развивая проект «Экономический пояс Шелкового пути», руководствуется рядом соображений. Одним из них является желание стимулировать внутренний спрос в центральных и западных частях страны, главным образом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Одновременно Китай стремится получить больший доступ к энергетическим ресурсам стран Центральной Азии, значимость которых в приоритетах КНР возрастает. Второй, не менее важный мотив заключается в нацеленности Китая на то, чтобы защитить свои интересы от возможной эскалации нестабильности в Южно-Китайском море, инициированной, по мнению Пекина, с подачи Вашингтона. Открытие торгового маршрута через Евразию могло бы значительно снизить зависимость Китая от поставок через Южно-Китайское море и Малаккский пролив. Наконец, посредством

проекта «Экономический пояс Шелкового пути» Китай сможет активизировать сотрудничество с европейскими странами и одновременно – с государствами Центральной Азии и Россией [Wang Shuchun, Wan Qingsong, 2014].

Южная Корея при администрации Пак Кын Хе в качестве основного стратегического ориентира рассматривает реализацию Евразийской инициативы. Ее основным компонентом является наращивание взаимосвязанности (connectivity) на евразийском пространстве посредством создания единой транспортной, энергетической, технологической и межчеловеческой взаимосвязи. Подобный подход отражает попытки Сеула интернационализировать межкорейские отношения, закрепив предпосылки для объединения страны на выгодных для себя условиях, а также расширить источники для экономического роста за счет укрепления сотрудничества на евразийском треке.

АСЕАН, развивая амбициозные планы повышения своего статуса на глобальном уровне, стремится повысить степень своей интегрированности в мировые экономические процессы. Отсюда – стремление ассоциации оптимизировать существующие диалоговые партнерства и создать новые. В приоритетах ассоциации – углубить предпосылки для успешной реализации задуманного, предложив партнерам консолидирующую повестку сотрудничества. На данный момент подобной повесткой является укрепление региональной взаимосвязанности. Выход идеи взаимосвязанности за рамки АТР – при условии, что в наращивании взаимосвязей АСЕАН будет принимать деятельное участие, – означает для ассоциации многократное расширение инструментария для осуществления задуманного.

Наряду с этим азиатско-тихоокеанские игроки отчетливо осознают два момента. Первый – для успешной реализации таких планов необходимо создать надлежащую основу в *рамках самого АТР*, выходя в более широкое географическое пространство с уже наработанным заделом. Второй – экономические успехи АТР в значительной степени будут определяться возможностью создать стабильную и предсказуемую международную среду в рамках более широкого географического пространства. Таковым видится консолидированная Евразия.

Азиатско-тихоокеанское многостороннее сотрудничество

На фоне рассмотренных выше тенденций эволюция азиатско-тихоокеанских форматов многостороннего сотрудничества определялась тремя факторами.

Первым фактором стала перспектива поляризации АТР по геоэкономическому признаку после подписания соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП).

Движение к соглашению о ТТП не было гладким. На переговорах, прошедших в 2014 и первой половине 2015 г.[1], прогресса достигнуто не было, даже несмотря на попытки администрации Б. Обамы использовать для этого политический ресурс. Весной 2014 г. Вашингтон заявил о необходимости завершить переговоры ко времени следующего азиатско-тихоокеанского турне американского президента, намеченного на осень. Тем не менее во время последующих встреч между 12 экономиками региона проявились серьезные расхождения. Япония выступала против снижения тарифов на сельскохозяйственные товары и продукцию автомобилестроения. Австралия и Новая Зеландия, напротив, выступали за расширение доступа продукции своего сельскохозяйственного сектора на рынки партнеров. Большой комплекс спорных вопросов выявился по линиям определения стандартов качества товаров и услуг в санитарной, фармацевтической и трудовой сферах, по защите прав интеллектуальной собственности, экологическим стандартам, уменьшению поддержки государственных компаний. Проблемы усугубились снижением поддержки ТТП со стороны американского бизнеса. В частности, компании, входящие в состав Национальной федерации производителей молочной продукции (National Milk Producers Federation) и Совета США по экспорту молочной продукции (US Dairy Export Council), выступили с заявлением, что ТТП не будет отвечать их интересам, если Канада и Япония откажутся открыть свои рынки для американских товаров. Критике со стороны американских производителей

[1] *Последним примером перед заключением соглашения о ТТП служат результаты сессии министерского совещания участников ТТП на Гавайях в июле 2015 г. См.: [Joint statement.., 2015].*

молочной продукции подверглась и протекционистская политика Новой Зеландии. Во многом по этой причине США сочли целесообразным прозондировать возможность перенести срок реализации ТТП на январь 2017 г. Эта дата прозвучала в заявлении посла США в Малайзии Дж. Юна по итогам визита в эту страну Б. Обамы в апреле 2014 г. [TPPA to be concluded.., 2014].

Результаты пекинского саммита АТЭС, состоявшегося в ноябре 2014 г., тоже не давали оснований ожидать существенных прорывов в переговорах о ТТП. На сессии глав экономик АТЭС была принята Дорожная карта содействия продвижению в АТЭС Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) [2014 APEC.., 2014 a], содержавшая положение о том, что АТЗСТ будет сформирована в том числе на основе ТТП, что свидетельствовало о нацеленности Китая на «размывание» ТТП в рамках более обширной схемы сотрудничества.

В целом завершение переговоров о ТТП выглядело малореальным. Тем не менее 5 октября 2015 г. страны, участвовавшие в переговорах о формировании ТТП, заявили о подписании соглашения [Summary.., 2015]. Проецируя его результаты на Азиатско-Тихоокеанский регион, можно выделить национальное, региональное и глобальное измерения.

На *национальном* уровне государствам – участникам ТТП предстоят масштабные экономические преобразованя прежде всего по линии реформирования госпредприятий, повышения прозрачности их деятельности, оптимизации управления активами и пр. с целью максимального повышения конкурентоспособности этих предприятий в условиях конкуренции с американским крупным бизнесом при снижении государственной поддержки.

На *региональном* уровне подписание соглашения о ТТП ведет к усилению конкуренции в АТР двух «всеобъемлющих и высококачественных» (comprehensive and high-quality) инициатив экономического регионализма – ТТП и Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП). Если ТТП, где отсутствуют такие крупные азиатские экономики, как Китай, Индия и Индонезия, нацелено на закрепление американских «правил игры», определяющих условия экономического сотрудничества в этом приоритетном для американских интересов регионе, то РВЭП является шагом к формированию

геоэкономической парадигмы «Азия для Евразии», центральную роль в которой играет Китай. Сопряжение ТТП и РВЭП маловероятно в силу того, что они являются не комплиментарными геоэкономическими, а конкурирующими геостратегическими проектами. При этом можно ожидать снижения значимости такого проекта сотрудничества между экономиками АТЭС, как Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли, поскольку ТТП, особенно при дальнейшем расширении состава его участников, может стать заменой АТЗСТ.

Ожидать вступления Китая в ТТП объективно оснований немного. Пекин изначально считал ТТП элементом антикитайской стратегии Вашингтона, нацеленным на то, чтобы перенаправить на себя региональные интеграционные процессы, снизив влияние на них КНР. Многие участники ТТП – военно-политические союзники США, другие активно развивают с Вашингтоном военные связи. Особое раздражение Китая вызывает тот факт, что сигналы готовности присоединиться к переговорам о ТТП на правах отдельного участника периодически посылает Тайвань. Но главное – сотрудничество в рамках ТТП, предполагающее снижение уровня государственного регулирования экономики, в том числе ее высокотехнологичных секторов, на данном этапе невыгодно Китаю, осознающему свою ограниченную конкурентоспособность в диалоге с американским крупным бизнесом.

На *глобальном* уровне соглашение о ТТП – особенно при его сопряжении с проектом Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) – приведет к снижению влияния ВТО на мировую торговлю. Тем актуальнее для Китая станет развитие собственных проектов экономического регионализма как в АТР, так и на евразийском пространстве, прежде всего проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь».

Вторым фактором, определяющим эволюцию форматов многостороннего сотрудничества в АТР, стало дальнейшее возрастание интереса к такому направлению сотрудничества, как «наращивание взаимосвязанности» (connectivity). Примерами служат итоги китайского председательства в АТЭС, а также перспективы активной разработки тематики наращивания

взаимосвязей между участниками Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП).

Во время председательства Китая в АТЭС было проведено множество встреч, в ходе которых тема наращивания взаимосвязей получила комплексную проработку. В числе таких мероприятий – Рабочая встреча по интеграции малых и средних предприятий в глобальные цепочки добавленной стоимости (24 марта 2014 г.), Рабочая встреча по повышению эффективности глобальных цепочек поставок (26–28 марта 2014 г.), Семинар по развитию трансграничной электронной коммерции (27–29 мая 2014 г.), Конференция по укреплению продовольственной безопасности и повышению эффективности продовольственных глобальных цепочек добавленной стоимости в АТР (19–20 июня 2014 г.) и ряд других. В ходе этих мероприятий затрагивались вопросы строительства объектов инфраструктуры, способных оптимизировать экономические обмены, укрепления их институциональной основы, в частности, путем создания и оптимизации «службы одного окна», активизации торговли услугами. Применительно к последнему речь шла об услугах в сфере транспорта, телекоммуникаций, банковском сопровождении торговых сделок. Были выдвинуты предложения об оптимизации Базы данных требований в сфере торговли услугами в АТЭС (APEC Services Trade Access Requirements Database), об использовании Карты деловых передвижений в АТЭС (APEC Business Travel Card) и внесении новых компонентов в План действий по облегчению инвестирования в рамках АТЭС (APEC Investment Facilitation Action Plan).

Помимо прочего в 2013 г. был принят Долгосрочный план АТЭС по развитию инфраструктуры и инвестиционной политике (APEC Multi-Year Plan on Infrastructure Development and Investment), нацеленный на облегчение условий передвижения лиц, товаров, капиталов и услуг между экономиками АТЭС.

Еще одним направлением наращивания взаимосвязанности стала продовольственная безопасность. Меры по укреплению продовольственной безопасности в АТР в рамках Дорожной карты АТЭС в сфере продовольственной безопасности до 2020 г. (APEC Food Security Roadmap Towards 2020) предполагают формирование надежных производственно-сбытовых цепочек между

производителями и потребителями сельскохозяйственной продукции.

Но главное – на пекинской сессии глав экономик АТЭС была принята Дорожная карта наращивания взаимосвязанности в АТЭС (Blueprint on APEC Connectivity) [2014 APEC.., 2014 b]. Лидеры АТЭС определили, что цели по достижению инфраструктурной, институциональной и межкультурной взаимосвязанности должны быть достигнуты к 2025 г., что дает даже наименее подготовленным экономикам форума достаточно времени для проведения необходимых мероприятий, координируя собственные перспективные планы с сотрудничеством наряду с АТЭС с другими многосторонними форматами и инициативами. Тогда же была подчеркнута необходимость развивать элементы государственно-частного партнерства (ГЧП), в том числе по линии мероприятий, прописанных в Дорожной карте по созданию эффективной модели ГЧП для реализации инфраструктурных проектов и в Повестке дня по поощрению инвестиций в инфраструктуру на основе ГЧП. Учитывая, что в сложившейся в АТР практике ГЧП является необходимым условием развития трансграничных инфраструктурных проектов, такой подход свидетельствует о серьезности намерений экономик АТЭС добиваться намеченных целей. Большое внимание было уделено укреплению человеческих контактов (people-to-people contacts), причем не только в сфере бизнеса, науки и подготовки высококвалифицированных специалистов, но и между простыми людьми. Все это дает основания для оптимистичных оценок перспектив наращивания взаимосвязанности как направления сотрудничества между экономиками АТЭС.

Тематика наращивания взаимосвязей просматривалась и на заседаниях Восточноазиатского саммита (ВАС). На мьянманской сессии глав МИД стран ВАС был принят План действий по внедрению в практику Пномпеньской декларации о развитии ВАС на 2014–2015 гг. (Plan of Action to Implement the Phnom Penh Declaration on EAS Development Initiative (2014–2015)). Направления сотрудничества включают энергетику, образование, финансы, вопросы охраны здоровья и борьбы с пандемиями, ликвидацию последствий стихийных бедствий, торгово-экономические обмены и обеспечение продовольственной безопасности. Все это

концентрируется вокруг идеи «наращивания взаимосвязанности», которая в обозримой перспективе будет иметь тенденцию к доминированию в отношениях между странами ВАС. В 2015 г. министры иностранных дел стран ВАС приняли решение продлить срок действия плана до 2017 г. [Chairman's statement of the 5 th.., 2015, p. 2].

На мьянманском заседании на уровне министров 18 государств – членов ВАС, прошедшем в августе 2014 г., также был поставлен вопрос об активизации усилий стран ВАС по наращиванию взаимосвязей и на этой основе – об оптимизации их участия в экономических обменах АТР. Та же тема была озвучена на заседании ВАС на уровне глав государств и правительств – в увязке этого направления сотрудничества с укреплением исследовательской сети ЭРИА[1] как «мозгового центра» экономического сотрудничества участников ВАС. С учетом того, что ЭРИА активно разрабатывает тему наращивания взаимосвязей, есть все основания ожидать усиления этого компонента в практическом взаимодействии 18 государств.

Говоря о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве (РВЭП), отметим, что в 2014–2015 гг. его повестка помимо собственно торгово-инвестиционной либерализации перекликалась с мероприятиями, прописанными в Генеральном плане АСЕАН по наращиванию взаимосвязанности. На заседаниях РВЭП, начиная со встречи в Куала-Лумпуре (январь 2014 г.) и заканчивая заседанием в Нейпьидо (август 2015 г.), обсуждались такие вопросы унификации сотрудничества между 16 странами – участницами РВЭП, как номенклатура товаров, на которые распространяется снижение тарифов, процедуры технического регулирования стандартов и критериев соответствия (Standards, Technical Regulations and Conformity Assessment Procedures), меры по облегчению торговли и определение правил страны происхождения товара. Есть все основания считать, что в

[1] *Транслитерация английской аббревиатуры ERIA (Economic Research Institute for ASEAN and East Asia). ЭРИА является исследовательской сетью, объединяющей институты экономического профиля 16 государств (10 стран АСЕАН, Китая, Японии, Южной Кореи, Индии, Австралии и Новой Зеландии).*

обозримом будущем тема наращивания взаимосвязей в странах РВЭП получит дальнейшее развитие в силу следующих причин.

Во-первых, на примере АТЭС участники РВЭП отчетливо видят, что ускоренная торгово-инвестиционная либерализация в рамках многосторонней инициативы, куда входит большое количество стран, вряд ли осуществима без масштабных мероприятий по развитию трансграничной инфраструктуры, оптимизации институциональных условий функционирования трансграничного бизнеса и облегчения условий передвижения людей. Осознают они и то обстоятельство, что, в отличие от АТЭС, в рамках РВЭП провести необходимые мероприятия по наращиванию взаимосвязей будет проще прежде всего в силу географического фактора.

Во-вторых, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций нацелен на финансирование инфраструктурных проектов, в том числе в Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, что дает дополнительный импульс развитию этого направления сотрудничества между участниками РВЭП, объединяющего данные субрегионы. Свой вклад внесет и Фонд «Морского Шелкового пути». Китайские дипломаты, работающие в ЮВА, не скрывают, что реализация проекта «Морской Шелковый путь» с акцентом на наращивание взаимосвязанности, станет основным фактором активизации центростремительных тенденций в отношениях между Китаем и АСЕАН [Xu Bu, 2015]. А, как известно, «движущей силой» РВЭП является и будет оставаться именно ассоциация.

Наконец, в-третьих, потребность АСЕАН в закреплении своего статуса движущей силы многосторонних переговоров объективно подталкивает ее к тому, чтобы предложить своим партнерам консолидирующую повестку сотрудничества. Предыдущая повестка, ставящая акцент на противодействии нетрадиционным угрозам безопасности, уже не отвечает приоритетам крупных региональных игроков так, как раньше. Веление времени – провести «перезагрузку» прежней повестки с акцентом именно на экономическую составляющую. Наращивание взаимосвязей на уровне Восточной и Южной Азии видится логичным, если не единственно возможным, шагом.

Третьим фактором, тесно связанным с двумя предыдущими в процессе эволюции форматов многостороннего сотрудничества в АТР, стало нарастание маргинализации асеаноцентричных диалоговых структур в этом сотрудничестве. Не подвергая подробному рассмотрению итоги заседаний всех асеаноцентричных структур по вопросам безопасности, обратимся к результатам Регионального форума АСЕАН (АРФ) и совещания глав МИД стран Восточноазиатского саммита, сессии которых прошли в Мьянме и Куала-Лумпуре в 2014 и 2015 гг. соответственно (подробнее см.: [Chairman's statement of the 21 st.., 2014; Chairman's statement of the 22 nd.., 2015]).

На обеих сессиях теоретическая основа деятельности АРФ не получила надлежащей доработки. Согласно Концепции АРФ, его участники концентрируются на решении трех задач: укреплении доверия, проведении превентивной дипломатии и создании механизма урегулирования конфликтов. А поскольку, как указывали критики деятельности АРФ, оставалось неясным, чем укрепление доверия отличается от превентивной дипломатии, в 2001 и 2011 гг. АСЕАН как «движущая сила» АРФ опубликовала соответственно два документа – Концепцию и принципы превентивной дипломатии АРФ (ASEAN Regional Forum Concept and Principles of Preventive Diplomacy) и Рабочий план АРФ по осуществлению превентивной дипломатии (ASEAN Regional Forum Preventive Diplomacy Work Plan). Однако содержание обоих документов не дало убедительного ответа на этот вопрос. Тем не менее в ходе упомянутых заседаний АРФ в 2014 и 2015 гг. их участники призвали к ускорению перехода от стадии мер по укреплению доверия к проведению превентивной дипломатии на основе «практически ориентированных действий» (action-oriented activities) и ориентиров, заданных двумя вышеуказанными документами, а также признали необходимость синхронизации шагов по укреплению доверия и проведению превентивной дипломатии, не проясняя, чем первое отличается от второго.

Участники мьянманского и малайзийского заседаний АРФ не уделили должного внимания обсуждению вопросов безопасности в Северо-Восточной Азии. Не могут не удивлять их призывы сгладить остроту проблемы северокорейских ракетно-ядерных наработок путем следования положениям Совместного заявления по итогам

четвертого раунда шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова от 19 сентября 2005 г. Совершенно очевидно, что в нынешних условиях Северная Корея не откажется от своего ядерного оружия. КНДР официально закрепила свой ядерный статус, внеся соответствующие поправки в Конституцию страны, а также на официальном уровне провозгласила курс на параллельное развитие экономики и ядерных вооружений. Одновременно министры иностранных дел стран – участниц АРФ сверили свои позиции по вопросам, выходящим за рамки происходящего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, обсудив такие проблемы, как украинский кризис, ситуацию в Сирии, Ираке, Афганистане и Иране. Подобный подход ведет к распылению усилий участников обсуждений на направлениях, не имеющих непосредственного отношения к безопасности в АТР.

Схожим образом развивалась ситуация на совещаниях глав МИД стран ВАС, прежде всего на его малайзийской сессии. Выразив «серьезную озабоченность» обострением обстановки в Южно-Китайском море, руководители внешнеполитических ведомств 18 государств ВАС не предложили новых идей, способных купировать остроту назревших проблем. В очередной раз была подчеркнута лишь важность поддержания мира, стабильности, безопасности и свободы судоходства и воздушного сообщения через Южно-Китайское море. Министры призвали Китай и АСЕАН следовать положениям Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море от 2002 г. и активнее продвигаться к принятию Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, что помимо крайней осторожности свидетельствует о кризисе подходов к этой проблеме и сужении спектра возможностей ее урегулирования на фоне очевидного увеличения ее остроты в 2014–2015 гг.

По другим вопросам «кризис идей» не менее очевиден. Применительно к проблеме ракетно-ядерного оружия КНДР главы МИД стран ВАС в очередной раз заявили о необходимости следовать резолюциям Совета Безопасности ООН и положениям Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. Практика показала, что ни то ни другое не способно даже частично сгладить остроту этой проблемы. Был обойден стороной вопрос морских

территориальных споров в Северо-Восточной Азии, актуальность которого остается высокой. Зато были рассмотрены взаимоотношения между Палестиной и Израилем, что имеет лишь косвенное отношение к безопасности и сотрудничеству в Восточной и Южной Азии [Chairman's statement of the 5 th.., 2015].

Примечательно, что в Малайзии вопрос о расследовании катастрофы малайзийского воздушного судна МН-17 не получил освещения в итоговых коммюнике ни после сессии АРФ, ни после встречи глав МИД стран ВАС, хотя незадолго до проведения этих сессий российская позиция была разъяснена более чем подробно.

В таких условиях АСЕАН как движущая сила АРФ и ВАС не может не задумываться о том, чтобы получить дополнительную поддержку со стороны крупных региональных игроков. Основным из них видится уже не столько Китай или США, сколько ЕАЭС. В настоящее время рассматривается вопрос о том, чтобы соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом стало «мостом» для аналогичного соглашения между ЕАЭС и АСЕАН [Выступление.., 2015]. Это откроет возможности для получения ЕАЭС статуса полномасштабного диалогового партнера ассоциации, а подписание ЕАЭС и АСЕАН Договора о дружбе и сотрудничестве не является чем-то невыполнимым. Тем самым ЕАЭС сможет интегрироваться в асеаноцентричные структуры и инициативы многостороннего сотрудничества, прежде всего ВАС и РВЭП, что отвечает приоритетам ассоциации по расширению взаимосвязанности на евразийском пространстве и повышению своих глобальных возможностей.

Интересы России

Анализируя динамику региональных процессов азиатско-тихоокеанского многостороннего сотрудничества сквозь призму российских интересов, отметим их двойственный характер.

Поляризация региона по геоэкономическому признаку невыгодна России. Подписание соглашения о ТТП «подняло планку» региональной торгово-инвестиционной либерализации, объективно затрудняя продвижение России к заключению соглашений о ЗСТ с партнерами из АТР, а также к реализации уже подписанного соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и СРВ. Россия не

интегрирована в региональные цепочки производственной и технологической кооперации, у нее нет узнаваемых брендов своей продукции в странах АТР. Не последнюю роль играют антироссийские санкции, к которым присоединился ряд государств региона, а также нацеленность Москвы на активизацию мероприятий по импортозамещению.

В то же время нацеленность участников форума АТЭС, ВАС, а в перспективе РВЭП на дальнейшее наращивание региональной взаимосвязанности напрямую отвечает российским интересам. Эксперты Российского совета по международным делам и Международного дискуссионного клуба «Валдай» начали разрабатывать эту тему еще до проведения саммита во Владивостоке. Была предложена евразийско-транстихоокеанская инициатива по наращиванию взаимосвязей – как комплексный мегапроект, нацеленный на создание трансконтинентальной оболочки взаимосвязанности с сильным инфраструктурным и институциональным компонентом [Интересы России.., 2012; К Великому океану.., 2012]. Новые грани эта тематика приобрела в исследованиях РСМД и Валдайского клуба в 2013–2014 гг. [Азиатско-тихоокеанские ориентиры.., 2013; К Великому океану.., 2014]. В начале 2015 г. Валдайский клуб обосновал возможность и целесообразность интеграции проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийского экономического союза, основу которого составляет взаимовыгодное сотрудничество в ряде сфер, прежде всего в транспортной [К Великому океану.., 2015].

В год своего председательства в АТЭС Россия уделяла особое внимание многим компонентам укрепления региональной взаимосвязанности, примером чего, в частности, служит высокий приоритет формирования надежных транспортно-логистических цепочек. Развитие этого направления в год китайского председательства в АТЭС приведет к дальнейшей активизации сотрудничества между Россией и ее партнерами по форуму, особенно в области формирования производственно-сбытовых цепочек сельскохозяйственной продукции в контексте укрепления продовольственной безопасности, развития транспортных интермодальных перевозок, портовых хозяйств и т.д. Это, с одной стороны, будет способствовать активизации центростремительных тенденций в российско-китайских отношениях, а с другой –

поможет избежать излишнего перекоса в сторону Китая, наметившегося на фоне конфронтации по линии Россия – США и подключения ряда союзников Вашингтона, например Японии и Австралии, к антироссийским санкциям.

С определением последствий, которые может иметь для России перспектива маргинализации асеаноцентричных диалоговых форматов, дело обстоит сложнее. С одной стороны, Россия заинтересована в их укреплении. То обстоятельство, что глобальная нестабильность пока не распространилась на АТР в той степени, в какой это произошло в других регионах, в значительной мере обусловлено деятельностью асеановских площадок многосторонней дипломатии. Снижение их значимости может привести к тому, что единственным институциональным форматом в АТР, в рамках которого будет осуществляться многостороннее сотрудничество по вопросам безопасности, станут американские альянсы, что приведет к заведомо деструктивным, возможно, даже катастрофическим последствиям для региональной стабильности и самым негативным образом отразится на планах России расширить внешние возможности для проведения внутренней социально-экономической модернизации, прежде всего Сибири и Дальнего Востока.

С другой стороны, мощнейшим компенсаторным фактором для России может стать развитие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). На фоне расширения ШОС маргинализация треугольной структуры АРФ – СМО АСЕАН+8 – ВАС вполне логична с точки зрения естественных возможностей этих площадок. Вкупе с грядущей интеграцией проекта «Экономический пояс Шелкового пути» с ЕАЭС расширение возможностей ШОС ведет к формированию консолидированной Евразии как одного из геостратегических полюсов современного мира, что будет содействовать становлению более сбалансированного мирового порядка и, следовательно, укреплению тенденции к сотрудничеству между государствами АТР, одновременно снижая конфликтный потенциал в отношениях между ними.

В этой связи Россия будет лишь приветствовать вероятную активизацию политики АСЕАН на евразийском направлении, в том числе формирование полномасштабного диалогового

партнерства с ЕАЭС и ШОС, тем более что Вьетнам и ЕАЭС уже подписали соглашение о свободной торговле, а Камбоджа запросила статус диалогового партнера ШОС [Cambodia requests.., 2015].

В целом на фоне общей турбулентности мировой политики, текущая эволюция основных азиатско-тихоокеанских форматов и инициатив многостороннего сотрудничества затрудняет полноценную интеграцию России в процессы азиатско-тихоокеанского сотрудничества в сфере экономики, политики и безопасности. Тем актуальнее для России становится активизация практических действий в реализации стратегии «поворота на Восток» и ее интеграции с проектами ЕАЭС.

Выводы

Потребность в сохранении экономического динамизма и политической управляемости объективно подталкивает страны Азиатско-Тихоокеанского региона искать такой ответ на глобальные вызовы, который был бы адекватен нынешним реалиям. Та же потребность оказывает возрастающее влияние на эволюцию азиатско-тихоокеанских форматов и инициатив многосторонней дипломатии, определяя повестку сотрудничества между их участниками. При сохранении нынешних тенденций эта повестка с высокой долей вероятности будет определяться процессом формирования консолидированной Евразии как одного из центров полицентричного мира.

Многосторонние форматы и инициативы восточноазиатского и южноазиатского треков будут искать возможность интегрироваться в более широкую оболочку сотрудничества – в рамках консолидированной Евразии, чтобы занять одну из ключевых ниш. Основным направлением сотрудничества, способным консолидировать интересы азиатско-тихоокеанских и евразийских игроков, станет наращивание взаимосвязанности.

Такое развитие событий будет отвечать интересам России, поскольку позволит ей интегрировать азиатско-тихоокеанское и евразийское направления своей политики, тем самым расширив внешние возможности для проведения внутренних социально-

экономических модернизаций, прежде всего Сибири и Дальнего Востока, тем более что в становлении евразийского мегарегиона главную роль будут играть Китай и Россия, которые одновременно являются крупными азиатско-тихоокеанскими, евразийскими и глобальными игроками.

Список литературы

Азиатско-тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке: К итогам Второго азиатско-тихоокеанского форума / И.С. Иванов (гл. ред.); В.В. Сумский (рук.) и др.; РСМД. – М.: Спецкнига, 2013. – 32 с. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/asiapacific2.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с представителями деловых кругов, Куала-Лумпур, 5 августа 2015 года / МИД РФ. – 2015. – Режим доступа: http://www. mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/1639797 (Дата обращения – 10.09.2015).

Интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Безопасность и развитие: Итоги Первого азиатско-тихоокеанского форума / И.С. Иванов (гл. ред.); В.В. Сумский, Е.А. Канаев, Е.В. Колдунова (сост.); РСМД; РЦИ АТЭС. – М.: Проспект, 2012. – 33 с. – Режим доступа: http:// russianco uncil.ru/common/upload/RIAC_ATR.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

К Великому океану, или новая глобализация России: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Караганов С.А., Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Макаров И.А. – М., 2012. – Июль. – 80 с. – Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Toward_great_ocean_rus.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

К Великому океану–2, или российский рывок к Азии: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Караганов С.А. (рук. и отв. ред.); Макаров И.А., Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Канаев Е.А., Ларин В.Л., Рыжков В.А. – М., 2014. – Февраль. – 84 с. – Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Twd_Great_Ocean_2_Rus.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

К Великому океану–3: Создание Центральной Евразии: Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Караганов С.А. (рук. и отв. ред.); Барабанов О.Н., Безбородов А.А., Бордачев Т.В., Габуев А.Т., Кузовков К.В., Лихачева А.Б., Лукин А.В., Макаров И.А., Макарова Е.А.,

Скриба А.С., Суслов Д.В., Тимофеев И.Н. – М., 2015. – Июнь. – 25 с. – Режим доступа: http://karaganov.ru/content/images/uploaded/7c15ceac311a5c93201dcb2a3c851be4.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

25 years of progress in the Asia-Pacific // APEC. – Singapore, 2014. – 29.10. – Mode of access: http://www.apec.org/Press/Features/2014/1029_anniversary.aspx (Дата обращения – 10.09.2015).

2014 APEC leaders' declaration. Annex A: The Beijing roadmap for APEC's contribution to the realization of the FTAAP / APEC. – Beijing, 2014 a. – 11.11. – Mode of access: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexa.aspx (Дата обращения – 10.09.2015).

2014 APEC leaders' declaration. Annex D: APEC connectivity blueprint for 2015–2025 / APEC. – Beijing, 2014 b. – 11.11. – Mode of access: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexd.aspx (Дата обращения – 10.09.2015).

2014: Top 100 global innovators / Thomson Reuters Co. – N.Y., 2014. – November. – 24 p. – Mode of access: http://top100innovators.com/pdf/Top-100-Global-Innovators-2014.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

Cambodia requests SCO dialog partner status // Official website of Russia's presidency in Shanghai Cooperation Organization 2014–2015. – 2015. – 17.04. – Mode of access: http://en.sco-russia.ru/news/20150417/1013350093.html (Дата обращения – 10.09.2015).

Chairman's statement of the 5 th East Asia summit foreign minister's meeting / ASEAN. – Kuala Lumpur, 2015. – 06.08. – 7 p. – Mode of access: http://www.asean.org/images/2015/August/chairman_statement/Chairmans%20Statement%20of%20the%205th%20East%20Asia%20Summit%20Foreign%20Ministers%20Meeting%20-%206%20August%202015.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

Chairman's statement of the 21 st ASEAN regional forum / ASEAN. – Nay Pyi Taw, 2014. – 10.08. – 13 p. – Mode of access: http://www.asean.org/images/documents/47thAMMandRelatedMeetings/Final%20Chairmans%20Statement%20of%20the%2021st%20ASEAN%20Regional%20Forum%20Nay%20Pyi%20Taw%2010%20August%202014.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

Chairman's statement of the 22 nd ASEAN regional forum / ASEAN. – Kuala Lumpur, 2015. – 06.08. – 9 p. – Mode of access: http://www.asean.org/images/2015/August/chairman_statement/Chairmans%20Statement%20-%2022nd%20ARF%20Kuala%20Lumpur%206%20August%202015.pdf (Дата обращения – 10.09.2015).

Joint statement by TPP ministers / Office of the United States trade representative. – Lahaina, HI, 2015. – 31.07. – Mode of access: https://ustr.gov/

about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2015/july/joint-statement-tpp-ministers (Дата обращения – 10.09.2015).

Key trends and developments relating to trade and investment measures and their impact on the APEC region: Do FTAs matter for trade? / G.O. Pasadilla, E.A. San Andres, A. Wirjo, Rh.C. Hernando (Eds.); APEC policy support unit. – Singapore, 2015. – May. – 28 p. – Mode of access: http://publications.apec.org/publication-detail.php?pub_id=1631 (Дата обращения – 10.09.2015).

Summary of the Trans-Pacific partnership agreement / Office of the United States trade representative. – Wash., 2015. – 04.10. – Mode of access: https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2015/october/summary-trans-pacific-partnership# (Дата обращения – 22.10.2015).

TPPA to be concluded before Jan 2017 // Free Malaysia Today. – Kuala Lumpur, 2014. – 05.05. – Mode of access: http://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2014/05/05/tppa-to-be-concluded-before-jan-2017/ (Дата обращения – 10.09.2015).

Wang Shuchun, Wan Qingsong. The Silk Road Economic Belt and the EEU: Rivals or partners? // Central Asia and the Caucasus. – Luleå, 2014. – Vol. 15, Issue 3. – Mode of access: http://www.ca-c.org/online/2014/journal_eng/cac-03/01.shtml (Дата обращения – 10.09.2015).

Xu Bu. Maritime Silk Road can bridge China-Asean cooperation // Asia News Network. – Bangkok, 2015. – 05.08. – Mode of access: http://www.asianewsnet.net/news-79085.html (Дата обращения – 10.09.2015).

А.С. Королев

Углубление японо-китайских противоречий на современном этапе

Аннотация. *Комплексное обострение противоречий в рамках двустороннего сотрудничества в последние годы четко демонстрирует, что развитие японо-китайских отношений постепенно входит в новую, более конфронтационную стадию, последствия которой неизбежно скажутся на формировании не только региональной, но и глобальной архитектуры безопасности.*

Abstact. *Comprehensive contradictions intensification within the framework of bilateral cooperation in recent years clearly demonstrates that the development of Sino-Japanese relations gradually enters a new, more confrontational stage, the consequences of which will inevitably affect the formation of regional as well as global security architecture.*

Ключевые слова: *национализм, территориальные споры, японо-китайские отношения, американо-японский союз, «отношения нового типа».*

Keywords: *nationalism, territorial disputes, Sino-Japanese relations, the U.S.-Japan alliance, the «new type of relations».*

Очередной виток противоречий, оказавших сильнейшее деструктивное воздействие на характер японо-китайских отношений, был обусловлен эскалацией конфликта вокруг спорных островов Сенкаку/Дяоюйдао. 16 апреля 2012 г. губернатор префектуры Токио Синтаро Исихара публично объявил о своем решении разрешить муниципалитету Токио купить три острова – Уоцуридзима, Китакодзима и

Минамикодзима – у частного собственника. Данная инициатива вызвала гневную реакцию у китайского руководства. В частности, пресс-секретарь МИД КНР Лю Вэйминь заявил, что «никому и никогда не будет разрешено покупать или продавать китайские священные территории» [McCurry, 2012]. Настойчивая позиция правящих кругов Японии привела к резкому росту антияпонских настроений, что вылилось в организацию массовых протестных выступлений в августе 2012 г., инициаторами которых стали активисты из Гонконга. Несмотря на все попытки Пекина предотвратить «историческую сделку», 10 сентября 2012 г. секретарь японского кабинета министров Осаму Фудзимура выступил с официальным заявлением, в котором было отмечено приобретение трех островов за 26 млн долл. США. Решение администрации Есихико Ноды о национализации спорных островов привело к беспрецедентному обострению территориального конфликта и, по сути, к невозможности нормализации дипломатического диалога между странами.

Хотя в 2012 г. военные ведомства обеих стран были близки к подписанию соглашения о создании «специального механизма морской коммуникации», который мог послужить своего рода гарантом предотвращения столкновений и других непредвиденных инцидентов в акватории Восточно-Китайского моря (ВКМ), упомянутый выше «выкуп островов» помешал осуществлению этой сделки. Помимо серии обвинений и угроз в адрес Японии на официальном уровне в КНР прошли массовые антияпонские демонстрации, которые сопровождались поджогами, грабежами, столкновениями с сотрудниками правоохранительных органов. По различным оценкам, экономический ущерб, нанесенный японским магазинам, ресторанам, фабрикам, составил не менее 10 млрд долл. Токио интерпретировал происшедшее как явное нарушение суверенитета и территориальной целостности Японии, а также несоблюдение принципов международного права.

Следующий этап качественного охлаждения двусторонних отношений начался накануне выборов в нижнюю палату японского парламента. Япония впервые в истории обвинила Китай в нарушении своего воздушного пространства после того, как 11 декабря 2012 г. китайский правительственный самолет пролетел вблизи спорного архипелага в ВКМ. Данный случай выглядел как

часть тщательно спланированного Пекином сценария по искусственному созданию новых очагов напряженности на спорных территориях, укреплению стратегических позиций в водах ВКМ, а также организации де-факто присутствия в воздушном пространстве, примыкающем к указанным островам. Кроме того, этот шаг можно было рассматривать как ответную меру Пекина, предпринятую после покупки официальным Токио трех островов в сентябре 2012 г.

Изменение подхода к национальной безопасности в политической стратегии правящего класса Японии

После возвращения 26 декабря 2012 г. в «большую политику» представителей правого крыла во главе с Синдзо Абэ националистические настроения в стране, подогретые обещаниями избавиться от «комплекса поражения во Второй мировой войне», обрели новую жизнь, получив широкое распространение среди японского населения [Chan, 2013]. По сути, приход к власти Абэ и стал отправной точкой для формирования и практического воплощения новой националистической идеологии. Ключевым направлением в рамках достижения поставленной цели, по мнению японского премьера, стало превращение Японии в «нормальное государство» посредством повышения уровня национальной безопасности и наращивания военного потенциала. Понятие «нормальное государство» подразумевало создание эффективного механизма защиты страны от внешних угроз.

Возвышение Китая и превращение его в главный локомотив экономических процессов в Северо-Восточной Азии во многом определили вектор внешнеполитического курса Абэ. Важным элементом стратегии «Япония возвращается» должно было стать качественное увеличение вклада Японии в поддержание стабильности в регионе. Тем не менее, поскольку в силу экономической взаимозависимости, а также с учетом роли Китая на мировой арене добиться реализации поставленной цели без потепления отношений с КНР вряд ли возможно, усиливающаяся конкуренция за экономическое и геостратегическое доминирование, выходящее далеко за субрегиональные рамки, поставила под сомнение улучшение партнерских связей Японии и

Китая в краткосрочной и среднесрочной перспективах. По итогам 2010 г. Китай занял второе место в списке крупнейших экономик мира, отодвинув Японию. Трудности, с которыми столкнулась японская экономика, оказали серьезное влияние на социально-политическое положение в стране, нанеся ощутимый удар по национальному самосознанию. По мере ухудшения основных макроэкономических показателей ослабевали авторитет и влияние Японии в мире. В период с 2010 по 2014 г. объем годового прироста японского ВВП сократился с 4,7 до – 0,1% [GDP growth.., 2015].

Китай, напротив, резко активизировал свою деятельность как в экономической, так и в военно-политической сферах. Отсутствие международного признания Страны восходящего солнца в качестве полноценного члена клуба великих мировых держав воспринималось японцами как в высшей степени несправедливый факт, оскорбляющий национальное достоинство. В этих условиях новое руководство во главе с Синдзо Абэ пришло к единому мнению, что рост национального самосознания вкупе с сильной, современной армией (в качестве которой выступают японские силы самообороны) позволит Японии восстать, словно фениксу из пепла, и возродить былое величие на основе традиционных ценностей.

Основные документы оборонной политики Японии

Совокупностью этих факторов были обусловлены фундаментальные изменения во внешнеполитической парадигме Японии и переход от адаптивной, пассивной политики в области безопасности к активной деятельности на мировой арене, что нашло отражение в основополагающих документах, принятых новым премьер-министром в 2013 г. Среди них можно выделить новую «Стратегию национальной безопасности», а также пересмотренные версии «Основных направлений программы национальной обороны» и «Среднесрочной программы развития оборонного потенциала» от 2010 г. В «Стратегии национальной безопасности» было впервые озвучено желание японского правительства вносить свой вклад во всеобщее процветание с позиции «активного пацифизма», а также указано, что политика Японии, отвечающая «миролюбивому статусу» страны, будет базироваться на принципах международного сотрудничества с

использованием разнообразных дипломатических ресурсов [National security.., 2013]. В то же время «Основные направления программы национальной обороны» в качестве основной задачи называют укрепление «динамичной обороноспособности», предполагающее увеличение военного потенциала сил самообороны [National defense.., 2013]. «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала» содержит конкретные механизмы обеспечения безопасности наземного, морского и воздушного пространства Японии и поддержания стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в числе которых – всестороннее наращивание и модернизация военно-воздушных и военно-морских сил самообороны. В этом документе, рассчитанном на срок до 2018 г., особый акцент сделан на «создание объединенного оборонного потенциала гибкого реагирования», который позволит силам самообороны Японии эффективно отразить нападение противника на отдаленных островах, обеспечить защиту от баллистических ракет, реагировать на угрозы в космосе и киберпространстве, а также содействовать улучшению обстановки в сфере международной безопасности посредством участия в миротворческих операциях под эгидой ООН, оказания гуманитарной помощи и помощи в ликвидации последствий стихийных бедствий [Medium term.., 2013].

Укрепление американо-японского союза и отход от политики «активного пацифизма»

Краеугольным камнем японской политики в сфере безопасности является американо-японский военно-политический союз, де-факто определяющий внешнеполитический курс Токио в данной области. США в рамках политики «поворота к Азии» рассматривают Японию в качестве основного противовеса растущим геостратегическим амбициям Китая. В этой связи администрация президента Б. Обамы поощряет рост националистических настроений в Японии, призывая ее играть более активную роль в «стратегическом альянсе». В частности, Вашингтон неоднократно настаивал на пересмотре пацифистской Конституции Японии, отмечая ее ограничивающий характер,

препятствующий полномасштабному разворачиванию двустороннего военно-политического взаимодействия.

Возвращение в правящее кресло Синдзо Абэ ознаменовало дальнейшее смещение внешнеполитического дискурса Токио в плоскость «выполнения обязательств перед старшим братом». Подтверждением этому является, в частности, принятие в декабре 2013 г. Закона о государственной тайне – механизма, позволяющего оперативно и в полном объеме обмениваться с США разведывательной информацией. Более того, 27 апреля 2015 г. стороны достигли «исторического соглашения», подтвердив свое намерение качественно усилить американо-японский союз и повысить его значимость в решении ключевых проблем безопасности в АТР. Речь идет о принятии главами министерств обороны и иностранных дел обеих стран «Руководящих принципов оборонного сотрудничества США и Японии» [The guidelines.., 2015]. Отличительной особенностью данного документа является его всеобъемлющий характер. Обновленная версия предусматривает активизацию сотрудничества в таких сферах, как разведка, наблюдение, обмен разведывательной информацией, ПРО, безопасность в космическом и киберпространстве, морская безопасность, защита активов, логистическая поддержка, операции по эвакуации гражданского населения и меры по оказанию помощи беженцам. Особое внимание уделено противодействию внешним угрозам, среди которых названы обострение противоречий на Корейском полуострове и проведение Китаем агрессивной политики в ЮКМ. С этой целью стороны приняли решение создать постоянно действующий орган – «Механизм союзнической координации», который призван обеспечить непрерывную связь между вооруженными силами США и силами самообороны Японии, способствуя своевременному обмену информацией касательно основных очагов региональной напряженности.

Стоит также отметить, что усиливающаяся гонка вооружений в АТР, движущей силой которой является Китай, а также замедление экономического роста США, которым становится все труднее играть роль «мирового жандарма», вынуждают японское руководство сместить акценты в сторону развития «жесткой» силы за счет укрепления военного потенциала страны.

Примером продвижения данной политики стало принятие 14 января 2015 г. рекордного по объему военного бюджета, увеличивающего расходы на оборону до 42 млрд долл. [McCurry, 2015]. Принятие этого законопроекта соответствует концепции «стратегического сдерживания Поднебесной», что моментально встретило положительный отклик в Вашингтоне.

Еще одной характерной чертой внешнеполитического курса Японии в сфере обороны и безопасности является попытка консолидации на антикитайской основе региональных игроков (Филиппины, Малайзия) и международного сообщества в лице европейских стран. В частности, в июне 2015 г. произошло существенное военно-политическое сближение Японии и Филиппин, чему способствовал очередной визит в Токио президента Филиппин Бенигно Акино III. В ходе визита стороны договорились укреплять двустороннее сотрудничество в области морской безопасности путем заключения соглашения о передаче военной техники и технологий. Они также приняли решение провести переговоры по использованию Японией филиппинских военных баз. Стороны выступили с резкой критикой активной деятельности КНР на спорных территориях в ЮКМ, сравнив Китай с Третьим рейхом. Кульминацией стало проведение совместных военных учений, в которых были задействованы морские силы самообороны Японии, а также военный корабль и самолет Филиппин.

Частота визитов филиппинского лидера в Японию отражает все более решительную позицию страны по нивелированию китайского «морского могущества». Совместные учения являются своеобразным прологом к качественной интенсификации военного сотрудничества двух стран, которое, вне всяких сомнений, получит поддержку со стороны США.

В то же самое время в ходе саммита «большой семерки», который прошел в Германии 7–8 июня 2015 г., участники встречи выразили обеспокоенность в связи с открытой и напористой строительной деятельностью КНР в ЮКМ [Tsukimori, 2015]. Премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил, что G7 «не должна мириться с односторонними попытками изменить status quo», и призвал Поднебесную соблюдать международное право. Китай, в свою очередь, отреагировал на данные заявления в резкой форме,

потребовав от G7 прекратить делать «безответственные замечания» по поводу напряженных отношений в регионе. Позже официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявил, что недавние выступления японских чиновников относительно ситуации в ЮКМ «серьезно понизили взаимное политическое доверие между Китаем и Японией и могут навредить общему улучшению связей». Таким образом, Китай выдвинул в адрес Японии обвинения в подрыве региональной стабильности и в подстрекательстве напрямую не вовлеченных в конфликт сторон, а Япония тем временем в очередной раз приняла попытку использовать платформу G7 в качестве инструмента для реализации собственных интересов, усиливая давление на Китай в формате многостороннего сотрудничества.

Наконец, ключевым событием с точки зрения расстановки сил в регионе стало принятие нижней палатой парламента Японии 16 июля 2015 г. закона, кардинальным образом меняющего основу пацифистской Конституции страны. Он существенно расширяет полномочия сил самообороны, предоставляя им право участвовать в боевых действиях в составе миротворческих сил ООН за рубежом, а также позволяет использовать вооруженные силы для защиты своих граждан за пределами страны. Китай и Республика Корея выразили опасения по поводу принятия этого документа. Так, МИД КНР назвал одобрение законопроекта «беспрецедентной акцией», которая может привести к серьезным изменениям в политике военной безопасности Японии. Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея, в свою очередь, потребовало, чтобы «политика Японии в сфере безопасности обсуждалась открыто, через призму мирной Конституции и была нацелена на защиту мира и стабильности региона» [МИД Китая.., 2015].

Необходимо также отметить, что новый законопроект разрешает применение оружия в случае, если близкий союзник Японии подвергся нападению и при этом возникла угроза существованию страны и безопасности населения, а также в случае возникновения так называемой пограничной ситуации между миром и войной, – иными словами, в случае военной провокации. Данное нововведение де-факто расширяет для сил самообороны Японии ареал совместных операций с вооруженными силами

США. В частности, не лишен оснований сценарий, при котором Аравийский полуостров может стать своего рода плацдармом для разворачивания японо-американского военного взаимодействия в случае, если США постараются привлечь своего азиатского союзника к борьбе против «Исламского государства». Кроме того, не исключено, что силы самообороны Японии будут принимать участие в миротворческих операциях, проводимых под эгидой ООН, например, с целью нормализации обстановки в Йемене.

Японское руководство во главе с премьер-министром Синдзо Абэ сознательно идет на подобные действия, желая создать противовес все возрастающим геостратегическим амбициям Поднебесной (в том числе в военно-технической сфере), а также обеспечить национальную безопасность на случай обострения обстановки на Корейском полуострове. Принятие законопроекта демонстрирует приверженность официального Токио внешнеполитической линии своего ключевого партнера – США, что нашло отражение в «Белой книге об обороне – 2015», утвержденной правительством Японии 21 июля 2015 г. «Проамериканская политика» в сфере обороны стала причиной резкого снижения уровня доверия со стороны граждан Японии к Синдзо Абэ, популярность которого упала до исторического минимума. Впрочем, несмотря на шквал критики в свой адрес и активизацию оппозиционных сил, японский премьер, скорее всего, продолжит «гнуть свою линию» во избежание возникновения недовольства со стороны США.

Анализ основополагающих документов, принятых под руководством Синдзо Абэ, позволяет сделать вывод о качественном изменении внешнеполитического курса Японии в сфере безопасности, знаменующем отход от концепции «активного пацифизма». Уже сейчас можно утверждать, что администрация японского премьера делает ставку преимущественно на военные средства обеспечения национальной безопасности, что в политических кругах соседних стран (КНР и РК) воспринимается как проявление реваншистских амбиций Японии.

Попытка Абэ освободить Японию от «оков послевоенного режима» в контексте обеспечения национальной безопасности неизбежно ведет к пересмотру существующего баланса сил и изменению модели поведения Японии на международной арене.

Посещения храма Ясукуни, совершенные японским премьером 26 декабря 2013 г. и 21 апреля 2015 г., наряду с принятием важнейших внутриполитических решений являются своего рода манифестом его решимости добиться поставленной цели – вернуть Японию в глобальную игру.

При этом японский истеблишмент стремится повысить роль страны не только на международной арене, но и в рамках американо-японского союза, избавившись от статуса «второй скрипки». Тем не менее в практическом плане достижение более сбалансированного партнерства в отношениях Японии и США в обозримом будущем представляется маловероятным. Жесткая привязка внешнеполитического курса Токио к политической линии США фактически лишает Японию возможности дипломатического маневра и повышения самостоятельности в сфере обеспечения национальной и региональной безопасности.

Рост националистических настроений в Китае

Политический национализм в Китае имеет своей целью восстановить внутриполитический авторитет и усилить вертикаль власти КПК, укрепить суверенитет Китая и модернизировать все аспекты китайского общества для умножения национального богатства и увеличения военной мощи (что обозначается идиомой *fuguo qiangbing* – «обогащать страну и укреплять армию»). Новый этап эволюции китайского национализма в его политическом воплощении начался с приходом к власти в 2013 г. представителя «пятого поколения руководителей» Си Цзиньпина. Приоритетной задачей его кабинета стала реализация «китайской мечты», а именно – возрождение великой китайской нации, подъем национального самосознания. Центральным элементом новой стратегии стала концепция мирного возвышения Китая, предполагающая более активную роль страны в глобальных процессах, содействие всеобщему развитию и процветанию. Основой внешнеполитической стратегии взаимодействия с ведущими мировыми державами сделалась идея выстраивания «отношений нового типа» с США, предполагающая возможность отделения политических разногласий от экономической взаимозависимости. Кроме того, одной из важнейших задач

внешнеполитического курса КНР было названо поддержание конструктивных отношений с соседними государствами, прежде всего с Японией.

Однако на практике мы наблюдаем иную картину. Растущие геостратегические амбиции Поднебесной не только напрямую затрагивают интересы американо-японского союза, но и бросают вызов сформированному США миропорядку. Усиление китайского влияния в Восточной и Юго-Восточной Азии – этом важнейшем геополитическом пространстве и ключевых субрегионах с точки зрения обеспечения Китая ресурсами – ведет к повышению чувства национального превосходства, росту патриотических настроений в Китае. При этом выстраивание «отношений нового типа» с США может оказаться под угрозой по причине неутихающих споров вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао. Для многих китайских экспертов и должностных лиц обсуждение будущего китайско-американских отношений не может быть изолировано от дискуссии по поводу территориального спора с Японией, а японо-китайские противоречия резко обострились именно в тот момент, когда китайские и американские специалисты вплотную занимались разработкой идей об «отношениях нового типа между великими державами».

Приход к власти в Японии приверженца философии «правого консерватизма» также оказал значительное влияние на формирование модели поведения Си Цзиньпина. В условиях нарастания напряженности в двусторонних отношениях неспособность решительно реагировать в ответ на различного рода провокационные действия со стороны Японии неизбежно ведет к усилению внутрипартийного давления на политического деятеля, занимающего руководящую должность в государственном аппарате КНР. Данные обстоятельства вынуждают Си Цзиньпина занимать жесткую позицию в отношении Японии, что может привести к негативным последствиям, стать источником дестабилизации региональной ситуации.

Практика показывает, что рост антикитайских настроений в Японии приводит к постепенному формированию радикального течения китайского национализма и к изменениям в расстановке акцентов, что находит свое отражение в повышении боеспособности и технологической модернизации ВС КНР,

обеспечении армии передовыми видами вооружений, наращивании военно-морского и военно-воздушного потенциала. В частности, в марте 2015 г. руководство Поднебесной приняло проект госбюджета, предусматривающий увеличение военных расходов на 10,1% – до 144 млрд долл. [Wong, Buckley, 2015].

Заключение

Японо-китайские противоречия носят затяжной, комплексный характер, их преодоление требует наличия политической воли с обеих сторон, достижения консенсуса по ключевым вопросам, стоящим на повестке дня в рамках двусторонних отношений. Во многом от того, смогут ли стороны вернуть межгосударственные отношения в конструктивное русло, будет зависеть дальнейшее складывание архитектуры региональной безопасности в Северо-Восточной Азии.

Политический фактор пока продолжает играть ведущую роль в развитии китайско-японских отношений, оказывая негативное влияние на углубление экономического сотрудничества. Особенно ясно это проявляется в отсутствии прогресса в переговорах по созданию зоны свободной торговли как в двустороннем формате, так и с подключением Республики Корея.

Идея «китайской мечты» Си Цзиньпина, направленная на поэтапное возрождение великой китайской нации, и националистическая политика премьер-министра Японии Синдзо Абэ в значительной степени способствуют падению уровня взаимного доверия и ограничивают возможности для потепления отношений. Создав себе образ врага в лице Китая и рассматривая его как угрозу национальной безопасности, Япония стремительно наращивает военный потенциал сил самообороны, делает ставку на качественное укрепление военно-политического альянса с США, стремясь сформировать своеобразный «антикитайский союз» в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Принимая во внимание вышеизложенные факты, можно заключить, что стороны остро нуждаются в «перезагрузке» отношений, расширении политических контактов. При этом необходимо отметить, что японо-китайские противоречия оказывают большое влияние на реализацию стратегических

интересов России в регионе. В силу своего географического положения Россия заинтересована в поддержании стабильности в СВА. Нарастание напряженности в отношениях между государствами, находящимися в непосредственной близости от российского Дальнего Востока, является угрозой национальной безопасности России, поэтому нормализация диалога между Японией и Китаем рассматривается в Москве как один из важнейших элементов сохранения status quo в регионе. Однако в настоящее время Россия не имеет достаточно мощных инструментов дипломатического воздействия на страны СВА и не в состоянии значительно повлиять на конфигурацию субрегиональной архитектуры безопасности, в силу чего практическое взаимодействие России с Китаем и Японией, направленное на снижение напряженности между двумя азиатскими государствами, не представляется возможным в обозримой перспективе. Более того, в силу объективных причин России важно воздержаться от официальных заявлений по поводу двустороннего конфликта, заняв нейтральную позицию.

Сценарии дальнейшего развития японо-китайских отношений

Позитивный. Япония и Китай сумеют найти точки соприкосновения, поставив во главу угла желание развивать взаимовыгодное экономическое партнерство. На практике это будет означать построение «отношений нового типа» по модели китайско-американского сотрудничества. В итоге стороны смогут частично сгладить противоречия и заложить основу для последующей нормализации дипломатического диалога. Необходимо отметить, что при наличии разнообразных площадок многостороннего сотрудничества, таких как АРФ, ВАС, СМО АСЕАН+8, более активная позиция основных участников переговоров могла бы способствовать выработке единого механизма действий в отношении японо-китайских противоречий и как следствие – снижению градуса напряженности и более конструктивному взаимодействию двух сторон.

Нейтральный. Взаимоотношения Японии и Китая по-прежнему будут оставаться напряженными с перманентным

проявлением «болевых точек» в рамках двустороннего сотрудничества. Но в целом это не окажет деструктивного влияния на обстановку в регионе и не будет представлять угрозу суверенитету и территориальной целостности соседних государств.

Негативный. Дальнейшая активизация деятельности Китая по строительству искусственных островов в ЮКМ приведет к формированию «антикитайского альянса» (Япония, США, Филиппины), а также к консолидации стран, непосредственно вовлеченных в территориальные споры (Вьетнам, Малайзия, Бруней, Тайвань), чьей целью будет «умиротворение китайского агрессора». При этом идейным вдохновителем и движущей силой подобного рода объединения станет Страна восходящего солнца при активной поддержке США. В частности, можно прогнозировать расширение сотрудничества Японии со странами бассейна реки Меконг, в рамках которого Токио с помощью Азиатского банка развития будет оказывать им значительную финансовую помощь для развития транспортной и энергетической инфраструктуры в обмен на политическую поддержку кабинета Синдзо Абэ.

Список литературы

МИД Китая прокомментировал японский законопроект о силах самообороны // РИА Новости. – М., 2015. – 16.07. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20150716/1131927143.html (Дата обращения – 05.10.2015).

Chan J. The re-emergence of Japanese militarism // World socialist web site. – 2013. – 13.07. – Mode of access: https://www.wsws.org/en/articles/2013/07/13/japa-j13.html (Дата обращения – 05.10.2015).

GDP growth (annual %) / The World bank. – 2015. – Mode of access: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (Дата обращения – 05.10.2015).

McCurry J. Japan reveals record defense budget as tensions with China grow // The Guardian. – L., 2015. – 14.01. – Mode of access: http://www.theguardian.com/world/2015/jan/14/japan-reveals-record-defence-budget-as-tensions-with-china-grow (Дата обращения – 05.10.2015).

McCurry J. Tokyo's rightwing governor plans to buy disputed Senkaku islands // The Guardian. – L., 2012. – 19.04. – Mode of access: http:// www.theguardian.com/world/2012/apr/19/tokyo-governor-senkaku-islands-china (Дата обращения – 05.10.2015).

Medium term defense program (FY2014–FY2018): Provisional translation / Japan Ministry of defense. – Tokyo, 2013. – 17.12. – 33 p. – Mode of access: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/Defense_Program.pdf (Дата обращения – 05.10.2015).

National defense program guidelines for FY 2014 and beyond: Provisional translation / Japan Ministry of defense. – Tokyo, 2013. – 17.12. – 31 p. – Mode of access: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217_e2.pdf (Дата обращения – 05.10.2015).

National security strategy: Provisional translation / Japan Cabinet Secretariat. – Tokyo, 2013. – 17.12. – 37 p. – Mode of access: http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf (Дата обращения – 05.10.2015).

The guidelines for Japan–U.S. defense cooperation / Japan Ministry of defense. – Tokyo, 2015. – 27.04. – 23 p. – Mode of access: http://www.mod.go.jp/e/d_act/anpo/pdf/shishin_20150427e.pdf (Дата обращения – 05.10.2015).

Tsukimori O. G7 to express concern over East, South China Sea // Reuters. – L., 2015. – 06.06. – Mode of access: http://www.reuters.com/article/2015/06/06/us-g7-summit-southchinasea-idUSKBN0OM05D20150606 (Дата обращения – 05.10.2015).

Wong E., Buckley Ch. China's military budget increasing 10% for 2015, official says // The New York Times. – N.Y., 2015. – 04.03. – Mode of access: http://www.nytimes.com/2015/03/05/world/asia/chinas-military-budget-increasing-10-for-2015-official-says.html (Дата обращения – 05.10.2015).

Л.М. Григорьев, А.А. Лобанова

Изменения в разделении труда в АТР в контексте новой социально-экономической модели Китая[1]

Аннотация. *Последние годы в Китае происходят серьезные социально-экономические изменения, влияющие как на ситуацию внутри страны, так и на регион в целом. В частности, заметно удорожание рабочей силы, и многие эксперты говорят о конце «эры дешевых китайских товаров». В связи с этим в рамках данной статьи осуществляется попытка провести анализ изменений, происходящих в экономике Китая. Основная цель исследования – определить, как изменилось разделение труда в АТР в связи с изменениями, произошедшими в экономике Китая.*

Abstract. *Recently there have been some significant changes in Chinese economy; so many experts say that this is the end of the «Era of cheap Chinese goods» due to increased cost of labor. Therefore, in this article authors attempt to analyze changes in the Chinese economy. The main purpose of the article is to determine how the division of labor in the Asia-Pacific region may change due to the shifts in the Chinese economy.*

Ключевые слова: *КНР, рабочая сила, новая социально-экономическая модель Китая, АТР, разделение труда.*

Keyworlds: *China, labor force, new Chinese socio-economic model, Asia-Pacific region, division of labor.*

[1] Исследование подготовлено при поддержке гранта РГНФ 14-07-0059 «Политические функции региональных экономических объединений в современном мире».

Тенденции глобализации мировой экономики активно способствовали сдвигу производства в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Одной из наиболее важных причин развития Азии стал перенос производства из развитых стран в развивающиеся. Дешевая рабочая сила, природные ресурсы и законодательные возможности стран АТР быстро сделали этот регион платформой для развития производства большинства американских и европейских компаний. В последние десятилетия ситуация начала меняться. Азия больше не воспринимается как производственная база Европы и Америки. В начале нового тысячелетия Большая Восточная Азия впервые за долгое время заставила говорить о себе как о действительно крупном и значимом игроке в контексте мировой экономики. Теперь не только Япония воспринимается мировыми экономистами как значимый торгово-экономический партнер, но и многие другие страны Азии также меняют баланс сил в мировой торговле.

Вторая половина XX в. показала потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона. Первой прорыв совершила Япония. «Японское экономическое чудо» – именно так называют стремительный подъем японской экономики после Второй мировой войны. В результате капитуляции страна потеряла все свои колонии, которые прежде снабжали ее сырьем, что стало причиной резкого спада промышленного производства. Однако благодаря слаженным действиям правительства и бизнес-кругов, переориентации промышленности и кардинальным реформам уже к 1970-м годам Япония сделалась значимым игроком на мировой арене.

Вслед за Японией «азиатские тигры» реализовали свой потенциал. Успешная политика, ориентированная на экспорт, позволила странам с низким уровнем жизни менее чем за полвека по многим показателям сравняться с развитыми странами. Сейчас Гонконг и Сингапур являются ведущими финансовыми центрами, Тайвань и Южная Корея стали лидерами в производстве наукоемких товаров.

А с начала XXI в. и Китай заявил о себе как о важном акторе в мировой торговле. И если раньше Азия была лишь объектом инвестиций и базой для размещения производства, то сейчас страны региона, в особенности Китай, сами претендуют на

мировое лидерство в экономической сфере. Уже по итогам 2010 г. Китай обогнал Японию по объемам ВВП (рис. 1), стал второй экономикой мира, а в настоящее время страна является мировым лидером по количеству промышленных предприятий. Китайская модель роста основана в основном на экстенсивном развитии, однако уже сейчас говорят об изменениях в экономике Китая. Удорожание стоимости производства ведет к концу «эры дешевых китайских товаров». В то же время меняются привычки самих жителей Поднебесной. Наряду с экспортом активно развивается импорт товаров и услуг.

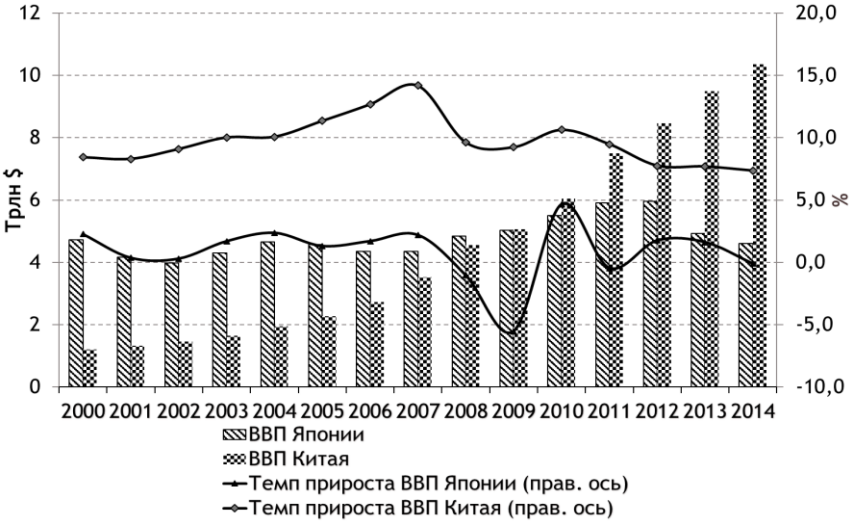

Рис. 1.
ВВП Китая и Японии, темп прироста ВВП Китая и Японии
Источник: [World DataBank: World.., 2015]; расчеты авторов.

Экономический рост Китая и АТР

Активное индустриальное развитие стран Азии было связано в первую очередь с переносом в регион производства американских и европейских компаний. Однако с наступлением нового тысячелетия ситуация кардинально изменилась. Сейчас многие азиатские страны по уровню жизни сравнимы с ведущими

западными странами, а главное – оказывают значительное влияние на мировую торговлю. Тем не менее пока еще не вполне ясно, насколько экономический рост способствует развитию региона: повышению заработной платы, улучшению условий труда, борьбе с болезнями и голодом.

С одной стороны, несмотря на значительное снижение показателей уровня бедности, в регионе все еще проживают более 800 млн бедняков, доход которых составляет менее 1,25 долл. в день [Economic and social.., 2013, p. 9]. Примечательно, что во многих странах региона, в том числе самых густонаселенных, быстрый рост доходов с 1990-х годов сопровождался увеличением неравенства в их распределении. Кроме того, высокая ресурсоинтенсивность экономического роста стимулировала значительное увеличение выбросов парниковых газов. В условиях быстрого роста производства возросла и экономическая незащищенность населения АТР: более 1 млрд человек здесь работают в зоне «уязвимой занятости» с низким уровнем заработной платы, без каких-либо социальных пособий, не имеют ни гарантий трудоустройства, ни льгот при работе в тяжелых условиях. Продовольственная безопасность также является одной их важнейших проблем Азиатско-Тихоокеанского региона. По оценкам экспертов, 563 млн человек в АТР страдают от недоедания [Economic and social.., 2013, p. 9]. Экономическая незащищенность и уязвимость населения усугубляются участившимися стихийными бедствиями, сопровождающимися значительными разрушениями, которые многие связывают с изменением климата и деградацией окружающей среды. Так, в период 1970–2010 гг. среднее число людей в АТР, ежегодно страдающих от наводнений, возросло более чем в два раза – с 29,5 млн до 63,8 млн человек, а население, проживающее в районах, подверженных воздействию циклонов, увеличилось с 71,8 млн до 120,7 млн человек [Economic and social.., 2013, p. 9]. В целом, несмотря на экономический рост региона, сотни миллионов людей здесь по-прежнему весьма уязвимы и подвергаются опасности.

С другой стороны, важно понимать, что развитие АТР не является завершенным процессом. Азиатский регион продолжает расти, причем темпы этого роста значительно выше, чем у западных стран. В период после кризиса 2008–2009 гг. темп

прироста ВВП Европейского союза не поднимался выше 2% в год, в то время как темп прироста ВВП АТР стабильно выше 8%. Несмотря на взаимозависимость всех стран мира, АТР был меньше затронут кризисом 2008–2009 гг. Основная причина этого – тесные торговые отношения внутри региона. Больше всего от кризиса пострадали Япония и «азиатские тигры» – страны, экономика которых находится в сильной экспортной зависимости (рис. 2). Несмотря на экспортную ориентированность экономики Китая, страна была в меньшей степени затронута кризисом за счет диверсификации товаров и направлений экспортных поставок.

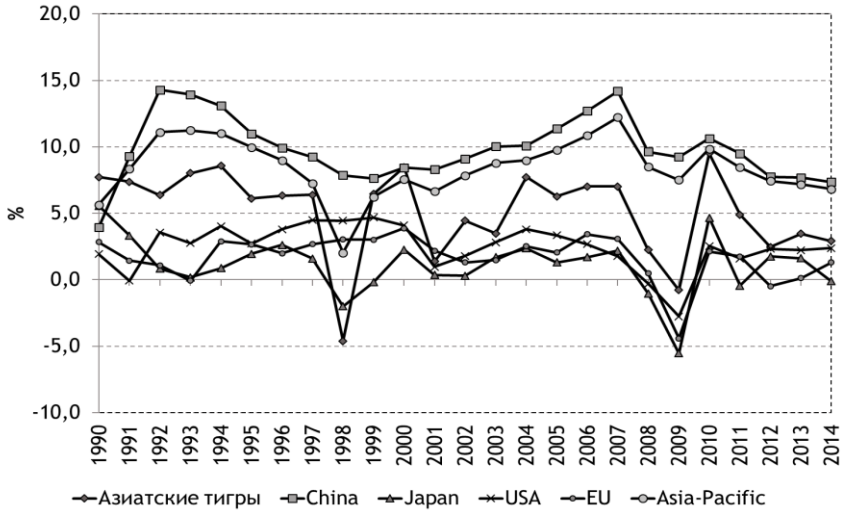

Рис. 2.
Темпы прироста ВВП отдельных стран и регионов
Источник: [World DataBank: World.., 2015]; расчеты авторов.

Основной причиной спада экономики Японии явилась, как было сказано выше, ориентированность японской промышленности на экспорт продукции: снижение экспорта стало причиной ухудшения экономической ситуации. Стоит отметить, что это произошло в основном из-за снижения потребительского спроса во время резкого спада в реальном секторе в экономике США в 2008–2009 гг., поскольку Соединенные Штаты по-прежнему

остаются одним из наиболее важных торговых партнеров Японии. Схожая ситуация стала причиной снижения темпов роста в Южной Корее, Сингапуре, Тайване и Гонконге. Помимо уменьшения экспорта, спад экономики был обусловлен значительным снижением инвестиционных потоков.

Азиатский регион по праву считается одним из финансовых центров мира, и речь в данном случае не только о Гонконге или Тайване, но и обо всем регионе в целом. Статистические данные показывают, что существует определенная тенденция роста инвестиций в АТР. На рис. 3 представлены страны и регионы с наибольшим объемом иностранных инвестиций за 2005–2014 гг. Заметно, что поток инвестиций в Европейский союз постепенно снижается, в то время как АТР становится все более и более привлекательным для инвесторов.

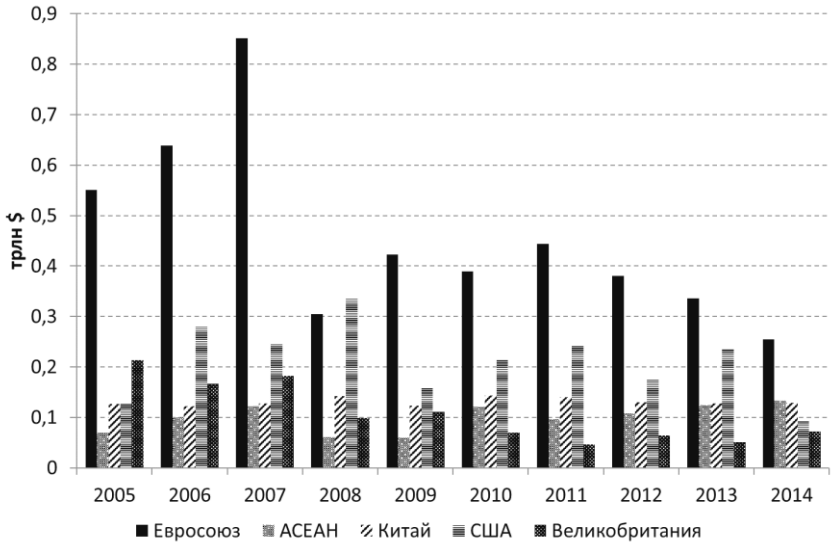

Рис. 3.
Объем прямых иностранных инвестиций в некоторые регионы и страны мира за год (2005–2014)

Источник: [Global market.., 2015]; расчеты авторов.

Инвестиционная привлекательность любого региона обусловливается несколькими факторами. Главным образом – это

потенциальные возможности развития экономики и инвестиционные риски. При этом инвесторам необходимо учитывать не только наличие в регионе ресурсной базы и дешевой рабочей силы, но и политическое устройство стран региона, их налоговую систему, развитие или возможности создания институтов и инфраструктуры, потребительский спрос внутри региона и т.д. Инвесторы рассматривают азиатский рынок в качестве подходящего объекта вложения средств, хотя, конечно, здесь существуют риски, связанные с политическим устройством, как, например, в Китае, или с общей экономической нестабильностью в менее развитых странах региона. Но в то же время подобные риски в АТР значительно ниже, чем в Африканском регионе и даже в Латинской Америке, где существуют свои «подводные камни», притом что инвестиционные проекты в США и Европе уже не являются особенно прибыльными. Наряду с приемлемыми рисками азиатские страны предоставляют высокие нормы прибыли своих проектов, поэтому инвесторам выгодно вкладываться в регион. Помимо производственной базы в АТР развивается инфраструктура, ускоряется экономический рост, повышается уровень жизни населения и внутренний спрос. Иностранные инвесторы вкладывают денежные средства не только в Китай, но и в Корею, и в страны АСЕАН.

Разумеется, страны Азиатско-Тихоокеанского региона различаются по уровню своего экономического развития, но большинство из них является привлекательным объектом для инвестиций именно благодаря значительному потенциалу для развития экономики.

Большая часть инвестиций в Азиатско-Тихоокеанский регион вкладывается в производственные предприятия. Статистические данные подтверждают, что регион является мировым лидером по объему производства. Большая часть всех производственных мощностей располагается в Китае, где наблюдается стабильное ежегодное увеличение производства. Для сравнения можно отметить, что все страны Европейского союза производят в 2 раза меньше продукции, чем Китай (рис. 4).

Лидирующие отрасли промышленности КНР – производство одежды, обуви, транспортное и строительное машиностроение,

автомобилестроение, так же активно развивается производство электроники. Китай является мировым лидером по объему производства текстильной продукции, в прибрежных районах расположены филиалы крупных мировых компаний. В то же время большой проблемой остается контрафактная продукция, производимая внутри страны.

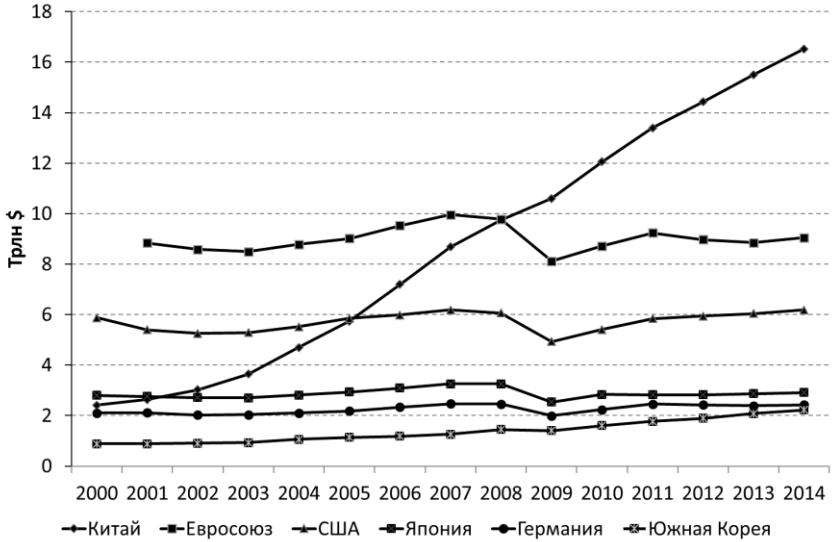

Рис. 4.
Объем производства в некоторых странах и регионах
Источник: [Global market.., 2015]; расчеты авторов.

Помимо общего объема производственных мощностей азиатские страны, в частности Китай, отличает высокий темп ежегодного прироста объемов производимой продукции. На рис. 5 отражена динамика индекса производства отдельных стран и регионов мира. С начала 2000-х годов в Китае произошло резкое увеличение производственных мощностей [Григорьев, Кульпина, 2014, с. 47]. Страна была практически не затронута кризисом 2008–2009 гг. В отличие от Японии, производящей высокотехнологичные товары, Китай производит различные виды товаров массового потребления, поэтому в период кризиса экспорт из КНР снизился не так сильно, как в других странах, и Китаю удалось сохранить

производство на докризисном уровне. Самое низкое значение индекса производства наблюдалось в ноябре 2008 г., когда индекс снизился на один п.п. от предкризисного уровня. А уже с февраля 2009 г. вновь начался подъем производства. Схожие тенденции прослеживались и в остальных развивающихся странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

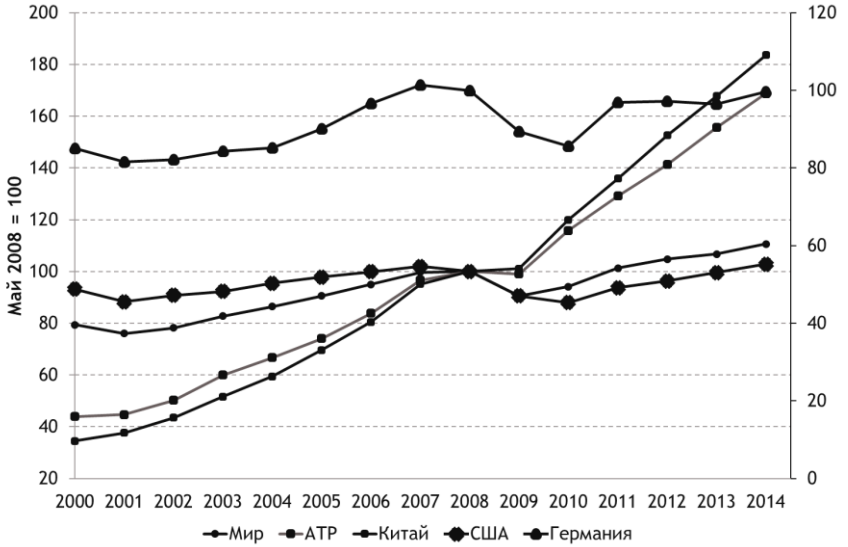

Рис. 5.
Динамика промышленного производства отдельных стран и регионов мира

Источник: [World DataBank: Global.., 2015]; расчеты авторов.

В то же время Германии и США потребовалось больше времени на преодоление последствий кризиса 2008–2009 гг. Германия смогла восстановить предкризисный объем производства только в августе 2011 г., а США – только в феврале 2013 г. Общий прирост производства с мая 2008 г. по январь 2015 г. составил в США 6,6 п.п., в Германии – 1 п.п., а в Китае – 98,6 п.п. Китай не только относительно «безболезненно» перенес мировой кризис, но и смог нарастить производственные мощности.

Очевидно, что Китай значительно выделяется на фоне остальных стран АТР. Фактически он является флагманом

развития всего региона. Значительное укрепление позиций экономики КНР сначала в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а затем и на мировой арене привело к изменению понимания роли Китая в экономике всего мира. Недавно Китай находился среди стран догоняющего развития, а сегодня страна является мировым лидером по многим экономическим показателям (рис. 6).

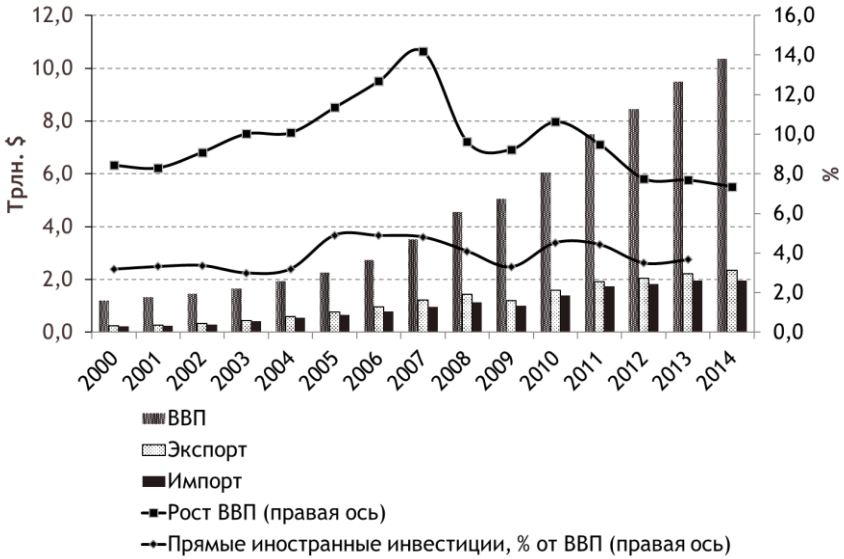

Рис. 6.
Основные экономические показатели Китая

Источник: [Global market.., 2015]; расчеты авторов.

В настоящее время китайская модель экономического роста коренным образом меняется. В то время как выход Китая на мировой рынок и высокие темпы его экономического роста в последние десятилетия были обусловлены инвестициями и ростом экспорта, частное потребление, как ожидается, станет основным толчком для дальнейшего роста ВВП. Поскольку развитие Китая способствует развитию всего региона за счет увеличения экспортных и импортных потоков и в то же время создает сложную систему взаимозависимости, возникает необходимость оценивать возрастающее влияние, которое социально-экономические

изменения, происходящие в Китае, оказывают на весь Азиатско-Тихоокеанский регион.

В 2014–2015 гг. замедление экономического роста в ЕС, кризис в России и Бразилии привели к сокращению экспорта из КНР и в то же время усилилась конкуренция со стороны стран Азии (Вьетнам и др.) с более низкой оплатой труда. Крах биржевого пузыря в конце августа 2015 г. на Шанхайской бирже и замедление темпов прироста ВВП Китая вызвали даже девальвацию юаня, хотя десятилетиями он считался сильно недооцененным.

Торговые отношения в АТР

За последние четыре десятилетия рост торговли в развивающихся азиатских экономиках шел гораздо более быстрыми темпами, чем в других регионах мира и в мире в целом. Глобализация позволила оптимизировать процесс производства товаров путем разделения процесса на несколько стадий и размещения производства деталей в различных странах. В частности, Китай стал центром производства и сборки товаров не только китайских фирм, но и фирм-производителей со всего света.

Быстрый экономический рост и структурные изменения в странах Азии, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в течение последних четырех десятилетий способствовали постепенному снятию многих барьеров в международной торговле. С середины 1980-х годов в Китае, Индонезии, Южной Корее, Малайзии, Таиланде и на Филиппинах произошла значительная либерализация торговли. Индия и Вьетнам приступили к проведению торговых реформ лишь в начале 1990-х годов. Либерализация торговли проводилась преимущественно на многосторонней основе в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле, а затем в рамках Всемирной торговой организации (с 1995 г.). Исторически страны Азии не поддерживали введение преференциальных торговых соглашений, за исключением некоторых торговых преференций для членов АСЕАН. Тем не менее создание Европейского союза и рост регионализма в Северной Америке в 1990-х годов привели к распространению преференциальных торговых соглашений в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Заметное увеличение доли машиностроения в азиатской торговле было обусловлено ростом глобального обмена производственными патентами и более глубокой интеграцией стран Восточной Азии в глобальные производственные сети. Примерно с конца 1970-х годов транснациональные корпорации с производственными мощностями в Сингапуре начали строить заводы для сборки несложных деталей в соседних странах (в частности, в Малайзии, Таиланде и на Филиппинах), чтобы компенсировать быстрый рост заработной платы и цен на землю в Сингапуре. Многие из вновь прибывших в регион транснациональных корпораций создавали производственные базы уже непосредственно в этих странах, минуя Сингапур. С начала 1990-х годов Китай стал играть роль «мировой фабрики» электрических и электротехнических товаров, для сборки которых использовались готовые запчасти и компоненты, импортируемые из других стран, что способствовало быстрому расширению производственных сетей в регионе [Perkins, 2007, p. 47].

В середине XX в. экономическое развитие стран АТР обеспечивалось в основном за счет экспорта промышленных товаров. Азиатские страны обладали большими запасами дешевой рабочей силы, поэтому наибольшее развитие получила обрабатывающая промышленность. Кроме того, эти страны долгое время старались препятствовать распространению импорта, поддерживая национальных производителей, в частности в области сельского хозяйства. Нельзя сказать, что страны Азии вводили запрет на импорт, просто долгое время правительства этих стран пытались избежать зависимости от зарубежных производителей, прибегая даже к субсидированию продукции. Примером может служить положение японских фермеров. Япония не обладает достаточным количеством пригодных для сельскохозяйственной обработки земель, соответственно, произведенные в Японии продукты сельского хозяйства являются намного более дорогими, чем их зарубежные аналоги, однако правительство до сих пор субсидирует производителей риса, с тем чтобы сохранить национальное производство, хотя даже с учетом субсидий японская продукция дороже, чем импортная.

Рост экспорта в развивающихся странах Азии происходил не только посредством либерализации экономики и снятия торговых

барьеров, но и через изменение структуры производства. Учитывая характер обеспеченности азиатских стран природными ресурсами, новые азиатские индустриальные страны (Гонконг, Сингапур, Китайская Республика (Тайвань), Республика Корея) сначала в значительной степени опирались на свои ресурсные возможности для расширения экспорта. С 1970-х годов в структуре экспорта наметился сдвиг в сторону производства, что наблюдалось во всех странах региона с той или иной интенсивностью. В настоящее время АТР по праву можно назвать центром мирового производства.

Изменения в структуре производства особенно заметны на примере китайского экспорта (рис. 7). В период с 1995 до 2014 г. в КНР на 20 п.п. снизился экспорт трудоемких и ресурсоемких товаров и на 16 п.п. увеличился экспорт высококвалифицированных и наукоемких товаров.

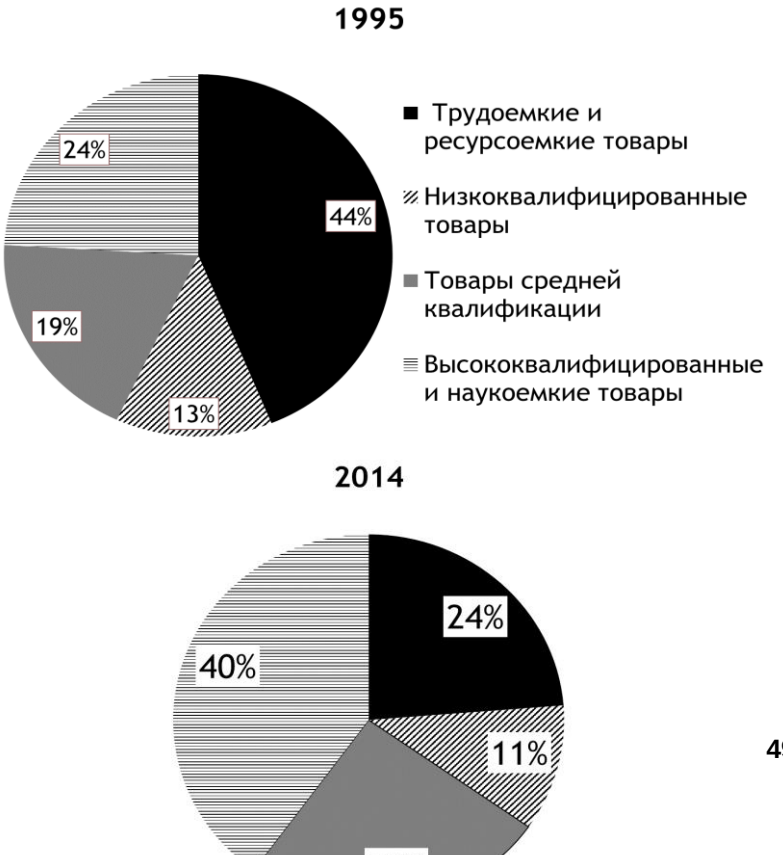

Рис. 7.
Структура экспорта Китая
Источник: [UNCTADstat.., 2015]; расчеты авторов.

Еще одной причиной изменения структуры экспорта Китая является повышение оплаты труда. В соответствии с новым законодательством в стране был установлен минимальный размер заработной платы. Уже сейчас трудовые издержки в Китае превосходят аналогичные показатели во Вьетнаме или в Камбодже [Lee, Hong, 2010, p. 15], поэтому в последнее время региональные производственные сети стали осваивать мощности во Вьетнаме.

Помимо товарной структуры экспорта в АТР меняется и его направление. В период с 1995 до 2014 г. с 11 до 21% увеличился экспорт Китая в развивающиеся страны Азии[1] (рис. 8). Основными торговыми партнерами Китая в регионе являются Малайзия, Индонезия, Сингапур, Таиланд. В то же время снизился экспорт в Японию с 19 до 6%. Причина этого в том, что рост стоимости рабочей силы в Китае сделал невыгодным производство трудоемких товаров. Японское «экономическое чудо» было основано на росте производства высокотехнологичных товаров, не требующих больших сырьевых и трудовых затрат, а трудоемкие товары импортировались, поэтому повышение стоимости рабочей силы в Китае повлияло на японский импорт.

За последние три десятилетия процесс глобального разделения производства продукции создал новый порядок разделения труда между странами на основе квалификационных различий участников различных стадий производственного процесса и относительной заработной платы. Формирование

[1] *В данном случае развивающиеся страны Азии включают в себя страны Юго-Восточной, Южной и Западной Азии по классификации UNCTAD.*

производственных сетей трансформировало пространственные закономерности международной торговли с заметным увеличением влияния торговых потоков внутри регионов. Это связано с необходимостью экспортировать и импортировать запчасти и компоненты из разных стран для создания готовой продукции, что способствует улучшению коммуникации и транспортной инфраструктуры.

Наиболее распространенным показателем интенсивности фрагментации специализации в мировой торговле является доля частей и компонентов в общем производственном процессе. За последние два десятилетия доля составных частей и компонентов в мировой торговле возросла с 19,3% в 1992–1993 гг. до 27,1% в 2006–2007 гг. Эта доля возросла гораздо сильнее в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – с 17,3 до 34% (Perkins, 2007, p. 44). Доля компонентов в экспорте и импорте продукции в этих странах также значительно выше общемирового уровня.

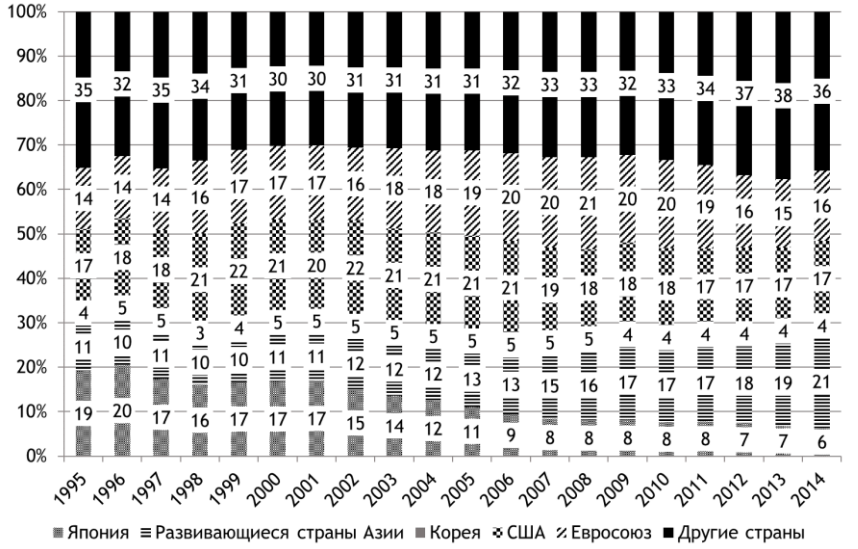

Рис. 8.
Структура экспорта Китая по странам

Источник: [UNCTADstat.., 2015]; расчеты авторов.

В Китае структурная трансформация экономики приводит к изменению структуры не только экспорта, но и импорта. Происходит значительное увеличение доли импорта топлива (с 8 до 28%), в то же время наблюдается снижение доли ввоза в страну сельскохозяйственной (с 12 до 8%) и текстильной продукции (с 8 до 1%) (рис. 9), что обусловлено, в первую очередь, тенденцией увеличения импорта готовой продукции.

В абсолютных значениях наблюдается планомерное увеличение всех статей импорта (табл.). Несмотря на долевое снижение, объем импорта сельскохозяйственной продукции значительно вырос. Внутреннее производство способно обеспечить внутренний спрос, но интеграция в мировую торговлю дает возможность импортировать более качественные товары, чем аналоги, производимые внутри страны.

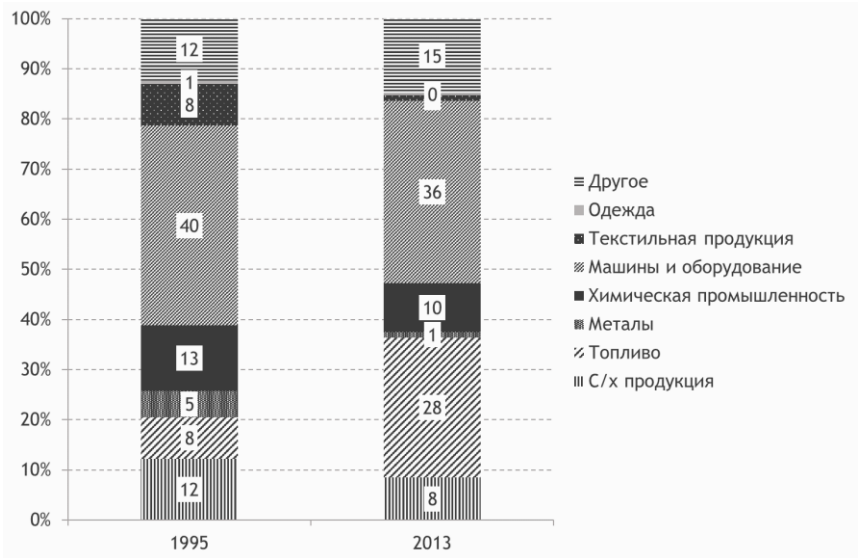

Рис. 9.
Товарная структура импорта Китая
Источник: [WTO Statistics.., 2015]; расчеты авторов.

Одной из важных причин изменения структуры импорта являются правительственные реформы, направленные на

стимулирование потребительского спроса. Китайские власти принимают меры для того, чтобы обеспечить стабильный рынок сбыта внутри страны для собственных товаров, но помимо собственных товаров увеличивается потребление иностранных товаров. Теперь уже сложно говорить о Китае как о чистом экспортере товаров. Важное место в китайской экономике на сегодняшний момент занимают импортируемые товары, причем все более качественные. Увеличение импорта касается всех отраслей готовой продукции.

Таблица

Товарная структура импорта Китая, млрд долл.

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
Сельскохозяйственная продукция	7,85	16,10	19,54	45,19	108,26	165,46
Продукты питания	4,62	9,24	9,04	21,54	59,56	98,65
Топливо	1,26	5,13	20,64	63,95	188,96	315,16
Металлы	2,85	6,88	9,69	26,34	25,05	21,44
Химическая промышленность	6,68	17,30	30,21	77,73	149,42	189,64
Лекарства	0,42	0,41	0,95	2,31	8,03	16,20
Транспорт и оборудование	21,51	52,64	91,93	290,48	549,69	710,70
Автомобили и запчасти	1,80	2,61	3,80	13,55	53,04	78,04
Текстиль	5,29	10,91	12,83	15,50	17,68	21,56
Одежда	0,05	0,97	1,19	1,63	2,52	5,34

Источник: [WTO Statistics.., 2015]; расчеты авторов.

КНР является важным торговым партнером для азиатских стран. С каждым годом все больше увеличивается доля экспорта из стран АТР в Китай. В наибольшей зависимости от Поднебесной находится Южная Корея; в период с 2000 по 2014 г. доля Китая в ее экспорте увеличилась на 15 п.п. Сейчас более 25% всего экспорта из Южной Кореи направлено в Китай. Япония увеличила объемы

экспорта в Китай на 12,3 п.п за тот же период. Сингапур, Филиппины и Малайзия также увеличили поставки в Китай. Доля Китая в экспорте данных стран, по данным за 2014 г., составляет 12,6, 13 и 12% соответственно (рис. 10). В основном увеличивается импорт готовой продукции. В связи с повышением оплаты труда и улучшением социального положения населения в Китае растет внутренний спрос, меняются потребительские привычки. Традиционно рацион питания большей части населения страны был довольно скромным, однако в настоящее время тенденция меняется. В частности, увеличивается потребление мяса, следовательно, увеличиваются закупки продукции или компонентов, необходимых для выращивания скота. Увеличение доходов дает возможность улучшить жилищные условия, в силу чего население начинает больше тратить на товары длительного пользования, товары роскоши.

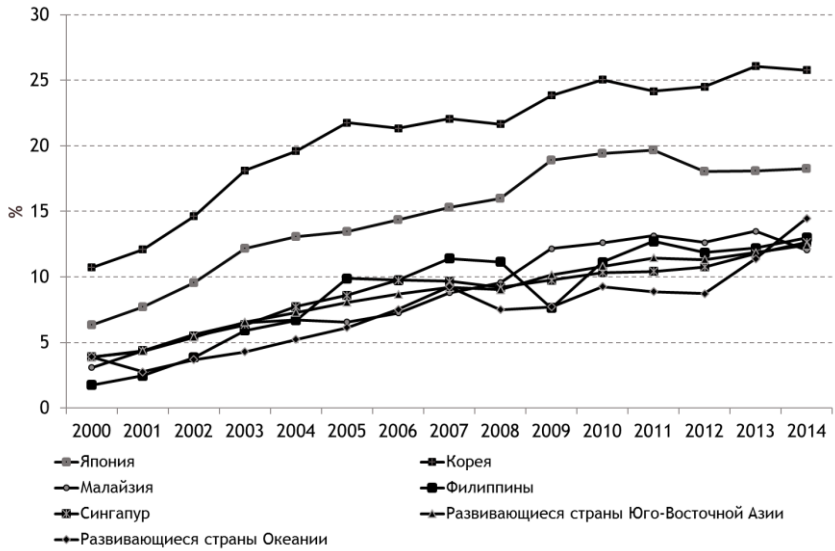

Рис. 10.
Доля экспорта в Китай в общем объеме экспорта отдельных стран Азии (%)

Источник: [UNCTADstat.., 2015]; расчеты авторов.

С ростом заработной платы в Китае меняется производственная база, население переходит на более квалифицированные работы с более высокой оплатой труда. Повышение трудовых издержек является одним из вызовов конкурентоспособности китайской экономики. Модель экономического роста Китая долгое время строилась на основе факторов экстенсивного развития, т.е. на все большем привлечении рабочей силы на производство [Lee, Hong, 2010, p. 25], использовании новых земель и привлечении инвестиций, однако сейчас эти факторы оказываются под угрозой. С одной стороны, растут цены на китайские товары, и многие исследователи уже отмечают, что происходит перенос производства из Китая в менее развитые страны Азиатско-Тихоокеанского региона. С другой стороны, за счет увеличения заработной платы растут богатство населения и внутренний спрос.

Для развития экономики потребительский спрос должен оставаться относительно стабильным в среднесрочной перспективе. Экономика КНР характеризуется низким ростом потребительского спроса, что связано с высокой нормой сбережений в китайском обществе. Существует несколько причин такого положения дел. Во-первых, высокая норма сбережений связана с возможностью закрытия неэффективных государственных предприятий. В таких случаях бывшие сотрудники сталкиваются с необходимостью оплачивать жилье, медицинские расходы, т.е. все то, что раньше оплачивало предприятие. Во-вторых, сама структура плановой экономики способствует сохранению высокой нормы сбережений. Финансовая система Китая по-прежнему основывается на государственном секторе, в стране доминируют государственные банки, которые кредитуют в основном государственные предприятия, и частным фирмам приходится прибегать к экономии средств, поскольку займы на черном рынке имеют очень высокую процентную ставку.

Экономика Китая вступила в период структурных реформ и существенных изменений, что может иметь большое значение для мировой экономики в целом. На сегодняшний момент уже заметны значительные изменения в структуре производства товаров, обозначена тенденция роста цен, начинается перенос производства трудоемких отраслей в более бедные страны. Экономический рост

Китая способствует росту других азиатских экономик. Хотя рано говорить о том, что перенос производства повышает благосостояние развивающихся стран (чему препятствует, в первую очередь, глубокое внутреннее неравенство), тем не менее увеличение производства и торговые связи с таким крупным игроком, как Китай, дают им шанс на социально-экономическое развитие в долгосрочной перспективе.

Важно отметить, что уже сейчас азиатские страны все более активно участвуют в мировой торговле. Это связано не только с увеличением экспортных потоков, но и с развитием торговли внутри стран. Страны Азии никогда прежде не отличались высоким уровнем потребительского спроса, однако в последнее время во всех странах региона отмечается повышение спроса на товары длительного пользования. В период с 2000 до 2015 г. расходы на товары длительного пользования в Китае увеличились в 8 раз. Для сравнения в странах Евросоюза и США затраты на товары длительного пользования увеличились всего на 36 п.п. и 43 п.п. соответственно за последние 15 лет (рис. 11). Безусловно, в абсолютном выражении спрос в Китае значительно меньше, чем в США, однако приближается по значению к данным Евросоюза.

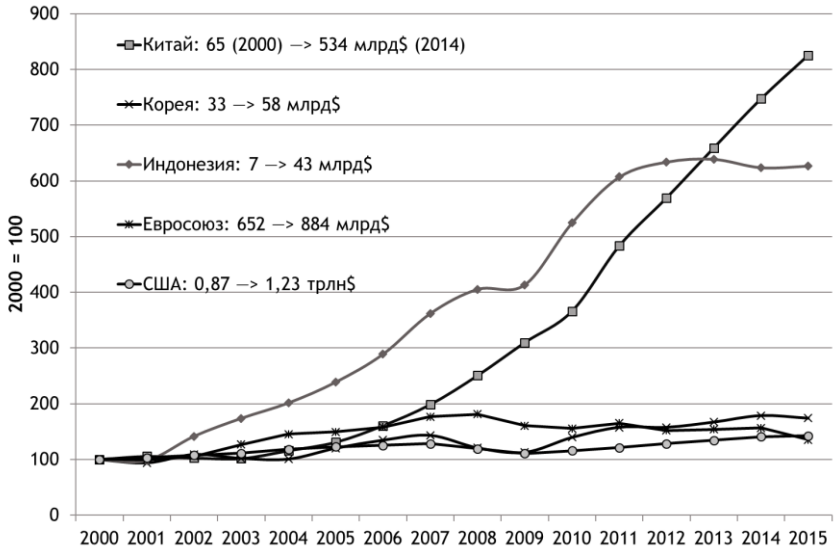

Рис. 11.
Затраты на товары длительного пользования
Источник: [Global market.., 2015]; расчеты авторов.

Причиной потребительского бума в азиатских странах является резкий экономический рост. В Европе и США население уже обеспечило себя всем необходимым, поэтому покупки новых товаров происходят равномерно, когда портятся или ломаются старые. В Азии же население не было избаловано возможностью покупать различные виды товаров и теперь по мере роста доходов начинает совершать разнообразные покупки, приобретая в том числе и товары длительного пользования.

При этом увеличивается зависимость развивающихся азиатских стран от Китая. Данные показывают, что значительная доля экспорта из стран Азиатско-Тихоокеанского региона направлена в Китай, в то время как Китай диверсифицирует экспортные потоки. Азиатский регион является для Китая одним из крупных рынков сбыта продукции, причем его размеры только растут. В самой Поднебесной наблюдается рост благосостояния и изменение потребительских привычек населения, что влечет за собой увеличение импорта готовой продукции и топливных ресурсов.

Перспективы развития Азиатско-Тихоокеанского региона

Несмотря на быстрый экономический рост и интеграцию в мировую торговлю, страны Азиатско-Тихоокеанского региона сильно различаются по уровню жизни и экономическим показателям. Тем не менее их объединяет общая цель – развитие региона. Главным образом речь идет об обеспечении макроэкономической и финансовой стабильности, создании и поддержке программ устойчивого развития, повышении конкурентоспособности, развитии и внедрении инновационных технологий, защите окружающей среды.

Эксперты расходятся во мнениях о том, какой будет Азия через 10, 20 или 30 лет. Регион только вступил в период бурного экономического роста и к чему приведет его нынешнее развитие, точно никто сказать не может. Существует большое количество прогнозов развития региона, выпускаемых авторитетными

исследовательскими центрами, например ООН или Азиатским банком развития, которые отличаются не только статистически, но и концептуально.

С одной стороны, стремительный экономический рост Китая уже сейчас дал импульс развития соседним странам. Как было отмечено выше, в настоящее время страны Азиатско-Тихоокеанского региона переориентируют экспортные потоки. Корея, Япония, Индонезия продают свои товары в Китай. На сегодняшний момент Поднебесная является крупным рынком сбыта. Жители Китая меняют свои потребительские привычки, увеличение дохода позволяет им приобретать товары, привезенные из-за границы. При планомерном развитии своего внутреннего рынка Китай обеспечит рынок сбыта не только для азиатских стран, но и для большинства стран мира. Увеличение стоимости рабочей силы будет все более настоятельно вынуждать Китай обеспечивать вывод производства в менее развитые страны региона, а возможно, и в страны Африки. Уже сейчас Китай реализует успешные инвестиционные проекты на африканском континенте.

Вывод производства из Китая и приток инвестиций может способствовать развитию отстающих стран Азии. Важным условием этого является грамотное распределение инвестиций. Помимо строительства производственных мощностей, например текстильной промышленности, правительства азиатских стран должны будут обеспечить строительство инфраструктуры. Население должно получить необходимый социальный минимум – образование, здравоохранение, пенсии. Таким образом, на фоне экономического роста можно ожидать постепенного улучшения социального положения населения этих стран.

С другой стороны, общий экономический рост не всегда способствует долгосрочному повышению качества жизни всех групп населения. Строительство производственных мощностей, где будут работать люди с низкой квалификацией, может привести к противоположным результатам. Работа, не требующая особых знаний и умений, обеспечит население лишь прожиточным минимумом. Вся прибыль корпораций будет стекаться к владельцам предприятий, доходы от экспорта пойдут в госбюджет. Концентрация доходов в руках собственников может привести к увеличению неравенства.

Коэффициент или индекс (разница в представлении) Джини является наиболее простым и универсальным показателем, отражающим состояние неравенства в стране. Наименьший индекс в Южной Корее (рис. 12): доходы населения в стране распределены достаточно равномерно; эксперты полагают, что в процессе дальнейшего развития индекс увеличится примерно на 1,2 п.п. по сравнению с уровнем 2014 г. Традиционно высокий индекс, свидетельствующий о неравномерном распределении доходов, наблюдается в Китае. В 2014 г. значение индекса составило 46,9%; в соответствии с прогнозом, к 2030 г. произойдет незначительное снижение. Тенденции снижения неравенства в прогнозном периоде также заметны в Малайзии и на Филиппинах. В Индонезии и во Вьетнаме наблюдается обратная ситуация. С повышением доходов в период экономического роста в Индонезии и во Вьетнаме увеличивается показатель неравенства, следовательно, имеет место неравномерное распределение доходов и еще большее расслоение населения.

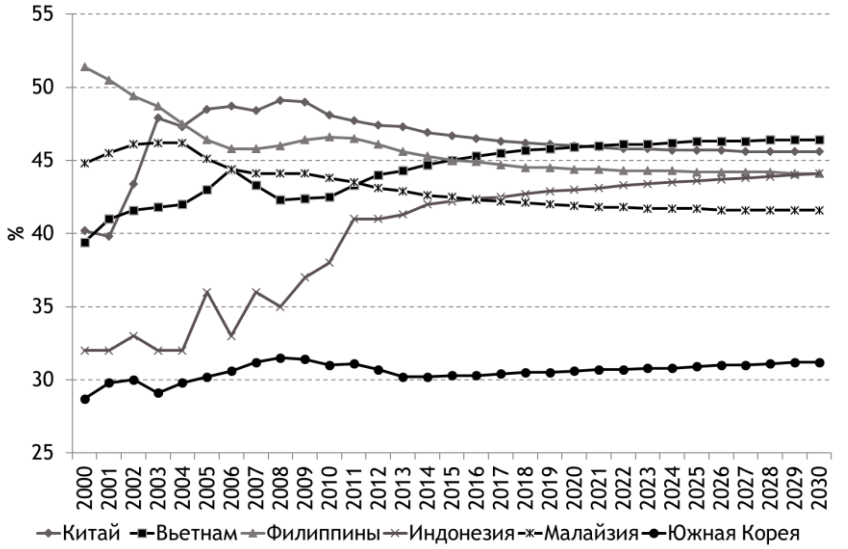

Рис. 12.
Индекс Джини, 2000–2030 (прогноз)

Источник: [Global market.., 2015]; расчеты авторов.

При составлении прогноза развития всего региона невозможно обойти стороной развитие наиболее крупного игрока – Китая. Эксперты строят предположения о том, какими будут дальнейшие темпы роста экономики Китая, в какой момент экономика Поднебесной обгонит по объему реального ВВП экономику США, что будет с экологической ситуацией в регионе и в мире.

В 2014 г. темп экономического роста Китая замедлился, но все равно остался довольно высоким по сравнению с общемировым. Правительство КНР планирует дальнейшее развитие экономики страны. Главная цель – переход от экстенсивного роста к интенсивному. Это особенно актуально ввиду удорожания рабочей силы. Следствием увеличения оплаты труда может стать снижение экспорта из-за повышения себестоимости товаров. Уже отмечалось, что трудоемкие производства переносятся в менее развитые страны. Задача Китая – увеличение внутреннего спроса. Конечно, потребительские привычки населения Поднебесной постепенно меняются, но все-таки большая часть жителей страны до сих пор старается сберегать доходы, а не тратить на текущие нужды.

Вместе с экономическим ростом в Китае увеличилась норма накопления. По данным Euromonitor International, норма накопления в 2014 г. составила 46% (рис. 13). При этом потребление остается на очень низком уровне. По данным на 2014 г., потребление в Китае находилось на уровне 36,8% от ВВП. Эксперты прогнозируют, что к концу 2030 г. эта доля увеличится до 42%, что по-прежнему останется недостаточным при столь активном экономическом росте.

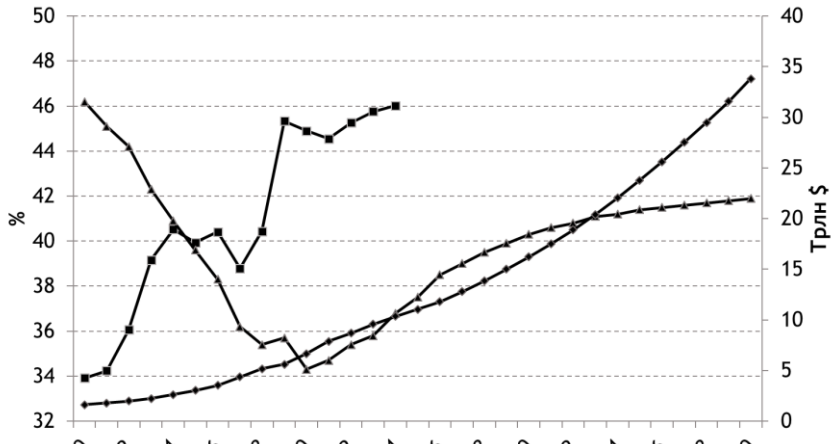

Рис. 13.
Норма накопления, потребительские расходы в % от ВВП, ВВП Китая, 2000–2030 (прогноз)
Источник: [Global market.., 2015]; расчеты авторов.

Говоря о Китае, многие ученые указывают на возможную смену социально-экономической модели его развития, однако экономические показатели не подтверждают этих предположений. Невозможно говорить о смене модели развития Китая, пока норма накопления в стране значительно больше нормы потребления. Реальная смена социально-экономической модели произойдет, когда норма потребления будет не ниже 45% от ВВП, при этом норма накопления снизится до 35%. Тогда Китай сможет обеспечить достойный рынок сбыта собственных и импортных товаров.

Характер внутреннего развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона остается неоднозначным. Однако почти все эксперты указывают на увеличение значимости Азии в мире – уже сейчас это ключевой игрок на международных рынках. Прогнозируется, что в будущем доля региона будет только расти.

По данным на 1990 г., ВВП Китая составлял около 3% от общемирового, в 2014 г. его доля увеличилась до 13%. По прогнозу экспертов Euromonitor International, к 2030 г. доля Китая увеличится до 17% и практически сравняется с долей США. В свою очередь, доля Соединенных Штатов в мировом ВВП к 2030 г., наоборот, снизится на 11 п.п. по сравнению с 1990 г. и составит 18%. Следует также заметить, что не только Китай наращивает темпы роста. Доля всего Азиатско-Тихоокеанского региона (без учета Китая) постоянно увеличивается. В 1990 г. ВВП региона составлял около 3% от мирового ВВП, в 2010 г. его доля возросла до 10%, а в 2030 г. может достичь 15% (рис. 14).

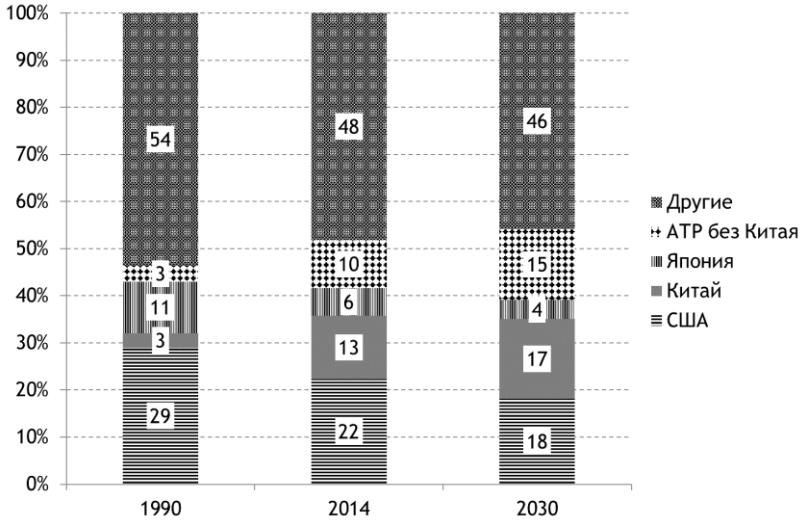

Рис. 14.
Доля стран в мировом реальном ВВП, прогноз до 2030 г.

Источник: [Global market.., 2015]; расчеты авторов.

Конечно, данный прогноз отражает средний показатель. В реальности доля АТР в мировом ВВП может оказаться как выше, так и ниже. Эксперты расходятся во мнениях, за счет чего в дальнейшем будет обеспечиваться рост Азии. Вопросами, требующими решения, остаются проблемы энергетики и экологии. Сегодня основным топливным ресурсом Китая является уголь по причине его доступности и дешевизны добычи. Экологическая ситуация в регионе и в мире вызывает серьезное беспокойство ученых, в связи с чем высказываются мнения, что Китаю необходимо оптимизировать производство. Насколько это будет выгодно руководству страны, пока неясно, а потому существует несколько сценариев развития ситуации (рис. 15). Самый оптимистичный прогноз представило Международное энергетическое агентство: по их мнению, к 2040 г. ежегодное потребление угля в Китае будет меньше 2000 млн т у.э.[1] Самый пессимистичный сценарий предложили эксперты из Администрации энергетической

[1] *Тонна угольного эквивалента (т у.э.) соответствует одной тонне условного топлива (т у.т.), или 29,3 Дж/кг.*

информации США: по их прогнозу, пик потребления угля в Китае придется примерно на 2035 г. и составит почти 4500 млн т. у.э.

Прогнозы потребления энергоресурсов составляются с учетом множества факторов. В частности, в соответствии с двусторонней договоренностью между правительствами США и КНР пик потребления угля должен быть достигнут до 2030 г., что подразумевает существенное снижение доли угля в общем топливно-энергетическом балансе Китая.

Заключение

Процесс перестройки мировой экономики продолжается, и экономическое развитие АТР меняет свою структуру. Разумеется, дальнейшее развитие региона зависит от стабильного роста экономики Китая, которая в настоящее время также претерпевает серьезные изменения. В первую очередь, речь идет о повышении оплаты труда в Китае и законодательном установлении минимальной заработной платы на его предприятиях. Ситуация напоминает положение дел в Сингапуре в конце прошлого века, когда многие крупные компании начали выводить производство из Сингапура именно по причине увеличения трудовых издержек. То же самое происходит сейчас в Китае – стране, обеспечивающей значительную часть мирового производства. Мировой экономике придется адаптироваться к подобным изменениям. Некоторые компании переносят свое производство в менее развитые страны, например во Вьетнам и Камбоджу. Китай старается стимулировать внутренний спрос, который сможет покрыть вероятное снижение экспортных потоков. В связи с этим мы можем прогнозировать в ближайшем будущем изменение роли Китая в мировой экономике по причине снижения экспорта и увеличения импорта и перестройку процесса производства в АТР.

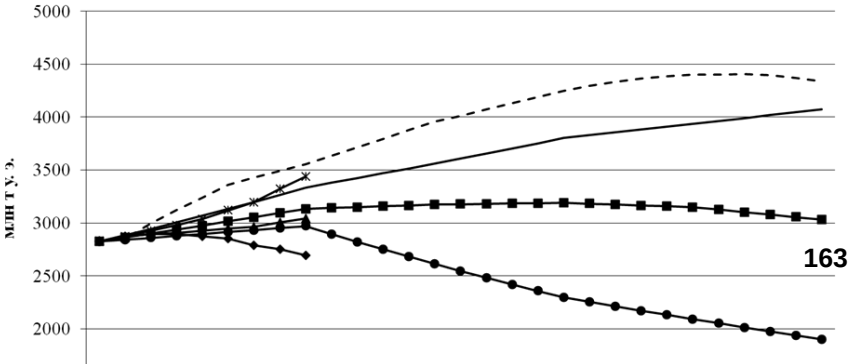

Рис. 15.
Прогнозы потребления угля в Китае (2012–2040)

Источники: [Beyond China.., 2015, p. 28; International energy.., 2013, p. 86; World energy.., 2014, p. 102].

Экономический рост Азиатско-Тихоокеанского региона предлагает исследователям больше вопросов, чем ответов. Прогнозы развития региона разительно отличаются друг от друга. Никому не известно, что произойдет с экономикой Азии в ближайшем будущем. Возможно, на международную арену выйдут новые страны, способные повторить японское «экономическое чудо». Другой вариант развития событий учитывает вероятное увеличение неравенства в азиатских странах в предположении, что экономический рост не будет способствовать улучшению внутренней ситуации. Новый порядок разделения труда в АТР с ориентаций экономик региона на быстрый рост и поставку товаров на рынок Китая дает странам Азии новые возможности для дальнейшего социально-экономического развития. Точные характеристики будущей ситуации определить сложно, тем более что все сложней предсказать перспективы развития Китая. Единственное, в чем сходятся все эксперты, – это увеличение значения Азии в мире.

Список литературы

Григорьев Л.М., Кульпина В.П. Перспективы Китая как драйвера мировой экономики и региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – С. 45–69.

Beyond China: The future of the global natural resources economy / Szpakowski I., Morse E.L., Malkani R., Wei Zheng Kit, Luna S., Cowan D., Smith R.P., Morse R., Soussa F. / Citigroup Inc. – N.Y., 2015. – 96 p. – Mode of access: https://ir.citi.com/YKlhRfXloRZEbm0wUqw%2F7EiVQDPa7i753k0JTTV290PdK6BOJjtzWjfQORy%2Brarjz7MdGu4JblA%3D (Дата обращения – 20.09.2015).

Economic and social survey of Asia and the Pacific: 2013 Year-end update / UN; ESCAP. – Bangkok, 2013. – December. – 34 p. – Mode of access: http://www.unescap.org/sites/default/files/yearend-update2013.pdf (Дата обращения – 20.09.2015).

Global market information database: Economics and consumers / Euromonitor International. – 2015. – Mode of access: http://proxylibrary.hse.ru:2077/portal/statistics/tab (Дата обращения – 01.10.2015. – По подписке библиотеки НИУ ВШЭ).

International energy outlook 2013 / U.S. energy information administration. – Wash., 2013. – July. – 300 p. – Mode of access: http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484(2013).pdf (Дата обращения – 20.09.2015).

Lee J.-W., Hong K. Economic growth in Asia: Determinants and prospects / Asian development bank. – Mandaluyong, 2010. – September. – (ADB economics working paper series; N 220). – 30 p. – Mode of access: http://www.adb.org/sites/default/files/publication/28424/economics-wp220.pdf (Дата обращения – 20.09.2015).

Perkins D.H. East Asian economic growth and its implications to national security // Asia-Pacific review / Institute for international policy studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2007. – Vol. 14, Issue 1. – P. 44–53.

UNCTADstat: Data center: UN conference on trade and development. – 2015. – Mode of access: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx (Дата обращения – 20.09.2015).

World DataBank: Global economic monitor (GEM) / The World bank. – 2015. – Mode of access: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=global-economic-monitor-(gem) (Дата обращения – 20.09.2015).

World DataBank: World development indicators / The World bank. – 2015. – Mode of access: http://databank.worldbank.org/data/reports. aspx?source=world-development-indicators (Дата обращения – 20.09.2015).

World energy outlook 2014 / International energy agency. – L., 2014. – November. – 712 p. – Mode of access: http://www.worldenergyoutlook.org/publications/weo-2014/ (Дата обращения – 20.09.2015).

WTO Statistics database: Time series / WTO. – 2015. – Mode of access: http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBStatProgramSeries.aspx?Language=E (Дата обращения – 20.09.2015).

И.А. Сафронова

Новый экономический порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Китайская версия

Аннотация. *В статье анализируется политика региональных лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона в экономической и политической сферах, сформировавшая определенный экономический порядок в регионе, а также процесс кристаллизации новой китаецентричной региональной экономической модели.*

Abstact. *The article analyzes the policies of the Asia-Pacific regional leaders, which led to the establishment of a particular economic order in the region, as well as the process of transition to a new Sino-centric model of regional econoty.*

Ключевые слова: *Китай, Япония, АСЕАН, АТР, Восточная Азия, экономический порядок, интеграция.*

Keywords: *China, Japan, ASEAN, Asia Pacific region, economic order, integration.*

Экономический рост Китая находился в фокусе многочисленных исследований последние 20 лет. Если раньше основным предметом дискуссий в научном сообществе были перспективы экономического роста страны и его последствия для регионального развития, то в настоящее время дискурс сместился: в центре внимания сегодня находится движение Китая в сторону статуса первой экономики мира и перспективы превращения юаня в резервную международную валюту. Однако к таким изменениям не готовы многие страны региона, в первую очередь США, которые сами

претендуют на роль «строителя» экономического порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Важной особенностью формирования регионального экономического порядка в XX в. стал стабильно высокий рост экономик Восточной Азии, благодаря чему регион сделался центром глобальной экономики. Бурный экономический рост Японии, Республики Корея, а затем стран Юго-Восточной Азии и Китая превратил Восточную Азию в экономический локомотив глобализированной мировой экономики. Однако такая роль уже не устраивает азиатские страны в XXI в.: теперь они готовы создавать новые правила, новый экономический порядок, который будет способствовать соблюдению их основополагающих интересов, в том числе в области безопасности, и гарантирует им дальнейший экономический рост, а также рост благосостояния их населения.

Если в послевоенный период в регионе интенсифицировались процессы интеграции, регионализации и преобразования разнообразных форм экономического взаимодействия, которые в целом и являлись базисом экономического роста Азиатско-Тихоокеанского региона в конце XX и начале XXI в., то возможность существенных изменений в дальнейшем развитии АТР связана с новой ролью Китая, претендующего на место не только регионального политического лидера, но и будущей глобальной державы. Вместе с тем Китай все яснее осознает, что ранее выстроенная модель экономического порядка в регионе не отвечает его новым потребностям, притом что международные финансовые институты пока не торопятся пересматривать свои правила с учетом интересов КНР. Все это побуждает Китай предлагать новые формы сотрудничества, постепенно меняя уже сложившийся экономический порядок в регионе.

Формирование регионального порядка в послевоенный период

Анализируя процесс становления Азиатско-Тихоокеанского регионального экономического комплекса, стоит уделить внимание не только процессам интеграции и регионализации, которые обеспечивали стабильный экономический рост стран АТР

на протяжении десятилетий, но и восточноазиатской модели модернизации экономической и политической системы, которая сформировалась во многом благодаря японскому опыту.

Сразу после окончания Второй мировой войны Япония в течение шести лет пребывала под протекторатом США, которые пытались направить ее развитие таким образом, чтобы обеспечить в будущем собственную безопасность. Определенные коррективы в планы по созданию нового имиджа Японии внесли международные реалии того времени – в регионе шел активный процесс разделения государств по идеологическому признаку. СССР и Китай были странами коммунистического лагеря, начавшаяся война на Корейском полуострове, приведшая к обострению региональной обстановки, заставила США искать в регионе надежных союзников, поэтому Вашингтон стал оказывать помощь Японии в восстановлении экономики. В контексте программ ГАРИОА и ЭРОА[1] с 1945 по 1952 г. страна получила продовольственную и финансовую помощь в размере 2 млрд долл.

Значительным преобразованиям подверглась и политическая система страны. Была принята новая Конституция, полностью исключавшая для Японии возможность ведения военных действий и использования вооруженных сил как средства разрешения международных конфликтов. Государственные организации были реструктурированы во избежание дальнейшего распространения милитаристских идей, государственный синто[2] отменен директивой «Об отмене государственного покровительства, сохранения и распространения государственного синто».

Уже в середине 1950-х годов в Японии возобновился экономический рост, обусловленный, в первую очередь, значительным увеличением нормы накопления капитала, обновлением производственного оборудования и внедрением новых современных технологий. В это же время кабинет министров

[1] *ГАРИОА (правительственные ассигнования для оказания помощи на оккупированных территориях) и ЭРОА (экономическое восстановление оккупированных территорий) – основные американские фонды, осуществлявшие поставки продовольственных товаров в Японию.*

[2] *Государственный синто – традиционная религия Японии, получившая статус государственной во время Реставрации Мэйдзи (1868–1889).*

страны выступил с новой идеей о возвращении Японии на рынки Юго-Восточной Азии и постепенном сокращении экономической и политической зависимости от США. Но реализация нового экономического плана осложнялась политическим давлением во время переговорного процесса о репарационных выплатах, непомерных для японской стороны. С 1956 по 1958 г. требуемые выплаты все же были произведены путем поставок товаров и услуг. После нормализации отношений со странами Индокитая для Японии открылась возможность фактически беспрепятственного проникновения на внутренние рынки данных государств.

С 1960 по 1970 г. правящая коалиция во главе с новым министром финансов Хаято Икэда успешно претворила в жизнь «план удвоения национального дохода», основной целью которого было увеличение темпов экономического роста страны и повышение конкурентоспособности товаров японского производства. В 1970 г. Япония стала второй экономикой мира. Успех, достигнутый этой азиатской страной, как и модель экономической модернизации, послужили примером для проведения экономических реформ в других странах Восточной Азии.

Внешнеэкономические связи Японии с азиатскими партнерами выстраивались согласно концепции «Стая летящих гусей», адаптированной к текущему положению дел и международному разделению труда в странах Юго-Восточной Азии. По мнению экономиста Канамэ Акаматсу[1], большинство восточноазиатских стран могли бы повторить экономические успехи западных стран, если их внешнеторговые связи будут выстроены согласно определенной региональной иерархии: промышленное производство должно перемещаться из развитых стран в развивающиеся [Kojima, 2000]. Теоретически модель выглядела следующим образом: во главе «стаи» находилась Япония; уровнем ниже располагались новые индустриальные страны – Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг;

[1] *Канамэ Акаматсу – японский экономист, разработавший в 1932 г. модель «Стая летящих гусей» как альтернативу экспансионистской милитаристской политике, направленной на захват стран Восточной Азии.*

следующий уровень занимали страны АСЕАН[1] – Индонезия, Филиппины, Таиланд и Малайзия; последними в цепочке оставались наименее развитые страны того времени – Китай и Вьетнам. Задача «лидера» заключалась в постоянной передаче уже устаревших технологий менее развитым странам, а место «лидера» в «стае» определялось тем, что сама модель его экономического развития являлась определенным паттерном для воспроизводства другими странами. Процесс реализации этой экономической модели происходил в несколько этапов: на первом этапе страны третьего уровня увеличивали экспорт тех групп продуктов, товаров и услуг, на которых они специализировались, получая в обмен высокотехнологичную продукцию из стран второго уровня. На втором этапе каждая из стран третьего уровня запускала внутри своей страны процесс производства товаров и услуг, которые ранее импортировались, тем самым повышая покупательную способность населения, при этом внутреннее производство стимулировалось государственным регулированием. На третьем этапе наряду с увеличением экспорта и качественным ростом отечественного производства происходил импорт высоких технологий из стран первого уровня.

В послевоенное время Япония подала пример модернизации экономической системы другим восточноазиатским странам, а растущая внешнеэкономическая взаимозависимость стала основой развития интеграционного процесса в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако экономического сотрудничества между странами региона было недостаточно для реализации дальнейшей интеграции. Весомым поводом для углубления интеграционных процессов послужила продолжительная война во Вьетнаме (1954–1975), которая заставила региональных политиков вспомнить как об общем колониальном прошлом своих стран, так и о растущих амбициях великих держав того времени – СССР, Китая и США.

8 августа 1967 г. в Бангкоке министры иностранных дел Сингапура, Малайзии, Таиланда, Индонезии и Филиппин подписали учредительную декларацию об образовании

[1] *АСЕАН – Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, образованная в 1967 г., в которую сейчас входит десять стран – Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Бруней, Вьетнам, Таиланд, Лаос, Мьянма, Камбоджа.*

Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [The Asean declaration.., 1967]. В Бангкокской декларации были указаны три ключевых направления деятельности ассоциации: обеспечение военно-политической стабильности региона, экономическое сотрудничество между странами-участницами и развитие национальных экономик. Также были обозначены факторы, препятствующие реализации целей и задач декларации по стабильному развитию государств: экономическая отсталость региона, сложности, возникающие при встраивании в международную систему разделения труда, дефицит энергетических ресурсов. Но основное значение декларации заключалось в том, что страны – участницы АСЕАН определили четкий план развития ассоциации, направленный на формирование границ интеграционного проекта и его экономических ориентиров.

Важной вехой в укреплении ассоциации стало проведение первого саммита стран – участниц АСЕАН в 1976 г. в Индонезии [The declaration of ASEAN.., 1976], на котором был подписан стратегически важный Договор о дружбе и сотрудничестве [Treaty of amity.., 1976] – государства-члены впервые выступили с общей позицией по развитию ассоциации и заявили о возобновлении деятельности по углублению экономического сотрудничества между странами региона. Окончание войны во Вьетнаме, смена правительств в Лаосе и Камбодже, а также окончательная стабилизация политической ситуации в Индокитае ознаменовали собой завершение этапа строительства фундамента для дальнейшего регионального и экономического сотрудничества государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

В 1980-х годах XX в. завершается процесс передислокации производства товаров в страны Индокитая и начинается новый этап роста взаимозависимости между странами Восточной Азии, основанной на финансово-валютных операциях. В значительной степени этот процесс регулировался только двумя странами – Японией и США. Однако растущее производство качественных и относительно дешевых японских товаров, поставляемых в США, быстро снизило конкурентоспособность американских товаров на внутреннем рынке, что не отвечало американским экономическим

интересам, связанным с развитием Азиатско-Тихоокеанского региона.

В 1985 г. было подписано знаковое Плазское соглашение между Японией, США и ФРГ, предполагавшее девальвацию доллара по отношению к иене. Уже к концу 1985 г. страны АСЕАН получили дополнительный экспорт капитала и начали выстраивать сотрудничество между государственными институтами и частными компаниями.

Другим интеграционным проектом в АТР стало АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество), инициатором создания которого являлись США, осознавшие, что с развитием интеграционной группы АСЕАН, на фоне все более углубляющейся взаимозависимости между странами Восточной Азии их влияние на экономические процессы в регионе начинает падать. АТЭС – организация экономического сотрудничества, которая на сегодняшний день включает в себя 21 экономику, при этом охватывая весь АТР. Формат форума оказался выгодным не только для Вашингтона, но и для стран южной части Тихого океана, которым форум предоставил возможность полноправного диалога с большинством восточноазиатских стран. США были уверены в способности данного проекта составить достойную конкуренцию деятельности АСЕАН и со временем стать единственной площадкой, формирующей экономический порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В начале 1990-х годов Япония столкнулась с серьезными экономическими проблемами, которые до сих пор оказывают влияние на экономику страны. Замедление экономического роста и глубокий внутренний кризис заставили японское правительство сместить фокус с регионального на внутреннее развитие, освободив место для нового «координатора» экономических процессов в АТР. Роль Японии как страны-агрессора во Второй мировой войне также препятствовала ее долгосрочному пребыванию на месте «лидера», поскольку ее дальнейшие действия могли быть восприняты большинством азиатских стран как новая попытка политического доминирования.

Участие Китая в процессах интеграции и регионализации в АТР

Развитие Китая не было столь стремительным, как у его восточного соседа. Вплоть до 1979 г., когда были впервые озвучены экономические предложения Дэн Сяопина, направленные на открытость внешнему рынку, увеличение инвестиций и снижение административного контроля, Китай был бедной, закрытой от мирового рынка страной. Внешняя торговля ограничивалась покупкой лишь тех товаров, которые не могли быть произведены в Китае. Главной целью, которую желало достичь китайское правительство того времени, была самодостаточность китайской экономики. Поскольку в стране господствовала централизованная командная экономика, не стимулирующая ни рабочих, ни фермеров, ограничивающая развитие частного предпринимательства и производство качественной высокотехнологичной продукции, правительству предстояло разработать и внедрить рыночные механизмы.

В чем заключались основные идеи экономических реформ 1979 г.? Во-первых, Китай должен был открыться внешнему миру – на восточном побережье были созданы четыре свободные экономические зоны в городах Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямынь, для которых были установлены налоговые и торговые льготы, способствующие привлечению иностранных инвестиций и увеличению импорта высокотехнологичной продукции в Китай; во-вторых, была предпринята попытка децентрализации экономики путем перераспределения контролирующих функций между центральной властью и органами местного самоуправления; в-третьих, правительство сняло государственный контроль над ценами.

Неукоснительное выполнение данных мер на протяжении 30 лет было достаточным для достижения средних темпов экономического роста в 8% в год. В начале 1990-х годов многие эксперты начали обсуждать перспективы развития и влияние КНР на региональный и глобальный порядок, однако большинство

говорили о вероятности попадания Китая в «ловушку среднего дохода»[1] и постепенного входа экономики КНР в фазу стагнации.

Активное участие Китая в региональных экономических процессах началось с конца 1990-х годов, когда китайское руководство пришло к пониманию того, насколько неразрывно экономики региона стали взаимосвязаны между собой. В тот же период начался глубокий экономический кризис в Азии, который в силу закрытости КНР от внешнего рынка не оказал столь разрушительного воздействия на китайскую экономику, как на другие экономики региона. Азиатский кризис обозначил и окончание воспроизводства модели «Стая летящих гусей».

Экономический кризис 1997 г. способствовал углублению взаимодействия АСЕАН и трех стран Северо-Восточной Азии – Японии, Китая, Республики Корея. Обвал национальных валют Таиланда, Республики Корея, падение экономических показателей государств Юго-Восточной Азии указали на прочную взаимозависимость экономик субрегионов друг от друга. Уязвимость финансовых систем государств АСЕАН и неспособность институциональных органов ассоциации, отвечающих за экономическое развитие АСЕАН, предпринять должные ответные действия для преодоления экономического кризиса и его последствий, выявили ряд серьезных проблем при взаимодействии стран АСЕАН с ближайшими экономическими партнерами по региону в кризисных ситуациях. Преодолением последствий азиатского кризиса занимался также Международный валютный фонд, предписания которого тоже не принесли ожидаемого результата [Подъем после азиатского.., 2000].

Объединение усилий стран АСЕАН, Японии, Китая и Республики Корея в борьбе с финансовым кризисом привело к формированию нового инструмента по коллективной защите экономических систем государств Восточной Азии – «АСЕАН+3».

Первый саммит «АСЕАН+3» состоялся в декабре 1997 г. в Куала-Лумпуре [Joint statement.., 1997]. Повестка саммита была сформирована с учетом требований по борьбе с последствиями

[1] *Ловушка среднего дохода – экономический термин, объясняющий стагнацию экономического роста государства при достижении определенных показателей ВВП на душу населения.*

азиатского кризиса. Во время переговоров лидеры государств пришли к единогласному мнению о необходимости предпринять усилия по урегулированию кризиса и выработке коллективных механизмов и мер для финансового регулирования.

В качестве мер по преодолению кризиса японская сторона представила план по созданию первого Азиатского валютного фонда, уставной капитал которого должен был составить 100 млрд долл. Подразумевалось, что фонд будет оказывать помощь финансовым системам государств – членов АСЕАН в случае проведения спекулятивных атак. Но будущая работа фонда могла составить серьезную конкуренцию деятельности МВФ и ослабить его позиции в регионе, поэтому реализация данного плана не получила поддержки в Вашингтоне.

Перед началом второго саммита «АСЕАН+3» японская сторона предложила «Новую инициативу Миядзавы» [A new initiative.., 1998]. Структурно эта инициатива включала в себя три комплекса необходимых мер для преодоления последствий азиатского кризиса. Долгосрочная помощь финансовым системам заключалась в реструктуризации корпоративного долга для стабилизации финансовых систем, реализации государственных программ по повышению занятости населения и развитию малых и средних предприятий. Меры финансовой поддержки включали предоставление прямой финансовой помощи от японской стороны, страхование банковских кредитов, обеспечение гарантий банковским кредитам со стороны Всемирного банка (ВБ) и Азиатского банка развития (АБР), создание международного учреждения с приоритетным азиатским направлением. Краткосрочная поддержка состояла в выделении 15 млрд долл. при проведении экономических реформ и осуществлении тесного сотрудничества со странами АТР и «большой семерки» (G7) для реализации инициативы. Центральные банки азиатских стран воспользовались предложением о заключении своповых валютных сделок объемом в 30 млрд долл. [Statement.., 1998] (Малайзия – 2,5 млрд долл. [Japanese financial.., 1999 b; Japanese financial.., 1999 c], Южная Корея – 1 млрд долл. [Japanese financial.., 1999 a]).

На втором саммите «АСЕАН+3», проведенном в Ханое в 1998 г., стороны обменялись мнениями о преодолении трудностей и последствий финансового кризиса. Страны тройки также

обязались содействовать финансовой стабильности стран АСЕАН, ранее принявших Ханойский план действий по преодолению финансовых кризисов и содействию экономическому развитию [Hanoi plan.., 1998].

На третьем саммите в Маниле в 1999 г. лидеры стран АСЕАН, Японии, Китая и Республики Корея подписали итоговое соглашение о межгосударственном сотрудничестве в Восточной Азии, в котором выразили коллективное согласие на углубление кооперации в экономической, политической и культурной сферах [Joint statement.., 1999]. Соглашение зафиксировало достигнутый консенсус по развитию многоуровневого сотрудничества, что значительно интенсифицировало процесс взаимодействия между государствами.

По итогам первых трех саммитов «АСЕАН+3» были четко очерчены приоритетные сферы сотрудничества:

– создание регулятивных механизмов для повышения финансовой стабильности в регионе;

– экономическое развитие региона за счет финансовой стабильности;

– интеграция финансовых систем стран Восточной Азии.

Для укрепления финансовой стабильности региона была разработана Чиангмайская инициатива. В мае 2000 г. на 33-м заседании Совета управляющих АБР страны АСЕАН, Япония, Китай, Республика Корея собрались для обсуждения сети двусторонних валютных своп-соглашений, которые в будущем помогли бы избежать повторения азиатского кризиса. Чиангмайская инициатива предполагала создание валютного резервного пула и участие национальных банков в борьбе с валютными спекуляциями. Позже, на саммите в Сингапуре, страны изъявили желание начать работу над концепцией о единой зоне свободной торговли (ЗСТ) между странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Эта ЗСТ должна была объединить ЗСТ АСЕАН и соглашения о ЗСТ с каждой страной СВА (так называемые соглашения «АСЕАН+1») [The fourth ASEAN.., 2000].

На встрече министров финансов «АСЕАН+3» в Шанхае в 2002 г. страны сделали заявление о достижении большого прогресса в подписании двусторонних своп-соглашений, совокупный размер которых к тому времени составлял 17 млрд

долл. [Joint ministerial.., 2002]. Важное преобразование Чиангмайской инициативы произошло в 2009 г., когда страны «АСЕАН+3» договорились увеличить резервный валютный пул с 78 млрд долл. до 120 млрд долл. [Joint media.., 2009], а на встрече министров финансов «АСЕАН+3» был установлен размер вносимых средств от каждой страны [Chairman's statement of the 10 th.., 2009]. Основатели АСЕАН – Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины – выделили по 4,77 млрд долл., остальные страны – члены АСЕАН обязались выделить сумму от 30 млн долл. до 1 млрд долл. Индивидуальные вклады Японии и Республики Корея составили по 19,2 млрд долл. Самый большой взнос сделал Китай – 38,4 млрд долл. В 2012 г. валютный пул был снова увеличен – со 120 млрд до 240 млрд долл. [Joint media.., 2012].

Встреча министров финансов в 2009 г. подтвердила эффективность Чиангмайской инициативы и выстроенную систему мероприятий по преодолению экономических кризисов. Слаженный формат взаимодействия позволил говорить и об углублении сотрудничества на уровне «АСЕАН+1». Таким образом, сложилась благоприятная среда для формирования зон свободной торговли.

Первой страной, реализовавшей формат сотрудничества «АСЕАН+1», стал Китай. В 2002 г. страны АСЕАН подписали соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве, включающее в себя создание ЗСТ с Китаем [Framework agreement.., 2002]. Япония, стараясь не уступать своему основному региональному конкуренту, подписала ряд важных документов об экономической кооперации и создании зоны свободной торговли, но только с Сингапуром [Joint statement.., 2003; The Japan–Singapore.., 2002].

Именно в период создания ЗСТ со странами АСЕАН Япония и Китай продемонстрировали свое разное видение процесса экономической интеграции не только в Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Хотя «АСЕАН+3» всегда действовал только в рамках экономической сферы, присутствие двух главных региональных держав и их давнее противоборство сказывалось и на обсуждении политических вопросов. Объединение участников в формате «АСЕАН+3» так или иначе провоцировало обсуждение политического будущего региона.

Формат экономического взаимодействия «АСЕАН+3» нельзя назвать новой интеграционной структурой в восточноазиатском регионе. Спустя 15 лет после кризиса можно с уверенностью говорить о том, что «АСЕАН+3» оказался хорошим базисом для дальнейшей трансформации многостороннего экономического сотрудничества, однако государства АСЕАН играют главенствующую роль в развитии интеграционного строительства, в то время как Японии, Китаю и Республике Корея отведены второстепенные роли ассоциированных членов.

В 2011 г. страны «АСЕАН+3» сделали еще один важный шаг для укрепления финансовой системы региона – на саммите министров финансов в Индонезии был принят проект по созданию Офиса макроэкономических исследований «АСЕАН+3» (AMRO) [Joint media.., 2011]. Главная задача офиса состояла в осуществлении мониторинга и анализа макроэкономических данных региональных экономик, позволяющих своевременно сигнализировать о необходимости принятия мер для предотвращения кризисов и эффективного исполнения Чиангмайской инициативы [Joint ministerial.., 2011]. Офис осуществляет различные функции в зависимости от экономической обстановки в странах «АСЕАН+3»: в период экономической стабильности – подготовка докладов о макроэкономических показателях «АСЕАН+3» и каждой страны в отдельности; в кризисный период – анализ экономического и финансового положения стран Чиангмайской инициативы, контроль за выделением и эффективным использованием средств в рамках инициативы и выделением кредитов странам «АСЕАН+3».

На встрече министров финансов и глав центральных банков в 2013 г. страны договорились о преобразовании Офиса макроэкономических исследований «АСЕАН+3» в международную организацию, повышающую эффективность работы по финансовому сотрудничеству «АСЕАН+3» [Joint statement.., 2013]. При этом Офис макроэкономических исследований «АСЕАН+3» будет и дальше развивать сотрудничество с международными и региональными организациями – Азиатским банком развития, МВФ, Банком международных расчетов.

Процесс расширения интеграции в Восточной Азии и дополнительное влияние на него конкуренции между Японией и

Китаем не могли не сказаться на последующих идеях регионального взаимодействия. Начиная с 2000-х годов Китай полностью перехватил у Японии инициативу по развитию интеграционного процесса в Восточной Азии. Кроме того, лидеры стран АСЕАН полагали, что для успешной работы по региональному экономическому взаимодействию необходимо пригласить к сотрудничеству Австралию, Новую Зеландию, Индию. На саммите «АСЕАН+3» в 2000 г. та же инициатива была высказана южнокорейской стороной. После этого лидеры 13 государств инициировали создание Восточноазиатской рабочей группы для работы над концепцией «Видение ВАС» и подготовки первого Восточноазиатского саммита (ВАС) [Summary.., 2000]. В 2004 г. в Лаосе лидеры стран АСЕАН приняли решение о проведении Восточноазиатского саммита [Chairman's statement of the 8 th.., 2004]. Год спустя, в декабре 2005 г., на саммите «АСЕАН+3» в Куала-Лумпуре была принята инициатива о расширении «АСЕАН+3» до 13 членов с включением Австралии, Новой Зеландии, Индии (формат
«АСЕАН+6») и начале работы над Восточноазиатским сообществом [Chairman's statement of the ninth.., 2005; Kuala Lumpur declaration.., 2005].

Страны АСЕАН по-прежнему старались поддерживать такую организационную структуру взаимодействия, при которой интересы экономического развития самих стран АСЕАН не были бы отодвинуты на второй план из-за жесткой конкуренции Китая, Японии и США за право отстаивать свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и регулировать направление развития интеграционных процессов. Принцип рациональной избирательности в подходе к членству или статусу наблюдателя обусловлен желанием строго контролировать как развитие самой АСЕАН, так и деятельность других стран в разных форматах взаимодействия. Именно поэтому, получив статус наблюдателей, США и Россия по-прежнему не задействованы в крупных проектах Восточноазиатского саммита.

Четвертый Восточноазиаткий саммит, проведенный в Таиланде в 2009 г., стал ключевым в процессе создания Всеобъемлющего регионального экономического партнерства в Восточной Азии (ВРЭП), объединяющего страны АСЕАН, Японию,

Китай, Республику Корея, Австралию, Новую Зеландию и Индию [Chairman's statement of the 4 th.., 2009]. Помимо обсуждения вопросов, касающихся ВРЭП, страны «АСЕАН+3» провели переговоры о создании зоны свободной торговли, что изначально и было целью создания «АСЕАН+3». Но с учетом расширения экономического сотрудничества АСЕАН с Австралией, Новой Зеландией и Индией встал вопрос о совмещении всех достигнутых ранее договоренностей в сфере создания зон свободной торговли. Главы государств согласились с выводами министров экономики об одновременной работе над созданием как Восточноазиатской ЗСТ «АСЕАН+3», так и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства в Восточной Азии.

В 2012 г. на Восточноазиатском саммите в Камбодже страны договорились о начале переговорного процесса по соглашению «Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство», которое должно заработать в полную силу к концу 2015 г., объединив в себе «Всестороннее экономическое партнерство» («АСЕАН+6») и «Восточноазиатское соглашение о свободной торговле» («АСЕАН+3») [Chairman's statement of the 7 th.., 2012].

Несмотря на то что в последние 15 лет Китай активно участвовал в региональных интеграционных процессах, достичь позиции лидера ему не удалось: практически все инициативы были проведены на основе АСЕАН и с учетом принципа «асеаноцентричности». Единственная возможность для Китая реализовать свои экономические интересы состояла в том, чтобы принять во внимание интересы регионального развития. В этом кроется некоторое противоречие: официальные лица КНР из года в год делают заявления об отсутствии у Китая намерений стать великой державой и глобальным лидером, но и для поддержания экономики и экономического роста страны Китай должен быть интегрирован в глобальную экономическую систему, правила и порядок в которой были сформированы западными странами несколько десятилетий назад.

Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН, МВФ, вступил в ВТО в 2001 г., но западные страны, прежде всего США и страны ЕС, не проявляют желания разделить полномочия по управлению мировыми финансами согласно тому, какой вклад вносит Китай в мировую экономику. Положение дел

стало меняться после Мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., когда 20 ведущих мировых экономик объединились в «большую двадцатку» (G-20) для борьбы с экономическими кризисами, а также для выработки мер по их преодолению. В 2010 г. страны договорились о перераспределении квот в МВФ – 6% голосов было передано развивающимся странам, а БРИКС[1] вошел в десятку крупнейших акционеров фонда [Ши Цзяньсюнь, 2010]. В конце 2015 г. на очередном заседании МВФ будет обсуждаться вопрос о превращения юаня в мировую резервную валюту [China-IMF talks.., 2015]. Это говорит прежде всего о том, что влияние Китая на мировую экономику настолько велико, а его региональный статус так резко возрос после экономического кризиса, что дальнейшее игнорирование интересов Китая будет опасным и недальновидным.

Прогресс был достигнут при помощи углубления экономической взаимозависимости и развития политических связей с другими региональными лидерами. Здесь прежде всего нужно отметить деятельность Китая в БРИКС и его инициативу по созданию Банка развития БРИКС. Соответствующие договоренности были достигнуты на пятом саммите БРИКС в ЮАР в марте 2013 г. Банк развития БРИКС должен был стать альтернативой ранее упомянутым мировым финансовым структурам, не желающим признавать страны БРИКС равноправными участниками процесса управления мировой экономикой. В июле 2014 г. страны БРИКС подписали документ о создании Банка, уставной капитал которого составит 10 млрд долл. Страны также приняли решение, что Банк будет открыт для сотрудничества с другими странами, входящими в состав ООН, но доля стран БРИКС при этом должна составлять не менее 55,4%. Банк будет выделять деньги на развитие и строительство инфраструктурных объектов, способствующих стабильному росту экономики. Для многих развивающихся государств Банк развития БРИКС предлагает площадку, альтернативную институтам МВФ и ВБ, чьи программы кредитования и реформирования

[1] *БРИКС – организация, объединяющая Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР.*

экономических систем зачастую не согласуются с программами национального развития.

В конце 2013 г. начали появляться сообщения о желании Китая создать сугубо региональную финансовую структуру, поддерживающую экономическое развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В октябре 2014 г. Пекин объявил о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), основная цель которого будет состоять в содействии развитию инфраструктуры, начиная от промышленных и транспортных объектов, заканчивая социально значимыми. Причина создания АБИИ была та же – неудовлетворенность Китая работой мировых финансовых институтов, которые действуют исключительно в интересах развитых стран, таких как США, страны ЕС и Япония, не принимая во внимание интересы развивающихся стран АТР, вносящих существенный вклад в мировую экономику. В 2010 г. АБР выпустил исследовательскую работу «Оценка спроса на инфраструктурные объекты в области энергетики, телекоммуникаций, водоснабжения и утилизации отходов в Азиатско-Тихоокеанском регионе на период 2010–2020 гг.», в которой утверждается, что, по экспертным подсчетам, АТР потребуется 8 трлн долл. для поддержания соответствующего экономического развития [Bhattacharyay, 2010, p. 13]. 29 июня 2015 г. 57 стран подписали документ о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, три страны – участницы БРИКС стали крупными акционерами банка – Россия, Индия, Китай.

Следующей инициативой Китая, направленной на укрепление его регионального влияния, стало предложение Си Цзиньпина воссоздать Шелковый путь – транспортную магистраль, которая в древние времена связывала страны Восточной Азии с Западной Европой. Амбициозный проект, получивший название «Экономический пояс Шелкового пути», должен содействовать экономическому развитию северо-западных провинций Китая, связывая их со странами Центральной Азии и превращая тем самым в крупные транспортные и торговые хабы. Реализация проекта позволила бы достичь нескольких целей: разрешить вопрос о диспропорции экономического развития между провинциями восточного побережья Китая и северно-западными; повысить уровень жизни в отдаленных районах КНР; содействовать

нормализации обстановки в приграничных пунктах, подверженных частым террористическим атакам.

По сути все инициативы Китая последнего времени, направленные на укрепление региональной экономики и стабильности, представляют собой институциональный и ресурсный базис, за счет которого возможна реализация масштабных экономических проектов, таких как единая ЗСТ. Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли (АТЗСТ) была предложена китайским лидером на саммите глав государств АТЭС в Пекине в 2014 г. как проект, способный объединить усилия всех стран региона для достижения социально-экономического благосостояния и устойчивого развития [The 22 nd APEC.., 2014]. Единая ЗСТ, созданная на основе ранее образованных форматов сотрудничества, таких как ВРЭП и ТТП (Транстихоокеанское партнерство), будет работать на добровольной основе и вне рамок самого АТЭС. Для сообщества предусмотрена только функция накопителя концептуальных идей по реализации ЗСТ. Саммит глав государств показал, что Китай имеет далеко идущие планы относительно развития экономического порядка в регионе и что, даже если идея о единой ЗСТ выглядит несколько устаревшей, она получила поддержку у регионального лидера АТР, а значит, имеет неплохие шансы на то, что Пекин доведет ее до логического завершения.

В марте 2015 г. на Боаоском азиатском форуме Си Цзиньпин озвучил более детальные предложения относительно развития экономического порядка и безопасности в АТР [How China.., 2015]. Он подчеркнул, что ключевая роль будет принадлежать Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, который будет выделять деньги на строительство железных дорог, автомобильных магистралей, портов, что позволит в разы ускорить региональный процесс интеграции. Особое внимание Си Цзиньпин уделил морскому пути, соединяющему страны Восточной Азии с Южной Азией и далее со странами Персидского залива (проект «Морской Шелковый путь» – «Жемчужная нить»). Развитием этого проекта заинтересовалось около 60 стран и международных компаний. Другой важный тезис, озвученный лидером Китая, имел отношение к «китаецентричному» региональному порядку. Хотя Си Цзиньпин разуверил собравшихся в том, что Китай будет

выполнять функцию локомотива данных процессов, тем не менее он высказал убеждение в том, что Китай согласен принять на себя громадную ответственность в силу своего регионального лидерства.

Основные противоречия на пути к «китаецентричному» порядку

Медленными шагами Китай старается изменить ранее выстроенную «асеаноцентричную» модель интеграции и регионализации в Восточной Азии, а вместе с ней и порядок экономических взаимосвязей, который так или иначе не соответствует экономическим интересам Китая, готового выйти на первое место среди мировых экономик. Главным вопросом в данном случае является не столько давление на страны региона по развитию того же ВРЭП, сколько возможное обострение ситуации вокруг территориальных споров в Южно-Китайском море. Создать совершенно новую форму экономического взаимодействия в регионе, который и так перенасыщен разнообразными форматами сотрудничества, было бы чрезвычайно выгодным шагом. Нет сомнений и в том, что Китай меньше всего хотел бы портить отношения со странами АСЕАН и играть на их сближении с США. Формат саммита АТЭС, на котором была предложена идея единой ЗСТ для всего АТР, ранее выдвигавшаяся многими главами государств региона, выглядит логичным и конструктивным. Во-первых, экономики АТЭС еще в 1994 г. приняли Богорские цели (Bogor Goals), подтверждающие их нацеленность на усиление интеграции и наращивание взаимосвязей; во-вторых, принимая во внимание факт разделения сообщества на две группы – англосаксонскую и восточноазиатскую, – Пекин получил необходимую долю поддержки региональных соседей; в-третьих, у США до недавнего времени просто не было альтернативы идее Пекина, поскольку их аналогичный по содержанию проект ТТП пробуксовывал.

Несмотря на все позитивные стороны концепции единой ЗСТ для всего АТР во главе с Китаем, остается целый ряд неурегулированных вопросов, требующих от Пекина скоординированных с другими странами усилий. Основные

противоречия в процессе развития нового экономического порядка связаны как раз с окончанием переговорных процессов по подписанию соглашений о создании ТТП и ВРЭП. Пока оба региональных интеграционных проекта вошли в турбулентный период – круг участников двух проектов определен, цели и задачи проработаны.

После проведения более 700 переговорных встреч между участниками партнерства [Wade, 2014] страны 5 октября 2015 г. достигли политического консенсуса [Pacific trade.., 2015] по целому ряду проблем, начиная от вопросов, касающихся отдельных отраслей сельского хозяйства Японии, снижения рисков для фармацевтического сектора Австралии, и заканчивая интеллектуальным правом. При этом вопрос ратификации данного соглашения в Конгрессе США приобрел еще более важное значение в свете будущих президентских выборов и ожесточенной борьбы между республиканцами и демократами.

Договор ВРЭП также имеет все шансы на подписание в конце 2015 г. (одновременно с введением трех сообществ АСЕАН[1]) с последующим оттачиванием механизма в процессе. Но сам факт того, что соглашение о ТТП было подписано первым, создает предпосылки будущего роста противоречий и усиления соперничества США и Китая в АТР по экономической линии. Вашингтон дает понять Пекину, что для введения «новых правил игры» в регионе недостаточно просто продуцировать инициативы среднесрочного экономического развития, надо проводить более рискованную политику и действовать на опережение, а это для Пекина на данном этапе равносильно изменению внешнеполитической стратегии по развитию отношений со странами Индокитая, что может привести к ухудшению ситуации в области безопасности и снижению доверия между сторонами. Все это не добавляет оптимизма по поводу возможности скорого создания АТЗСТ [Neumann, 2015].

Наиболее важным аспектом при выстраивании нового регионального «китаецентричного» экономического порядка

[1] *АСЕАН планирует завершить к концу 2015 г. строительство трех сообществ – экономического, социокультурного и по вопросам политики и безопасности.*

является вопрос о стабильности самой экономической системы Китая: насколько она окажется одновременно гибкой и устойчивой, а действия китайских властей продуманными и своевременными для поддержания стабильно высокого экономического роста страны, который и является первостепенным фактором для сохранения места регионального лидера.

Во втором квартале 2014 г. было заметно снижение темпов экономического роста Китая до уровня 7,3–7,4% в год, хотя китайские власти старались придерживаться оптимистических прогнозов и продолжали настаивать, что к концу года данный показатель все-таки выйдет на ожидаемый уровень в 7,5% [China's GDP.., 2014]. Объективно снижение темпов роста было обусловлено не только внешними причинами, заключавшимися в общемировом спаде экономического роста, но и внутрикитайскими – рост происходит циклами, а его снижение говорит о приспособляемости экономической системы. Поддерживать постоянный рост на уровне 8% в год практически невозможно, к тому же в настоящее время Китай постепенно переходит к новой экономической модели – из главного производителя дешевых товаров он превращается в главного потребителя, растет спрос населения на более качественную продукцию, промышленность требует внедрения передовых технологий, которые помогут снизить зависимость от энергетических ресурсов и перейти к «зеленым» технологическим циклам. В августе 2015 г. Китаю – впервые за 20 лет – пришлось пойти на вынужденные меры по девальвации своей национальной валюты на 1,86% по отношению к доллару, чтобы остановить дальнейшее снижение экономического роста. Многие эксперты сходятся во мнении, что Пекину предстоит спад экономики до уровня 3–4% в год и только после этого можно ожидать отскока (восстановительного роста экономики) и дальнейшего экономического подъема.

Еще одним фактором, препятствующим устойчивому развитию и формированию «китаецентричного» экономического порядка в АТР, являются острейшие проблемы в области политики и безопасности. После саммита АТЭС, где стороны единогласно выступили за экономическую интеграцию, осталось много вопросов относительно достижения консенсуса по

территориальным спорам[1]. Сейчас уровень политического сотрудничества в регионе катастрофически низок, и соответственно с этим остается открытым вопрос: будут ли страны АТР способны и дальше поддерживать высокий уровень экономического роста в отсутствие должной региональной стабильности и безопасности?

На данном этапе трансформации регионального экономического порядка в АТР пока рано делать выводы о полном переходе к «китаецентричной» версии. Структура АСЕАН по-прежнему является центральным звеном в действующих форматах экономического сотрудничества. Китай же пока только делает первые шаги по созданию нового институционального обрамления, отвечающего его региональным интересам по углублению экономической взаимозависимости. Идея о создании единой региональной ЗСТ требует консолидации усилий стран – участниц ранее образованных форматов, что может повлиять на реализацию их личных внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. В среднесрочной перспективе есть большая вероятность того, что процесс регионализации будет иметь два вектора направленности: первый – страны будут дальше развивать и укреплять такие проекты, как ВРЭП и ТТП; второй – Китай попытается изменить и укрепить свой статус, стараясь уделять больше внимания развитию ресурсной основы в виде Банка развития БРИКС и АБИИ, тем самым увеличивая контроль над валютно-финансовыми потоками в АТР. Единогласно приняв идею о необходимости продвижения к единой АТЗСТ, страны, входящие в ТТП, фактически будут обязаны использовать все возможные политические инструменты для ратификации соглашения с целью сохранения своего влияния на процессы экономического развития региона. Если работа по ратификации не будет завершена в ранее установленные сроки, США придется вырабатывать новую внешнеэкономическую стратегию и пересматривать концепцию участия страны в процессах

[1] *Речь идет о территориальных спорах вокруг группы островов Спратли и Парасельских, расположенных в Южно-Китайском море, и островах Сенкаку (кит. Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море.*

регионализации и интеграции в АТР, уже принимая во внимание выдвигаемые Китаем и странами АСЕАН условия.

Список литературы

Подъем после азиатского кризиса и роль МВФ / IMF. – Wash., 2000. – 00/05(R). – Режим доступа: http://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/rus/062300r.htm (Дата обращения – 25.09.2015).

Ши Цзяньсюнь. Каково значение третьего места Китая в МВФ? // Жэньминь жибао онлайн. – Пекин, 2010. – 26.10. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/31518/7177712.html (Дата обращения – 25.09.2015).

A new initiative to overcome the Asian currency crisis: New Miyazawa initiative / Japan Ministry of finance. – Tokyo, 1998. – 3 October. – Mode of access: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/financial_cooperation_in_asia/new_miyazawa_initiative/e1e042.htm (Дата обращения – 25.09.2015).

Bhattacharyay B.N. Estimating demand for infrastructure in energy, transport, telecommunications, water and sanitation in Asia and the Pacific: 2010–2020 / ADB Institute. – Tokyo, 2010. – September. – 44 p. (ADBI working paper; N 248). – Mode of access: http://www.adb.org/sites/default/files/publication/156103/adbi-wp248.pdf (Дата обращения – 25.09.2015).

Chairman's statement of the 4 th East Asia summit / ASEAN. – Cha-am Hua Hin, Thailand, 2009. – 25 October. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/chairman-s-statement-of-the-4th-east-asia-summit-cha-am-hua-hin-thailand-25-october-2009-2 (Дата обращения – 25.09.2015).

Chairman's statement of the 7 th East Asia summit / ASEAN. – Phnom Penh, Cambodia, 2012. – 20 November. – 11 p. – Mode of access: http://www.asean.org/images/documents/Final_Chairman%20Statement%20of%20the%207th%20EAS%20(Final).pdf (Дата обращения – 25.09.2015).

Chairman's statement of the 8 th ASEAN+3 summit / ASEAN. – Vientiane, Laos, 2004. – 29 November. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/chairman-s-statement-of-the-8th-asean-3-summit-vientiane-29-november-2004 (Дата обращения – 25.09.2015).

Chairman's statement of the ninth ASEAN plus Three summit / ASEAN. – Kuala Lumpur, Malaysia, 2005. – 12 December. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/external-relations-asean-3-chairman-s-statement-of-the-ninth-asean-plus-three-summit-kuala-lumpur-12-december-2005 (Дата обращения – 25.09.2015).

Chairman's statement of the 10 th ASEAN plus Three foreign ministers meeting / ASEAN. – Phuket, Thailand, 2009. – 22 July. – 4 p. – Mode of access:

http://www.asean.org/images/archive/PR-42AMM-Chairman-Statement-ASEAN+3.pdf (Дата обращения – 25.09.2015).

China-IMF talks underway to endorse yuan as global reserve currency // The BRICS Post. – L., 2015. – 12 March. – Mode of access: http://thebricspost.com/china-imf-talks-underway-to-endorse-yuan-as-global-reserve-currency/#.Ve1sp_SPVGb (Дата обращения – 25.09.2015).

China's GDP growth slows to 7.4% // Market Watch. – N.Y., 2014. – 16 April. – Mode of access: http://www.marketwatch.com/story/chinas-gdp-growth-slows-to-74-2014-04-16 (Дата обращения – 25.09.2015).

Framework agreement on comprehensive economic co-operation between ASEAN and the People's Republic of China / ASEAN. – Phnom Penh, Cambodia, 2002. – 4 November. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/framework-agreement-on-comprehensive-economic-co-operation-between-asean-and-the-people-s-republic-of-china-phnom-penh-4-november-2002-2 (Дата обращения – 25.09.2015).

Hanoi plan of action / ASEAN. – Hanoi, Vietnam, 1998. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/hanoi-plan-of-action (Дата обращения – 25.09.2015).

How China plans to shape new Asian order // Market Watch. – N.Y., 2015. – 28 March. – Mode of access: http://www.marketwatch.com/story/how-china-plans-to-shape-new-asian-order-2015-03-28 (Дата обращения – 25.09.2015).

Japanese financial support to Korea under the framework of the «New Miyazawa initiative» / Japan Ministry of finance. – Tokyo, 1999 a. – 20 March. – Mode of access: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/financial_cooperation_in_asia/new_miyazawa_initiative/e1b055.htm (Дата обращения – 25.09.2015).

Japanese financial support to Malaysia under the framework of the «New Miyazawa initiative» / Japan Ministry of finance. – Tokyo, 1999 b. – 31 March. – Mode of access: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/financial_cooperation_in_asia/new_miyazawa_initiative/e1b059.htm (Дата обращения – 25.09.2015).

Japanese financial support to Malaysia under the framework of the «New Miyazawa initiative» / Japan Ministry of finance. – Tokyo, 1999 c. – 28 April. – Mode of access: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/financial_cooperation_in_asia/new_miyazawa_initiative/e1b063.htm (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint media statement of the 13 th ASEAN finance ministers' meeting / ASEAN. – Pattaya, Thailand, 2009. – 9 April. – Mode of access: http://www.asean.org/communities/asean-economic-community/item/joint-media-

statement-of-the-13th-asean-finance-ministers-meeting-pattaya-thailand-9-april-2009-2 (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint media statement of the 15 th ASEAN finance ministers' meeting (AFMM) / ASEAN. – Bali, Indonesia, 2011. – 8 April. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/joint-media-statement-of-the-15th-asean-finance-ministers-meeting-afmm-bali-indonesia-8-april-2011-2 (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint media statement of the 15 th ASEAN+3 finance ministers and central bank governors' meeting / ASEAN. – Manila, Philippines, 2012. – 3 May. – 9 p. – Mode of access: http://www.asean.org/images/archive/Joint%20Media%20Statement%20of%20the%2015th%20ASEAN3%20Finance%20Ministers%20and%20Central%20Bank%20Governors%20Meeting.pdf (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint ministerial statement of the ASEAN+3 finance ministers' meeting / ASEAN. – Shanghai, China, 2002. – 10 May. – Mode of access: http:// www.asean.org/news/item/joint-ministerial-statement-of-the-asean-3-finance-ministers-meeting-shanghai-10-may-2002-people-s-republic-of-china (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint ministerial statement of the 14 th ASEAN+3 finance ministers' meeting / ASEAN. – Hanoi, Vietnam, 2011. – 4 May. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/joint-ministerial-statement-of-the-14th-asean3-finance-ministers-meeting-ha-noi-4-may-2011-2 (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint statement of the 16 th ASEAN+3 finance ministers and central bank governors' meeting / ASEAN+3 Macroeconomic Research Office (AMRO). – Delhi, India, 2013. – 3 May. – 5 p. – Mode of access: http://www.amro-asia.org/wp-content/uploads/2013/05/16th-AFMGM+3-Joint-Statement_2013-India.pdf (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint statement of the Japanese and Singapore ministers at the ministerial review meeting on the agreement between Japan and the Republic of Singapore for a new-age economic partnership / Japan Ministry of foreign affairs. – Tokyo, 2003. – 11 December. – 7 p. – Mode of access: http://www.mofa. go.jp/region/asia-paci/singapore/jsepa0312.pdf (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint statement of the meeting of Heads of State/Government of the Member States of ASEAN and the Prime Minister of Japan / ASEAN. – Kuala Lumpur, Malaysia, 1997. – 16 December. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/external-relations-japan-joint-statement-of-the-meeting-of-head-of-state-government-of-the-member-states-pf-asean-the-prime-ministers-of-japan-kuala-lumpur-16-december-1997 (Дата обращения – 25.09.2015).

Joint statement on East Asia cooperation / Japan Ministry of foreign affairs. – Tokyo, 1999. – 28 November. – Mode of access: http://www.mofa.go.

jp/region/asia-paci/asean/pmv9911/joint.html (Дата обращения – 25.09.2015).

Kojima K. The «flying geese» model of Asian economic development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications // J. of Asian economics. – Amsterdam: Elsevier, 2000. – N 11. – P. 375–401.

Kuala Lumpur declaration on the ASEAN plus Three summit / ASEAN. – Kuala Lumpur, Malaysia, 2005. – 12 December. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/kuala-lumpur-declaration-on-the-asean-plus-three-summit-kuala-lumpur-12-december-2005 (Дата обращения – 25.09.2015).

Neumann F. Asia's new economic order // Nikkei Asian Review. – Tokyo, 2015. – 21 April. – Mode of access: http://asia.nikkei.com/Viewpoints/Economeister/Asia-s-new-economic-order (Дата обращения – 25.09.2015).

Pacific trade negotiators reach landmark deal, fight for approval to follow // The Asahi Shimbun. – Tokyo, 2015. – 05.10. – Mode of access: http://ajw.asahi.com/article/business/AJ201510050088 (Дата обращения – 22.10.2015).

Statement of Asian finance ministers and central bank governors: Indonesia, Japan, Korea, Malaysia, Philippines, Singapore and Thailand / Japan Ministry of finance. – Wash., DC, 1998. – 3 October. – Mode of access: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/financial_cooperation_in_asia/new_miyazawa_initiative/e1e043.htm (Дата обращения – 28.01.2013).

Summary of ASEAN+3 (Japan, People's Republic of China, the Republic of Korea) summit meeting / Japan Ministry of foreign affairs. – Singapore, 2000. – 24 November. – Mode of access: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/conference/asean3/summary0011.html (Дата обращения – 25.09.2015).

The 22 APEC ecomomic leaders' declaration: Beijing agenda for an integrated, innovative and interconnected Asia-Pacific / APEC. – Beijing, China, 2014. – 11 November. – Mode of access: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm.aspx (Дата обращения – 25.09.2015).

The Asean declaration (Bangkok declaration) / ASEAN. – Bangkok, Thailand, 1967. – 8 August. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/the-asean-declaration-bangkok-declaration (Дата обращения – 25.09.2015).

The declaration of ASEAN concord / ASEAN. – Bali, Indonesia, 1976. – 24 February. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/declaration-of-asean-concord-indonesia-24-february-1976 (Дата обращения – 25.09.2015).

The fourth ASEAN informal summit / ASEAN. – Singapore, 2000. – 22–25 November. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/the-

fourth-asean-informal-summit-22-25-november-2000-singapore (Дата обращения – 25.09.2015).

The Japan-Singapore economic partnership agreement (JSEPA) / Japan Ministry of foreign affairs. – Tokyo, 2002. – January. – Mode of access: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/singapore/jsepa.html (Дата обращения – 25.09.2015).

Treaty of amity and cooperation in Southeast Asia / ASEAN. – Bali, Indonesia, 1976. – 24 February. – Mode of access: http://www.asean.org/news/item/treaty-of-amity-and-cooperation-in-southeast-asia-indonesia-24-february-1976-3 (Дата обращения – 25.09.2015).

Wade M. Trans-Pacific trade deal within reach of finish line, says Andrew Robb // The Sydney Morning Herald. – Sydney, 2014. – 27 October. – Mode of access: http://www.smh.com.au/nsw/transpacific-trade-deal-within-reach-of-finish-line-says-andrew-robb-20141027-11chdz.html (Дата обращения – 25.09.2015).

К сведению авторов

В ежеквартальном журнале «Актуальные проблемы Европы» публикуются научные статьи и аналитические обзоры (в качестве дополнения могут включаться другие научно-информационные материалы: статистические приложения, переводы документов, рефераты, интервью), отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Все номера журнала являются тематическими; содержание рукописи должно соответствовать тематике номера.

Рукописи сдаются ответственному редактору-составителю в электронном виде в формате *doc или *docx. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором, все цитаты и ссылки на источники и литературу должны быть выверены.

В статье следует указать: фамилию, полное имя и отчество автора, название статьи. Статья должна содержать: аннотацию на русском языке (объем – до 500 знаков) и ее перевод на английский язык, ключевые слова на русском языке (5–7 слов) и их перевод на английский, основной текст, список литературы. Материалы могут содержать подстраничные текстовые сноски.

Список литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русские источники, потом иностранные). В тексте статьи после упоминания об источнике или после цитаты в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и номер страницы. Если автора у материала нет, то указывается название (первые несколько слов, достаточных для однозначного определения источника, и многоточие), год издания и номер страницы (все через запятую).

Примеры на русском языке: [Смирнов, 2016], [Михайлов, Петров, 2015, с. 20; Смит, 2010, с. 68], [Совместное заявление.., 2014].

Пример на английском языке: [Smith, 2011, p. 143].

Объем принимаемых к рассмотрению статей: 30–40 тыс. знаков (с учетом пробелов), рецензий – 16–24 тыс. знаков. Формат страницы А4. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14. Междустрочный интервал – полуторный. Поля страницы составляют: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1 см. Текст выравнивается по ширине листа. Абзацный отступ равен 1 см. Таблицы и рисунки встраиваются в текст статьи (не допускается представление таблиц и рисунков в альбомном формате). При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна. Используемые цвета в диаграммах и рисунках должны быть различимы в черно-белом изображении. Перенос слов не допускается.

В отдельном файле формата *doc необходимо предоставить следующую информацию:

– сведения об авторе на русском языке: имя, отчество и фамилия полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес и номер телефона;

– перевод указанных выше сведений об авторе на английский язык.

Статьи публикуются по рекомендации редколлегии по итогам рецензирования. Плата за публикации рукописей аспирантов и докторантов не взимается. Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку.

Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» по политологии.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЫ
URGENT PROBLEMS OF EUROPE

Научный журнал
2016 – № 1

Россия – Запад: Политические и экономические измерения кризиса = Russia – the West: Political and economic dimensions of the crisis

Редактор-составитель выпуска –
доктор политических наук М.В. Братерский

Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, ИНИОН РАН. Отдел Западной Европы и Америки.

Дизайн обложки И.А. Михеев
Дизайн-макет Н.В. Смирнова
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 24/ XII – 2015 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ.л. 11,75 Уч.-изд.л. 9,3
Тираж 450 экз. Заказ № 164

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9